LIBRARY OF THE MUSEUM OF COMPARATIVE ZOOLOGY

ПЯТЬДЕСЯТЪ ТРЕТІЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

3335
им. А. И. ГЕРЦЕНА
Пров. 50

1915

1

стр.

5. Письма **Ив. С. Аксакова** къ **Н. А. Елагину**. Сообщ. **М. В. Безъ**.
14. Къ исторіи Смоленска. Автобіографія **І. Г. Тыртова**. Съ введеніемъ и примѣчаніями. **Б. Модзалевскаго.**
22. Изъ собранія автографовъ **А. А. Милорадовичъ**. Письма Императора **Николая I**, Императора **Александра II**, **Ѳ. М. Достоевскаго**, **И. А. Тургенева**, **А. Островскаго**, **И. Лажечникова**, **А. Потѣхина**, **Н. Некрасова**, **Апухтина**, **Я. Полонскаго**, гр. **М. Ю. Віельгорскаго.**
31. Къ исторіи освобожденія русскихъ плѣнныхъ изъ Хивы. Сообщ. дѣйств. чл. Оренб. уч. арх. ком. свящ. **Николай Модестовъ.**
49. Переписка кн. **Д. И. Долгорукаго.**
85. Къ двадцатипятилѣтію научно-литературной дѣятельности **Л. М. Савелова**. Адресъ, поднесенный **Л. М. Савелову** чинами Моск. отд. Общ. Архива Мин. Императорскаго двора.
86. Пруссификація Германіи, ея исторія, цѣли и слѣдствія. **Барона де Бая.**
106. Рескриптъ **Екатерины II-ой** о сохраненіи персидскаго нейтралитета въ войнѣ съ Турціей 1769 года. Сообщ. **П. Л. Юдинъ.**
111. Нападеніе русскихъ шлюпокъ на турецкую эскадру. Изъ русско-турецкой войны 1877—78 гг. Статья **В. Голубева.**
117. Два Имана или истребленіе Дома Аварскаго. Историческое повѣствованіе о Кавказѣ.

Внутри обложки. О книгахъ: Сборникъ въ память кн. П. П. Вяземскаго; Сборникъ статей, посвященныхъ Л. М. Савелову; В. З. Завитневича, Русскіе Славянофилы и ихъ значеніе въ дѣлѣ уясненія идей народности и самобытности; А. А. Глазунова, Матеріалы для исторіи Русской иконописи; Отчетъ Императорской публичной библіотеки за 1907 г.; Б. Старовѣрова, Нѣмецкое плѣненіе Харьковскаго университета. Вѣстникъ О-ва Ревнителей исторіи, в. I.

Принимается подписка на 1915 годъ.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1915.

Сборникъ въ память князя Павла Петровича Вяземскаго. П. 1915. Изданіе Имп. Общ. Люб. Древней Письменности.

Главная часть изданныхъ здѣсь матеріаловъ говоритъ о первыхъ шагахъ основаннаго кн. Вяземскимъ Общества Любителей Древней Письменности. Они были сдѣланы такъ недавно, и потому матеріалы пестрятъ именами иногда только-что почившихъ членовъ Общества, иногда еще здравствующихъ. Это—письма кн. Вяземскаго и Н. П. Барсукова къ гр. С. Д. Шереметеву. Сверхъ того, мы здѣсь находимъ воспоминанія г-жи Кавелиной о кн. Вяземскомъ и письмо Н. П. Барсукова къ гр. Е. П. Шереметевой о кончинѣ и похоронахъ Вяземскаго (въ 1888 г.).

„Сборникъ статей посвященныхъ Л. М. Савелову“. Изданіе Историко-Родословнаго Общества въ Москвѣ подъ редакціей **И. Н. Бороздина, Н. В. Мятлева и Н. П. Чулкова.** 329 стр.

Историко-Родословное Общество постановило ознаменовать исполнившееся 8-го Генваря сего года двадцатипятилѣтіе научно-литературной дѣятельности Леонида Михаиловича Савелова изданіемъ сборника статей въ честь его. Читателямъ Русскаго Архива нѣтъ нужды говорить о значеніи Л. М. Савелова, какъ выдающагося знатока исторіи отечественной, столь плодотворно потрудившагося въ области генеалогіи и родословія. Къ сборнику приложенъ списокъ печатныхъ трудовъ Л. М., составленный Л. Хоменко, просматривая который невольно дивишься его необыкновенному трудолюбію, глубокой разносторонней учености. Не ограничивая дѣятельности своей одними научными розысканіями, Л. М. Савеловъ ясно сознавалъ необходимость установить живое общеніе между тѣми, кто любитъ родное прошлое и отдался изученію родословныхъ, и задумалъ основать въ Первопрестольной Историко-Родословное общество.

Утвержденное въ 1905-омъ году, когда темныя своей землѣ несвоеземныя силы пытались поколебать устои государства, Историко-Родословное общество самымъ возникновеніемъ своимъ показало, сколько жизненности, правды и мощи въ томъ, что тщились изобразить отживающимъ, лживымъ и устарѣлымъ. Весьма знаменательно, что двадцатипятилѣтіе научно-литературной дѣятельности Л. М. Савелова совпало съ десятилѣтіемъ Общества, на преуспѣяніе коего онъ положилъ не мало труда и рачительной заботливости.

Изъ помѣщенныхъ въ сборникѣ статей слѣдуетъ отмѣтить: очеркъ Д. Савелова о Патріархѣ Іоакимѣ (Савеловѣ), гдѣ приведены вѣскія возраженія противъ различныхъ навѣтовъ на память святителя, „Семейныя Лѣтописцы“ Б. Модзалевскаго, „Князья Бековичъ-Черкасскіе“ С. Любимова (согласно преданіямъ семейнымъ слѣдовало бы писать Черкаскіе съ однимъ с), любопытнѣйшее изысканіе Н. Чулкова о родѣ де-Витте, Письма Императрицы Елисаветы Алексѣевны, сообщенныя Предсѣдателемъ Тульской Ученой Архивной Комиссіи В. Арсеньевымъ, гдѣ въ каждой строчкѣ сквозитъ чудное сердце и возвышенная душа скорбной супруги Александра Павловича, „Изъ семейныхъ преданій рода Загоскиныхъ“ М. Загоскина, разсказъ о св. Серафимѣ Саровскомъ, М. Любавскій. „Къ толкованію 73 статьи „Русской Правды“. Н. Мятлевъ, „Къ родословію князей Мстиславскихъ“. И. Бороздинъ „Казаки въ Бельгіи въ 1814 году“, очень живо описавшій отношеніе Бельгійцевъ къ доблестнымъ воинамъ нашимъ.

Книга снабжена рисунками, гербомъ и портретомъ Л. М. Савелова и ласкаетъ глазъ скромнымъ изяществомъ изданія.

П. Б. (младшій.)

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУ́ССКІЙ А́РХИ́ВЪ

издаваемый Петромъ Бартеневымъ (младшимъ).

1915-го года.

(Годъ изданія 53-й).

Двѣнадцать выпусковъ Русскаго Архива, каждый отъ 130 до 160 страницъ, въ общемъ составятъ три книги, до 600 страницъ каждая, съ отдѣльными счетомъ страницъ, оглавленіями и общими, за весь годъ, указателями: 1) личныхъ именъ и 2) книгъ, помянутыхъ въ библіографическомъ отдѣлѣ Русскаго Архива.

Годовая цѣна Русскому Архиву въ 1915 году, за двѣнадцать выпусковъ съ пересылкой и доставкой девять рублей, для чужихъ краевъ двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ конторѣ Русскаго Архива, на Арбатѣ, въ Денежномъ пер., д. № 3, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

За перемѣну адреса тридцать копѣекъ.

Жалоба на неполученіе принимается лишь въ теченіе мѣсяца со дня выхода книжки, при чемъ жалобщики благоволятъ заявлять № своей бандероли, что и при перемѣнѣ адреса. Спустя три мѣсяца со дня разсылки книжекъ контора никакихъ жалобъ не принимаетъ.

Въ конторѣ Русскаго Архива продаются 12 выпусковъ журнала за 1913 и 1914 гг., по 12 р. Отдѣльные №№ за 1913 и 1914 гг., по 2 р.

За 1913 годъ въ Русскомъ Архивѣ были напечатаны, между прочими, слѣдующія статьи и сообщенія:

П. И. Бартеневъ, Рѣчь Славянскимъ представителямъ въ 1867 году;—Министръ Нар. Просв. Н. П. Боголѣповъ, Страница изъ жизни Московскаго Университета (воспоминанія 1894 года);—Письмо кн. Вяземскаго къ Пушкину;—Письмо профессора Ключевскаго къ Графу С. Д. Шереметеву;—Письмо Ломоносова къ Шувалову, сообщ. А. А. Милорадовичъ;—Описаніе перстня царя Михаила Ѳеодоровича, сообщ. Г. С. Ш.;—Графъ П. С. Шереметевъ. О Русскихъ художественныхъ промыслахъ;—Переписка Неверовскаго, (сообщ. Баронессой Клейстъ);—Л. М. Савеловъ, Дѣло князей Телятевскихъ съ Суздальскимъ Спасо-Евфиміевскимъ монастыремъ;—Академикъ А. И. Соболевскій, Земщина и казаки при избраніи на царство М. Ѳ. Романова;—Переписка Н. Д. Игнатьева, посла въ Константинополѣ, съ А. И. Карцевымъ, генеральнымъ консуломъ въ Іерусалимѣ;—Записки Сенатора И. В. Лопухина;—Письма Фельдмаршала Князя Витгенштейна за 1813 годъ;—Переписка Н. Д. Голохвастова съ И. С. Аксаковымъ о „Земскомъ Соборѣ";—Декабристъ Князь Голицынъ въ Астрахани, статья П. Юдина;—Письма Кристина и Княжны Туркестановой;—Письмо Н. Кавелина къ Н. А. Елагину, (сообщ. И. Безъ). —Записки Леонтьева;—Письмо Архимандрита Фотія къ Лэди Портеръ;—Е. Лермонтова, Письма Малороссійскихъ Гетмановъ Ивана Самойловича и Ивана Мазепы; А. Ѳ. Кони, Къ исторіи Московскаго Университета и др.

За 1914 годъ въ Русскомъ Архивѣ были напечатаны, между прочими, слѣдующія статьи и сообщенія:

Письма Властителей Сербіи къ М. Г. Черняеву, сообщ. А. М. Черняевой.—Планъ завоеванія Турціи, составленный Суворовымъ въ 1795 году.—Графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, воспоминанія Г. С. Ш.—Записи Митрополита Филарета на календарѣ. Сообщ. П. Н. Каптеревымъ.—Заботы Митрополита Филарета о Московской Духовной семинаріи. Статья Н. И. Кедрова.—Переписка начальника Пекинской духовной миссіи, архимандрита Палладія съ Генералъ-Губернаторомъ Восточной Сибири гр. Н. Н. Муравьевымъ-Амурскимъ. Сообщ. В. Крыжановскій.—Памяти А. П. Барсукова, статья Гр. П. С. Шереметева.—Описаніе рѣдкихъ и цѣнныхъ изданій, собранныхъ В. М. Остроглазовымъ.—Княжна Туркестанова, фрейлина Высочайшаго Двора; монографія Кн. Е. Ф. Шаховской-Глѣбовой-Стрѣшневой.—Правдивая исторія женщины, которую считали очень лживой, Е. Вадковской, рожд. Гр. Чернышевой; сообщ. А. А. Плещеевымъ.—Изъ переписки Гр. Л. Н. Толстого съ П. И. Бартеневымъ о „Войнѣ и Мирѣ".—Письмо М. Н. Алисова къ супругѣ; сообщ. Гр. Соллогубъ.—Страничка изъ исторіи Смутнаго времени, Царица Марія Петровна Шуйская; сообщ. Л. М. Савеловымъ.—Указы Царевенъ Прасковьи Іоанновны и Екатерины Іоанновны управителю ихъ вотчинъ, Кн. Кекуатову; сообщ. С. В. Любимовымъ.—Записка о родѣ Арсеньевыхъ; сообщ. В. С. Арсеньевымъ.—Письма Кн. Д. И. Долгорукаго къ отцу (1820 г.).—Письмо А. Н. Сѣрова къ С. А. Гедіонову, начальнику Эрмитажа и Императорскихъ театровъ; изъ собранія автографовъ А. А. Милорадовичъ.—Размышленія Француза въ его второмъ Отечествѣ, рѣчь Барона де Бая.—Докторъ Эрнестъ Мука, опытъ изслѣдованія сербо-лужицкаго народа въ Саксоніи и Пруссіи; статья И. Я. Брюля-Сербина.—„Истинная исторія Карпато-Россовъ, или Угорскихъ русиновъ", изданная народолюбцемъ Александромъ Духновичемъ; сообщ. Ѳ. Ѳ. Аристовъ.—Боярин В. П. Шереметевъ подъ Витебскомъ въ 1654 году; сообщ. И. С. Бѣляевъ.—Католикосъ Іосифъ, кн. Аргутинскій-Долгорукій; статья П. Л. Юдина и др.

Объявленія въ Русскомъ Архивѣ печатаются по цѣнѣ: передъ текстомъ, страница 100 р., 1/2 стр. 50 р., 1/4 стр. 25 р.; послѣ текста, страница 80 р., 1/2 стр. 40 р., 1/4 стр. 20 р. Лицамъ, печатающимъ объявленія многократно, Контора дѣлаетъ уступку.

Составитель и издатель Петръ Бартеневъ (младшій).

Отъ Комитета Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны ТАТІАНЫ НИКОЛАЕВНЫ для оказанія временной помощи пострадавшимъ отъ военныхъ бѣдствій.

Наступилъ седьмой мѣсяцъ войны.

Велика нужда населенія тѣхъ мѣстъ, гдѣ кровавой чредой развернулись военныя дѣйствія. А мѣстъ этихъ все прибываетъ: къ Западнымъ губерніямъ нашимъ прибавились Черноморское и Балтійское побережья.

Звѣрскій врагъ не только въ конецъ разоряетъ мирныхъ жителей, безпощадно громитъ ихъ жилища и расхищаетъ ихъ имущество, но, уводя въ плѣнъ или убивая главу семьи, неумолимо обрекаетъ сиротъ на голодную смерть.

Нужда жгучая—многія тысячи страдальцевъ остались безъ крова, одежды и хлѣба, а зима не ждетъ.

Комитетъ Ея Высочества взываетъ къ добрымъ чувствамъ русскихъ людей; велики жертвы ихъ на раненыхъ воиновъ, на доблестныхъ защитниковъ Отечества и на ихъ семьи. Но не отвернутъ они милосердаго лица своего и отъ изстрадавшихся обнищавшихъ братій своихъ, принявшихъ на грудь свою ударъ вражескій и неблагополучіемъ своимъ охраняющихъ благополучіе всей Земли Русской.

СЪ МІРА ПО НИТКѢ, ГОЛОМУ—РУБАШКА.

Пожертвованія направляются къ Ея Императорскому Высочеству Великой Княжнѣ ТАТІАНѢ НИКОЛАЕВНѢ въ Царское Село или въ Петроградъ, къ Предсѣдателю Комитета А. Б. Нейдгарту, Кирочная, 40, или въ Канцелярію Комитета, ул. Жуковскаго, 59.

ИЗДАНІЯ РУССКАГО АРХИВА

П. И. Бартеневъ. Пушкинъ въ Южной Россіи. Изданіе второе, безъ перемѣнъ. Москва, 1914. Ц. 1 р. 50 к.

И. Я. Брюль-Сербинъ. Dr **Эрнестъ Мука.** Опытъ изслѣдованія сербо-лужицкаго народа въ Саксоніи и Пруссіи. Съ портретомъ и автографомъ. Москва, 1914. Ц. 25 к.

Изданія РУССКАГО АРХИВА продаются въ Конторѣ журнала и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Подписчики Русскаго Архива, выписывающіе непосредственно изъ Конторы, пользуются скидкой 15 %.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ПЯТЬДЕСЯТЪ ТРЕТІЙ

1915

I

1944

19269
1922.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ (младшимъ)

О вспомни свой удѣлъ высокій,
Былое въ сердцѣ воскреси
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси.

Хомяковъ.

Библиотека Ленингр. Гос. Пед. Ин.
3335
им. А. И. ГЕРЦЕНА

1915

КНИГА ПЕРВАЯ

МОСКВА
Синодальная Типографія
1915

ПИСЬМА ИВ. С. АКСАКОВА КЪ Н. А. ЕЛАГИНУ

Любезнѣйшій Николай Алексѣевичъ. Вижу по газетамъ, что Вы утверждены мировымъ посредникомъ. Богъ въ помочь! Я съ своей стороны могу Вамъ также сообщить добрую вѣсть: мнѣ разрѣшили изданіе газеты, и я начну ее издавать съ 15 Сентября. Теперь къ дѣлу. У меня будетъ тамъ особый отдѣлъ, посвященный крестьянскому дѣлу, „свѣдѣніямъ о ходѣ мирового посредничества, разнымъ случаямъ мировой посреднической практики“ и пр., и пр. Внося эти слова въ программу, я надѣялся на Васъ, какъ на каменный столбъ, и надѣюсь. Заготовьте мнѣ статьи и письма, хоть отъ своего лица, хоть подъ вымышленнымъ именемъ; описывайте толки крестьянъ и вырабатывающіяся изъ этихъ толковъ воззрѣнія и убѣжденія, слагающіяся понятія юридическія; также передавайте, что слагается въ головкахъ дворянскихъ. Теперь въ губерніи жить интересно. Жизнь проснулась, хоть для того, чтобы, проснувшись, увидѣть свою наготу, и какъ срамной непристойно спалось; есть движеніе, хотя бы оно и было движеніемъ разложенія. Старый порядокъ осѣлъ или осѣдаетъ, дезорганизація полная; тутъ то и любопытно приводить проявленіе силы организующей въ народѣ. Что тамъ стоитъ за всѣми этими надстройками и вѣрами? Какой тамъ материкъ окажется подъ всѣми этими слоями хлама? Какъ глубокъ слой лжи и отупленія?—Я убѣжденъ, что намъ еще долго вращаться во всякомъ безобразіи. Вся мерзость, издавшаяся въ насъ отъ 150-лѣтней спячки народа, отъ реформы Петра, отъ этого слоя 150-лѣтней толщины всякой гнусности,—вся болѣзнь, однимъ словомъ, должна высыпать наружу, какъ сыпь, потомъ подсохнетъ и спрячется. Но красива будетъ Россія въ сыпи. Въ настоящую минуту высыпетъ наружу вся болѣзнь, которая засѣла глубоко въ самый народъ. Вся порча, которая до сихъ поръ была почти незамѣтна, даже смѣшна, болѣе чѣмъ опасна,—непремѣнно должна себя заявить. Долго придется намъ изживать ложь! Экъ, сколько ея накопилось!

Вотъ именно изслѣдованія, анализъ этой лжи, особенно важенъ теперь, такъ же, какъ и зоркое наблюденіе—не вырастаетъ ли гдѣ въ тиши, пока незамѣтно, свѣжая новая спасительная сила. Впрочемъ, что же Вамъ объ этомъ писать. Вы не хуже меня знаете въ настоящую минуту, что интересно. Только пишите! Пишите хоть въ формѣ писемъ, не стѣсняясь цензурой. Что Вамъ объ этомъ заботиться? Цензура себя не забудетъ.

Новостей никакихъ особенныхъ сообщить Вамъ не могу. Какія есть, Вы знаете. Ковалевскій, Министръ, выходитъ,..... и газеты, и университеты, на мѣсто его адмиралъ Графъ Путятинъ. Объ немъ говорятъ много хорошаго и много дурного. Хорошо то, что онъ человѣкъ очень образованный, долго жилъ въ Англіи, женатъ на Англичанкѣ, слѣдовательно не долженъ стоять за цензуру. Дурно то, что онъ какой то фанатикъ православія въ худомъ смыслѣ;—онъ пріѣзжалъ сюда за благословеніемъ Филарета; симптомъ опасный.—Кн. Горчаковъ Варшавскій умеръ; пока его должность исправляетъ Военный Министръ.....!!!—Государь съ женой и двумя дѣтьми въ Москвѣ, живетъ бариномъ, пьетъ семейно чай на Воробьевыхъ горахъ. Народъ вездѣ встрѣчаетъ его хорошо. Никакихъ демонстрацій не было, адресовъ также; предводители всѣ по уѣздамъ. Москва пуста.

Всѣ разъѣзжаются, но мы остаемся въ Москвѣ. У насъ есть хорошенькій садикъ и терасса при домѣ, замѣняющіе дачу. Къ тому же въ Іюлѣ надо будетъ пріискивать квартиру. Публикаціи пущу скоро, но еще не написалъ.

Нечего и говорить какъ трудно теперь мнѣ издавать газету, теперь, при отсутствіи не только сотрудниковъ, но цѣлой среды сочувственной, вдохновляющей, вразумляющей, ободряющей. Вы и Ваши всѣ Ал. должны быть мнѣ горячими сотрудниками. Неужели же будетъ не такъ?

Наши всѣ здоровы, кланяются Вамъ и Авдотьѣ Петровнѣ, у которой цѣлую усердно ручки.

Обнимаю Васъ.

Весь Вашъ Ив. Аксаковъ.

22 Мая. 1861. Москва.

Правда, что В. Ал.[1]) идетъ въ посредники? Я уже давно не имѣю писемъ ни отъ него, ни отъ Кат. Ивановны; которая, впрочемъ, недавно писала.

---

[1]) Владиміръ Алексѣевичъ Елагинъ.

Москва, Понед., 10 Іюля. 1861.

Спѣшу увѣдомить Васъ, любезнѣйшій Николай Алексѣевичъ, что Даціаро еще не получилъ Вашихъ картинъ, но говоритъ, что получитъ ихъ дня черезъ три. Какъ только получитъ, я самъ немедленно отправлю.

Ваше послѣднее письмо очень интересно. Это хорошо, что Вы передѣлали присягу по своему, но не хорошо, что Вы не ведете книги, не записываете всѣхъ случаевъ разбирательства. Вѣдь эти книги—драгоцѣннѣйшій матеріалъ для исторіи нашего времени, для опредѣленія степени и качества нравственнаго развитія—благороднаго дворянства, съ одной стороны, и простого народа. Мнѣ нуженъ отъ Васъ непремѣнно отчетъ: имена—Богъ съ ними, но число случаевъ, категоріи случаевъ, съ обозначеніемъ числа душъ за помѣщикомъ и пр. Недавно я познакомился съ замѣчательнымъ феноменомъ, съ сыномъ Петра Ив. Трубецкого. Вообразите—у Петра Ив. Трубецкого есть меньшой сынъ—премилый, пречестный, добрый, умный молодой человѣкъ, преданный народу и чистѣйшій Славянофилъ! Откуда это берется?—Онъ здѣсь, въ самой Москвѣ мировымъ посредникомъ. Факты, имъ сообщенные, преинтересны, и признаться сказать—не въ пользу „образованнаго“ сословія.—Рѣшительно, Вы должны все записывать, и занимательное, и незанимательное и оригинальное, и пошлое.—

Вотъ Вамъ наши новости. Путятинъ[1]) вступилъ въ должность; ни въ чемъ еще не проявилъ себя, но, кажется, Кисловскій будетъ опять играть роль при немъ.—Поль получилъ разрѣшеніе издавать газету, но безъ политическаго отдѣла.—Крузе воротился изъ за границы, и остается въ Москвѣ. Слышно, и онъ хочетъ издавать газету.—Пріѣхалъ Чичеринъ, и говоритъ, что нѣтъ въ мірѣ лучше края, какъ Франція, и ползаетъ на колѣняхъ передъ государственностью, централизаціей и проч.—Получаете ли Вы Акціонеръ? Тамъ была напечатана весьма неважная статейка Погодина (Три вечера въ Петербургѣ), гдѣ онъ разсказываетъ все, что слышалъ: о плохихъ дѣлахъ того и другого торговца или капиталиста, о состояніи торговли и т. д. Чижовъ имѣлъ неосторожность пропустить ее. Вообразите, что иностранные здѣсь биржевые корреспонденты тотчасъ дали знать по телеграфу выписки этой статьи во всѣ иностранныя биржи, вслѣдствіе чего курсъ нашъ упалъ, и остановленъ былъ переводъ денегъ на Россію. Петербургская биржа взволновалась, и надъ Акціонеромъ, и надъ цензоромъ (Гиляровскимъ) нависла туча. Чижовъ ускакалъ въ Петербургъ; мо-

[1]) Гр. Е. В. Путятинъ (1803—1883) назначенъ въ 1861 г. министромъ народнаго просвѣщенія. О немъ въ Русскомъ Архивѣ 1892 г. кн. 5 и 6-ая. П. Б. (младшій)

жетъ быть, и разсѣетъ ее.—Недавно получилъ я по почтѣ изъ Петербурга конвертъ на мое имя. Распечатываю, въ немъ безъ всякаго письма, 10 печатныхъ экземпляровъ какого то воззванія. Дѣло идетъ о конституціи, разумѣется, объ образованныхъ классахъ, которые должны взять въ свои руки кормило правленія, о „патріотахъ“, которые должны предупредить Пугачевщину и проч. Темно и глупо написано. И какая подлость, посылать по почтѣ, компрометировать такимъ образомъ людей. Я слышалъ, что въ Петербургѣ такихъ листковъ появились тысячи. Послалъ бы я Вамъ одинъ экземпляръ, да, пожалуй, обвинятъ въ распространеніи. Между прочимъ, сказано: „Мы не поляки и не мужики; въ насъ стрѣлять нельзя.“ Отчего же нельзя? Что вѣшать можно, этому имѣются доказательства. Кто это писалъ и гдѣ это печатано, догадаться не могутъ, и всѣ розыски полиціи въ Петербургѣ до сихъ поръ тщетны, говорятъ.

Прощайте. Обнимаю Васъ, цалую ручки у Авдотьи Петровны.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

Вы, вѣроятно, любезнѣйшій Николай Алексѣевичъ, удивляетесь, что не имѣете такъ долго отвѣта отъ меня на Ваше дружеское письмо. Отвѣтъ замедлился по разнымъ причинамъ, между прочимъ, потому, что я все добивался отвѣта, и не добился,—отъ Ник. Ник. Павлова:[1]) не заставалъ его дома, да онъ, наконецъ, и уѣхалъ въ деревню. Благодарю Васъ за приглашеніе пріѣхать къ Вамъ. Очень бы хотѣлось это исполнить; можетъ быть, и исполню, но навѣрно не могу обѣщать. У меня на рукахъ нѣсколько изданій, которыя я непремѣнно хочу окончить къ осени, т. е. до того срока, когда начну издавать свою газету. На дняхъ выпустилъ въ свѣтъ 4-ое изданіе Записокъ Руж. Охотника и тотчасъ же продалъ книгопродавцамъ столько, сколько нужно, чтобъ покрыть издержки печатанья: изданіе роскошное, но дешевле прежняго.—Историч. Сочиненій брата печатается уже 18 листъ; это будетъ 1 томъ полн. собр. сочиненій; вслѣдъ за тѣмъ приступлю къ печатанію 2-го тома—разныхъ статей, касающихся литературы, вопросовъ общественныхъ и проч., частію напечатанныхъ и большею частью ненапечатанныхъ. Также отпечатано уже 5 листовъ 1-го тома полнаго собр. сочин. Хомякова—статей разн. содержанія. Вы и представить себѣ не можете, какъ много значитъ совокупность всѣхъ сочиненій, всѣхъ заявленій себя словомъ—умершаго человѣка: какъ живо возникаетъ весь внутренній образъ, какимъ цѣлостнымъ является

[1]) Былъ въ Редакціонной Коммиссіи, женатъ на Вѣрѣ Васильевны Перевощиковой

П. Б. (младшій).

воззрѣніе, какъ много, оказывается, пролито свѣта вокругъ, какъ много объяснено. Полное собраніе статей Хомякова вполнѣ замѣняетъ догматическое изложеніе его ученія, о недостаткѣ котораго мы горевали. Статьи его мы большею частью перезабыли. Кстати, не у Васъ ли статья о Старомъ и Новомъ? У меня есть статья подъ этимъ названіемъ, списанная рукой Ольги Өед. Кошелевой, но это статья объ Аристотелѣ и всемірной выставкѣ. Есть у меня также тетрадка, въ которой есть статья Хомякова и отвѣтъ на нее Ив. Вас. Кирѣевскаго; статья безъ заглавія и, очевидно, принадлежитъ къ самому первому періоду. Вѣроятно,—это та самая статья о Старомъ и Новомъ, о чемъ говорится въ біографіи И. В. Кирѣевскаго. Напечатанъ ли отвѣтъ послѣдняго въ его полныхъ сочиненіяхъ?—Признаюсь, я не нахожу такого полнаго противорѣчія между этою статьею Хомякова и возраженіемъ его И. В. Кирѣевскому въ 1852 году (ненапечатаннымъ); вездѣ узнаешь основную мысль Хомякова, одну и ту же. Кстати. По желанію Кошелева, біографія И. В. Кирѣевскаго напечатана мною въ корректурныхъ листахъ, въ 9 экзем., и наборъ разсыпанъ. Эта продѣлка стоила ему 72 р. сер. Но онъ хотѣлъ непремѣнно это сдѣлать, чтобы снабдить біографію нужными примѣчаніями, дополненіями и исправленіями. 1 экз. я отослалъ ему; другой—Нат. П. Кирѣевской; 3—отошлю Вамъ, Елагинымъ; 4—Погодину. Затѣмъ онъ хочетъ отдать еще Соболевскому, Максимовичу, Петерсону (гдѣ живетъ сей послѣдній?). Вашъ экземпляръ отошлю Вамъ съ первою почтой, вмѣстѣ съ посланіемъ къ Сербамъ—Вамъ и Вас. Алексѣевичу.

Затѣмъ—буду готовиться къ газетѣ. Страшная обуза,—и я уже не тотъ. Когда возишься цѣлый день съ сочиненіями И. В. Кирѣевскаго, да Хомякова, да брата, то, какъ предъ ихъ задушевнымъ, исполненнымъ искреннѣйшаго убѣжденія, полнымъ глубокой мысли, свѣтоноснымъ словомъ,—кажется блѣднымъ нашъ теперешній лепетъ!—Страшно явиться представителемъ ихъ, занять ихъ мѣсто! Разумѣется, я этой претензіи и не имѣю, въ этомъ и увѣрять нечего, но de facto въ литературѣ моя газета является единственнымъ органомъ ихъ ученія—безъ нихъ!—Но, конечно, я буду вести дѣло скромно, браться за вопросы, которые мнѣ по силамъ, и дѣйствуя по крайнему своему разумѣнію, по крайней мѣрѣ, доберечь, донести знамя, сохранить до той поры, когда можно будетъ передать его достойнѣйшему.

Я думаю, Вы теперь очень заняты, и радуюсь за Васъ. Учрежденіе Мировыхъ Посредниковъ, во всякомъ случаѣ, если бы оно и не достигало своей цѣли вполнѣ, вноситъ совершенно новый элементъ

въ нашу общественную и законодательную жизнь. Любопытно знать въ какія отношенія станетъ оно къ власти формальной, правительственной, напр., къ Губернатору?—Вы, конечно, обратите особенное вниманіе теперь—на юридическія понятія народа, вообще на его commun loy, столь мало намъ извѣстный, и безъ познанія котораго, однако же, невозможны никакія истинныя, дѣльныя преобразованія въ нашемъ судебномъ и гражданскомъ законодательствѣ. Помните же, мой дорогой Николай Алексѣевичъ,—Вы участвуете у меня съ 1-го N—всѣми видами дѣятельности литературной,—и разсказами, и серьезнымъ отчетомъ о Мировомъ Вашемъ посредничествѣ, и сообщеніемъ Вашихъ практическихъ замѣчаній, и проч., и проч.—Пожалуйста, присылайте скорѣе, присылайте послѣ того, какъ статьи будутъ изготовляться: надобно имѣть ихъ мнѣ въ запасѣ. Вы должны мнѣ поставить не менѣе 15 статеекъ въ годъ.

Такъ то. Обнимаю Васъ крѣпко, цалую ручки у Авдотьи Петровны. Когда то увидимся.

Весь Вашъ Ив. Аксаковъ.

12 Іюня. 1861 г. Москва.

Посылаемые корректурные листы не суть послѣдніе корректурные, т. е. не самые послѣдніе, исправленные. Я требовалъ три раза корректуру, всякій разъ въ 3-хъ экз. 1 экз. исправленъ

---

29 Іюня 1861 г. Москва.

Спѣшу отвѣчать Вамъ на Ваше письмо, любезнѣйшій Николай Алексѣевичъ. Я, кажется, объяснялъ, да, видно, плохо объяснилъ Вамъ еще въ прежнемъ письмѣ, что біографія набрана была, только исправленія ради, и напечатана въ корректурныхъ листахъ, всего въ 9 экземплярахъ: потому что типографія не могла бы долго держать такое огромное количество шрифта безъ употребленія. Вслѣдствіе сего наборъ былъ тотчасъ же разсыпанъ.—Вы не только можете, но обязаны сдѣлать всѣ нужныя исправленія и сообщить ихъ мнѣ или Кошелеву. Въ 1-омъ случаѣ я перешлю ихъ ему: онъ дѣлаетъ сводъ всѣхъ исправленій. Біографія, особенно вторая половина, мнѣ очень и очень нравится, хотя между обѣими половинами нѣтъ равновѣсія: первая, самая неважная, слишкомъ пространна и ...(нрзб.) письма in extenso; вторая весьма бѣгло очерчиваетъ важнѣйшую эпоху жизни Ив. Васильевича.[1])

[1]) Кирѣевскій.

Тѣмъ не менѣе, этотъ бѣглый очеркъ очень хорошо написанъ, и многое, что говорится отъ лица самого автора біографіи—прекрасно.

Я не могу Вамъ прислать бѣлыхъ листовъ, потому что наборъ разсыпанъ. Возвращать біографію Вамъ нѣтъ надобности, а Вы всѣ замѣчанія напишите на особомъ листочкѣ, съ аккуратнымъ указаніемъ на страницы и строчки, и пришлите.

Я доставилъ біографію и Натальѣ Петровнѣ.[1]) У нея было дѣло въ палатѣ по случаю раздѣла или выдѣла сына, и я по этому случаю былъ у нея. Она весьма благоразумно относится къ біографіи: во 1-хъ, хвалитъ ее, во 2-хъ, считаетъ совершенно неумѣстнымъ, какъ того желалъ Кошелевъ, и писалъ въ ней,—разсказывать всю постепенность, весь ходъ, всю обстановку обращенія Ив. Вас. къ церкви: неумѣстнымъ потому, что переданныя бумагѣ—всѣ эти нѣжныя и тонкія черты грубѣютъ и могутъ даже казаться смѣшными, тогда какъ это святыня—которую профанировать не слѣдуетъ. Да нѣтъ и надобности, ибо это дѣло чисто индивидуальное, зависитъ отъ особенностей личнаго психическаго міра, отъ тысячи случайностей, и наставительнымъ образцомъ никому служить не можетъ. Ея участіе, какъ жены, въ этомъ дѣлѣ несомнѣнно, но уловить всѣ черты этого участія, всю ежедневность участія—нѣтъ возможности. Вотъ ея мнѣніе.—Кошелевъ послалъ экземпляръ Погодину, Шевыреву, хочетъ послать Одоевскому, Соболевскому, Петерсону. По моему мнѣнію напрасно (этимъ четыремъ). Подробности, которыя они могутъ прибавить, ничтожны, и будутъ касаться 1-ой половины жизни.

Въ біографіи говорится про вечера 1839 года у Ив. Вас. На этихъ вечерахъ—сказано—Хомяковъ прочелъ двѣ статьи о Старомъ и Новомъ, противорѣчащія будто бы его позднѣйшему направленію, и потому неудобныя для печати.—Какія это двѣ статьи? Я знаю только одну, ту, на которую отвѣчалъ Ив. Васильевичъ. Эта статья, вмѣстѣ въ отвѣтомъ Ив. Вас., есть у меня, но на ней не стоитъ заглавія. Эта ли статья называется о Старомъ и Новомъ? Въ числѣ рукописей Хомякова, собираніемъ которыхъ занималась въ прошломъ году и.О. Ѳед. Кошелева, есть статья, переписанная ея рукою, съ этимъ заглавіемъ. По ея словамъ (впрочемъ, она хорошенько не помнитъ), оригиналъ статьи долженъ быть у Васъ. Разсмотрѣвъ статью, я нашелъ, что это вовсе не статья о Старомъ и Новомъ, а статья, писанная въ концѣ 1851 года: „Аристотель и Всемірная выставка“, считавшаяся потерянною.—По всей вѣроятности, статья, имѣющаяся у меня,

[1]) Кирѣевская.

та, на которую отвѣчалъ Ив. Вас., и есть статья о Старомъ и Новомъ. Но у Васъ сказано въ біографіи: двѣ статьи. Какая же это другая статья? Ив. Вас. отвѣчалъ только на одну. Не ошиблись ли Вы?—Я не нахожу, чтобъ она противорѣчила его позднѣйшему взгляду: онъ весь тутъ въ зернѣ, и самый споръ съ Ив. Вас. предтеча позднѣйшаго спора въ 1852 году. Византія характеризована такъ, точно, какъ и въ его Истор. Запискахъ, какъ и въ позднѣйшемъ отвѣтѣ Ив. Васильевичу. Есть нѣкоторыя частности, гдѣ, видно, еще не вполнѣ точно сложился его взглядъ, но это только частности. Къ тому же статья коротенькая, и многое не развито, не досказано: можно допустить только, что она имѣла характеръ вызывательный. Отвѣтъ Ив. Васильевича напечатанъ въ Полн. Собр. его сочиненій. Поэтому я напечатаю и самую статью Хомякова, но не въ 1-мъ отдѣлѣ, гдѣ у меня помѣщены капитальныя статьи, а во 2-мъ отдѣлѣ разныхъ мелкихъ статей, замѣчаній и Смѣси. При чемъ объясню ея происхожденіе. Все, что Вы объ этомъ дѣлѣ знаете, пожалуйста, сообщите мнѣ, да пришлите мнѣ всѣ статьи Хомякова, какія имѣете и какія можете предполагать, я не имѣю, или пришлите мнѣ списокъ, только немедленно.—Кстати: Вы говорили какъ то, что въ Полн. Собр. Сочин. Ив. Вас. нужно кое что перепечатать. Укажите—что. Непремѣнно надобно осенью выпустить это собраніе, въ одно время съ первымъ томомъ Сочин. Хомякова и съ первыми двумя томами сочиненій брата. Не знаю, успѣю ли я выдать 2 тома сочиненій брата, но 1-го уже отпечатано 24 листа. Но цензура стала у насъ еще хуже, съ тѣхъ поръ, какъ ее облагообразилъ Никита Петровичъ Гиляровъ.

Мамоновъ[1]) ѣдетъ съ женой и дѣтьми на счетъ Государя за границу. Какъ то и кто то ему это выхлопоталъ. Завтра они отправятся къ Рачинскимъ въ деревню, а въ половинѣ Августа пустятся въ путь, разумѣется, въ Италію.

Никогда я не переживалъ такого грустнаго, такого убійственно-томительнаго лѣта! Не знаю, какъ тамъ, у Васъ, а здѣсь уже три недѣли стоятъ жаркіе дни и душныя ночи. Москва пустехонька.

Для газеты я еще не дѣлалъ почти никакихъ приготовленій. Кругомъ такъ безлюдно, пусто, что даже помощника по части внѣшне-распорядительной найти не могу. Вы не знаете о чемъ писать? Да напишите именно—какого характера просьбы и жалобы, которыми Вы съ утра до вечера завалены? Какъ постепенно видоизмѣняются просьбы и требованія помѣщиковъ? Какъ видоизмѣняются онѣ по

[1]) Художникъ, женатъ на Рачинской.

состоянію, званію, происхожденію и мѣстности? Потомъ—старайтесь обратить вниманіе на юридическую сторону народнаго быта; дѣлайте сводъ его commun loy. Непремѣнно изготовьте мнѣ статью. Если не буду имѣть Вашей статьи въ рукахъ, то и издавать не начну. Да что же Василій Алексѣевичъ?[1]) Онъ то будетъ ли писать?

Отвѣчалъ ли Вамъ Павловъ?

Прощайте покуда, дорогой Николай Алексѣевичъ, обнимаю Васъ и цалую ручки у Авдотьи Петровны. Если Катерина Ивановна[2]) у Васъ, то и у ней также. Я писалъ ей, только адресовалъ прямо въ Орелъ.—Наши всѣ здоровы, въ Москвѣ всѣ Вамъ и Вашимъ очень кланяются.

Ив. Аксаковъ.

---

[1]) Елагинъ.

[2]) Жена В. А. Елагина.

КЪ ИСТОРІИ СМОЛЕНСКА

(Автобіографія І. Г. Тыртова).

Рукопись автобіографической записки Іосифа Гавриловича Тыртова-Степанова найдена была мною въ остаткахъ бумагъ извѣстнаго поэта Дмитрія Петровича Ознобишина (род. 1804, ум. 1877)[1]), переданныхъ мнѣ внукомъ его—Д. И. Ознобишинымъ. Симбирякъ по рожденію, по земельнымъ владѣніямъ и по службѣ, Д. П. Ознобишинъ одно время жилъ въ Смоленскѣ и интересовался мѣстною стариною; такъ, въ „Памятной Книжкѣ Смоленской Губерніи“ на 1856 годъ онъ помѣстилъ (ч. II, стр. 11—26) статью: „Смоленская святыня. Листокъ изъ Смоленскаго дневника воспоминаній туриста 1854 года“[2]); въ бытность свою въ Смоленскѣ, Д. П. Ознобишинъ, безъ сомнѣнія, услыхавъ и объ І. Г. Тыртовѣ, заинтересовался необычайною судьбою этого самоучки-актера и садовода, выработавшагося изъ простого, еле грамотнаго мясника, и побудилъ его разсказать на бумагѣ свою біографію,—что тотъ и исполнилъ, передавъ Ознобишину тетрадь съ исторіей своей жизни; въ концѣ этой тетради Дмитрій Петровичъ сдѣлалъ собственноручно выписку изъ Каталога георгинъ извѣстнаго садовника Озе, подтверждающую существованіе особой желтой георгины, которой присвоено было имя садовода Тыртова.

Наиболѣе любопытенъ въ автобіографіи Тыртова разсказъ его объ увлеченіи театромъ и о собственныхъ его попыткахъ,—повидимому

---

[1]) О немъ см. мою статью въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ“ Имп. Русскаго Историческаго Общества, С.-Пб. 1905, стр. 197—199.

[2]) Въ „Памятной Книжкѣ Смоленской Губерніи“ на 1859 г. Д. П. Ознобишинъ помѣстилъ некрологъ Ю. И. Ахвердовой, жены Военнаго Губернатора г. Смоленска Н. А. Ахвердова.

не безуспѣшныхъ,—выступать на сценѣ. Для исторіи мѣстнаго театра разсказъ Тыртова, конечно, пригодится, и слѣдуетъ лишь пожалѣть, что переданъ онъ имъ съ такою лаконичностію: было-бы любопытно знать, изъ кого состояла вся труппа Тыртова, кто были его товарищами по сценѣ, каковъ былъ репертуаръ и т. под. Разсказъ автора мы сохранили въ полной неприкосновенности, поправивъ только орѳографическія его ошибки.

Б. Модзалевскій.

Имя мое Іосифъ Стефановъ, я же и Тыртовъ. Происхожденіе мое—отъ древнихъ Смоленскихъ купцовъ, которые были коренные Русскіе. Это я говорю потому, что многіе называютъ Смолянъ Поляками. Дѣдъ мой, Смоленскій купецъ Григорій Гавриловъ Тыртовъ (который въ послѣдствіи фамилію эту перемѣнилъ, а почему, мнѣ не извѣстно), всю свою жизнь занимался мясною торговлею и имѣлъ твердый характеръ. Это видно изъ того, что во время скотскаго падежа (это было до 1812 года) пало у него 600 черкасскихъ скотинъ; чрезъ эту потерю онъ вынужденнымъ нашелся званіе свое перемѣнить, т. е. изъ купца сдѣлаться мѣщаниномъ, этотъ переходъ для другого былъ бы чувствителенъ, но онъ перенесъ его равнодушно и, сколько позволяло его состояніе, продолжалъ свою торговлю, въ каковомъ занятіи прожилъ на свѣтѣ 94 года.

Отецъ мой, Смоленскій мѣщанинъ Степанъ Григорьевъ Гавриловъ, тоже былъ мясникъ, отъ котораго родился я въ 1811 году 30 Марта, и въ 9-ый день моего рожденія мать моя умерла. Въ 1812 году, во время нашествія непріятеля, отецъ мой принужденъ былъ изъ г. Смоленска выѣхать. Въ это время изъ собственнаго своего достоянія потерпѣлъ убытку болѣе, какъ на 13,000 руб. ассигн.; которое, разумѣется, погорѣло, а нѣкоторое досталось въ руки непріятеля, за что вспомоществованія никакого, однако жъ, не получалъ. Во время этого путешествія меня, еще малютку, возили съ собою, а именно: въ г. Кашинъ, Тверь, Москву и въ Троице-Сергіевскую лавру, гдѣ я былъ сильно боленъ и совершенно умиралъ, промыслу же Божію угодно было, что я выздоровѣлъ (все это я знаю по преданію моей кормилицы и моего отца). По прошествіи этого времени и по возвращеніи въ Смоленскъ, отецъ мой сдѣлался отъ понесенныхъ убытковъ бѣднякомъ, почему и не могъ дать мнѣ надлежащаго образованія, но, по возможности своей, сначала отдалъ меня для обученія Русской грамотѣ къ Дьячку Благовѣщенской церкви, у котораго я въ $1^1/_2$ мѣсяца, бывши еще 6-ти лѣтъ, выучилъ букварь. Послѣ этого переданъ я былъ от-

цомъ къ Дьякону Крести-Воздвиженской церкви, у котораго я въ теченіе года выучилъ все то, что могъ учитель этотъ преподавать, который и убѣдилъ моего отца взять меня обратно, увѣряя, что у него болѣе учиться мнѣ нечему. Живши потомъ при отцѣ 2 года, я, разумѣется, занимался шалостями, приличными мальчику этого возраста. По прошествіи этихъ 2-хъ лѣтъ, отецъ мой вздумалъ какъ то меня поэкзаменовать, заставя что-то переписать, но я исполнить этого не могъ, потому что въ теченіе этого времени все позабылъ, почему онъ принужденъ былъ снова отдать меня для обученія въ Приходское училище, гдѣ я, пробывши $^1/_2$ года, былъ переведенъ въ 1-ый уѣздный классъ, въ которомъ, однако жъ, пробылъ я 2 года,—не потому, что не имѣлъ способности къ наукамъ, но по лѣности и разнымъ непозволительнымъ отлучкамъ. Поступивши же во 2-й уѣздный, я, по прошествіи 2-хъ или 3-хъ м-цовъ, продолжать наукъ рѣшительно не хотѣлъ, отецъ же мой, думая, что я довольно уже наученъ, къ этому меня болѣе не принуждалъ, чѣмъ я остался очень доволенъ.

Имѣвши въ то время не болѣе 13-ти лѣтъ, я занялся тѣмъ, что мнѣ болѣе нравилось, а именно: ловить птицъ, дѣлать клѣтки, вырѣзать изъ дерева куклы для такъ называемыхъ Вертеповъ, на что я былъ большой искусникъ. Болѣе же всего любилъ въ лѣтнее время бродить по лѣсамъ, лазить на самыя высокія дерева, старыя каменныя зданія, откуда снималъ птичьи гнѣзда. Не понимаю отчего, но только я ужасно любилъ наслаждаться природою; въ послѣдствіи страсть эта сдѣлалась со мною неразлучна. На 16-мъ году моего возраста отецъ мой сталъ пріучать меня заниматься мясною торговлею и дѣлать парники, въ какомъ занятіи пробылъ я годъ, послѣ чего торговалъ я въ лавкѣ съѣстными припасами, на сумму менѣе 100 руб. серебр., которую получилъ отецъ мой изъ Сиротскаго Суда*), собственно для того, чтобы пріучить меня къ торговлѣ; а какъ семейство наше состояло изъ 7-ми душъ и содержалось промысломъ отца и меня, слѣдовательно, торговля эта вполнѣ расходовъ удовлетворить не могла, почему отецъ мой вторично получилъ изъ того жъ Суда до 70-ти руб. серебр. Тогда мы опять возобновили прекращенную нами мясную торговлю, каковую и продолжали до 1831 года. Въ этомъ году отъ существовавшей въ то время эпидемической болѣзни отецъ мой умеръ, оставя на мое попеченіе 4-хъ малолѣтнихъ (отъ 2-го брака) дочерей,—въ добавокъ къ этому въ неурожайный годъ. Оставшись хозяиномъ, я продолжалъ торговать одинъ и впослѣдствіи времени сдѣлался въ оной довольно

*) Послѣ смерти моей матери продано было ея приданое за 1,650 руб. ассигн., которыя деньги и хранились въ Спротскомъ Судѣ до моего возраста.

опытенъ. Пріобрѣтя же довѣріе людей и получа изъ Сиротскаго Суда остальныя деньги, я началъ торговать порядочно.

Въ 1833 году я женился на дочери бѣднаго Смоленскаго мѣщанина Павла Уксусникова, пренебрегши другими невѣстами, изъ которыхъ были и такія, которыя имѣли приданаго до 8000 руб. ассигн. Несогласіе мое на такіе браки нельзя не причислить къ моей ошибкѣ. А какъ я былъ еще молодъ и неопытенъ, то и издержалъ, по Смоленскому обыкновенію, на свадебные обряды большую половину бывшаго у меня капитала. Послѣ чего я болѣе поимѣлъ охоты заниматься парниками (не оставляя и мясной торговли), на которые и употребилъ всѣ остальныя свои деньги, въ теченіе же года я возвратилъ почти все, что неблагоразумно издержалъ. Тутъ опять я употребилъ всѣ свои деньги на покупку дома, такъ что у меня не осталось ничего, кромѣ парниковыхъ рамъ, почему послѣдующую за тѣмъ весну принужденъ устраивать парники собственно самъ, съ помощью одной моей жены, каковое занятіе продолжалъ я года три, чѣмъ и пріобрѣлъ 500 рублей серебр., каковые употребилъ на торговлю и первымъ долгомъ почелъ я съѣздить въ Брянскъ и другіе города на ярмарки для покупки разныхъ товаровъ.

Продолжая такимъ образомъ, я поимѣлъ страсть въ свободные часы зниматься чтеніемъ Русской Литературы, на каковой предметъ случилось мнѣ купить порядочную библіотеку. Около этого времени прибылъ въ Смоленскъ съ труппою актеровъ Г. Рекановскій, и когда у него начались спектакли, то и я завлеченъ былъ пріятелемъ быть таковыхъ зрителемъ, о которыхъ прежде сего я никакого понятія не имѣлъ, а зналъ только изъ книгъ; когда же я увидѣлъ это представленіе, то мнѣ такъ понравилось, что я не зналъ, гдѣ и находился.

Съ этихъ поръ я поимѣлъ въ себѣ непредолимое желаніе сыграть на театрѣ или, лучше сказать, испытать свою способность, но не имѣлъ къ этому случая. Для достиженія этой цѣли я началъ покупать театральныя книги; оставалось только исполнить мое желаніе на дѣлѣ, для чего я вздумалъ во что бы то ни стало устроить у себя домашній театръ и, при всемъ своемъ непонятіи о таковомъ искусствѣ, я, съ помощію моихъ пріятелей, оный устроилъ и, что называется, поставилъ на своемъ. Товарищи мои тоже были мѣщане, а въ актрисы были ангажированы мною бѣдныя Дворяночки. Когда все было готово, начали дѣлать, разумѣется, репетиціи, и когда я увидѣлъ, что идетъ очень хорошо, то у меня вдругъ родилась мысль сыграть публично. Труппы Актеровъ въ то время въ Смоленскѣ не

было[1]), поэтому, не игравши ни одного спектакля на домашнемъ, я испросилъ позволенія начальства сыграть публично. Это было въ 1839 году. Получивши таковое, я немедля устроилъ въ домѣ аптекаря Мегго (гдѣ нынѣ Клубъ), какъ должно, Театръ. Начали играть подъ названіемъ на Афишѣ: „Жители г. Смоленска". 1-ый Спектакль поставленъ былъ мною: „Слѣпой, или двѣ сестры," Комедія-водевиль въ 3-хъ дѣйствіяхъ, Соч. Ансело, въ коей я игралъ роль Бернарди, доктора[2]). 2-й „Невѣста подъ замкомъ," водевиль въ 1-мъ дѣйствіи, соч. Соколова, въ коей моя роль была Корюшкина[3]), и „Бабушкины Попуган", опера-водевиль въ 1-мъ дѣйствіи, соч. Хмѣльницкаго; въ этой я игралъ Жеркура[4]), и, наконецъ, „Женихи, или вѣкъ живи и вѣкъ учись," комедія въ 1-мъ дѣйствіи, соч. Иванова[5]); здѣсь я игралъ Стародума; въ заключеніе: „Мельникъ—колдунъ, обманщикъ и сватъ", опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ[6]), въ коей я игралъ Анкудина крестьянина.

За всѣ представленія публика осталась нами очень довольна. Чрезъ это пріобрѣлъ я себѣ много пріятелей и былъ принятъ (какъ говорится) въ общество ученыхъ людей, изъ числа которыхъ былъ нѣкто г. Сорокинъ; этотъ человѣкъ занимался Механикою и Химіею и имѣлъ маленькую оранжерейку. Обстоятельства заставили его оставить г. Смоленскъ и продать домъ; поэтому бывшіе у него оранжерейные цвѣты онъ отдалъ мнѣ на сохраненіе (въ томъ числѣ были: Магнолія, Камелія, Олія и Юкки), а лѣтніе подарилъ,—именно же: нѣсколько сортовъ Георгинъ, Розы и нѣсколько разныхъ сѣмянъ. Онъ первый подалъ мнѣ мысль устроить у себя цвѣтники и далъ нѣкоторое понятіе, какъ съ ними обращаться. Можетъ быть совѣты его на меня и не подѣйствовали бы, потому что я до этихъ поръ къ цвѣтамъ имѣлъ большое отвращеніе, но, бывши однажды у него въ

---

[1]) О театрѣ въ Смоленскѣ въ болѣе раннее время упоминаетъ Н. Н. Мурзакевичъ въ своей Автобіографіи, С.-Пб. 1889, стр. 45—46. Б. М.

[2]) „Слѣпой или сестры. Комедія-водевиль въ 3-хъ отдѣленіяхъ", соч. Ансело, переводъ съ французскаго П. М. Степанова, былъ изданъ въ Москвѣ въ 1838 году. Б. М.

[3]) Комедія-водевиль съ такимъ названіемъ, сочиненная Н. С. Соколовымъ, была издана въ Москвѣ также въ 1838 году. Б. М.

[4]) Опера-водевиль „Бабушкины попуган," съ музыкою А. Н. Верстовскаго, переведенная съ французскаго Николаемъ Ивановичемъ Хмельницкимъ (бывшимъ въ 1829—1837 г.г. Смоленскимъ гражданскимъ губернаторомъ) была написана и впервые играна въ Петербургѣ въ 1819 году. Б. М.

[5]) Старинная комедія Ѳедора Ѳедоровича Иванова (ум. въ 1816 г.), изданная въ Москвѣ въ 1808 г. Б. М.

[6]) Извѣстная комическая опера А. О. Аблесимова (ум. 1783 г.), поставленная впервые въ 1779 году. Б. М.

домѣ и увидѣвши его цвѣтникъ, я вдругъ почувствовалъ сильную охоту имѣть таковые у себя.

Получивши отъ него, какъ выше сказано, цвѣты и сѣмена, я усердно принялся таковые разводить, добиваясь собственными опытами узнавать, какое растеніе что болѣе любитъ, на какой землѣ лучше ростетъ,—однимъ словомъ, я этого жаждалъ, и первый опытъ такъ мнѣ удался, что отданныя мнѣ Сорокинымъ Магноліи такъ у меня перемѣнились, что самъ г. Сорокинъ, по прибытіи чрезъ $1^1/_2$ года въ Смоленскъ, таковыхъ не могъ узнать. За отводокъ отъ оныхъ, выращенный мною въ короткое время до 6-ти футовъ, я взялъ 13 рублей серебромъ. Съ этихъ поръ я сдѣлался любителемъ цвѣтовъ.

Въ 1840 году прибыла опять въ г. Смоленскъ труппа актеровъ, которыхъ въ послѣдствіи содержателемъ былъ г. Ѳедоровъ. Этотъ человѣкъ имѣлъ талантъ по драматическому искусству. Узнавши меня, просилъ убѣдительно участвовать въ его представленіяхъ. Но какъ у меня страсть къ этому еще не охладѣла, то я съ удовольствіемъ согласился и игралъ безъ возмездія нѣсколько разъ. Всего этого было мало: мнѣ непремѣнно хотѣлось испытать себя въ роляхъ Малороссійскихъ. Къ счастью моему, я купилъ пьесу: „Шельменко, волостный писарь,“ комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ, соч. Котляревскаго[1]). А какъ я этого желалъ, то въ 3 или 4 дня роль Шельменко выучилъ. Въ 1842 году, по приглашенію г. Ѳедорова, роль эту игралъ съ прописью на афишѣ „Артиста“ (на театрѣ я именовался Степановъ), за что былъ вполнѣ одобренъ публикою, а г. Ѳедорову этимъ представленіемъ сдѣлалъ огромный сборъ. Послѣ того я игралъ и многія другія Малороссійскія роли, чѣмъ театральное мое поприще и кончилось.

Въ 1843 году я устроилъ у себя оранжерею и съ этихъ то поръ оставилъ я вовсе мясную торговлю, а преимущественно занялся цвѣтоводствомъ и ботаникою, на каковой предметъ имѣлъ книги; а какъ лучшія растенія получаются изъ-за границы и каталоги оныхъ высылаются на нѣмецкомъ діалектѣ, которому я, къ несчастью, не ученъ,—но это меня не затруднило: я принудилъ себя учиться этому языку и, благодаря моей способности, онаго достигъ. Могши на этомъ діалектѣ читать, я сталъ выписывать изъ-за границы растенія и получать каталоги; съ тѣхъ то поръ мнѣ сдѣлалось гораздо легче про-

[1]) Эта, извѣстная въ свое время комедія была написана не Котляревскимъ, а Г. Ѳ. Квиткою (Основьяненко) и издана въ Москвѣ въ 1831 г.

должать мое занятіе, которое и по сіе время продолжаю. Съ прекращенія же мясной торговли я пріобрѣлъ земли около 3-хъ десятинъ, которыя всѣ засѣиваются, а какое я въ настоящее время имѣю заведеніе, извѣстно многимъ, а именно: оранжерею на 7000 горшковъ большого и малаго формата, каковые и наполнены сполна растеніями, какъ то: Розанами до 60-ти сортовъ, Шишконосными деревцами, Лимонами, Лаврами, Ново-Голландскими Акаціями, Камеліями, Рододендрами, Эриками, разными новѣйшими Фуксіями, Пеларгоніями новыхъ же сортовъ и прочими растеніями; теплицу съ нѣсколькими видами Кактусовъ, Стацимнеевъ, Фикусовъ и другихъ тепличныхъ же растеній; богатый ассортиментъ новѣйшихъ Георгинъ, болѣе 300 сортовъ, полученныхъ мною изъ Германіи. Въ полученномъ же на нынѣшній годъ заграничномъ каталогѣ видно, что знаменитымъ Германскимъ садовникомъ Озе удостоенъ я помѣщеніемъ въ Исторію Флоры, а именно: между другими новоизобрѣтенными имъ сортами Георгинъ названъ имъ одинъ моимъ именемъ и фамиліею, т. е., Іосифъ Гавриловъ Тыртовъ.

По части общественныхъ обязанностей я тоже забытъ не былъ. Съ полученія моего совершеннолѣтія былъ избираемъ обществомъ въ разныя должности, а именно: въ 1-ый разъ Старшиною, во 2-ой Сборщикомъ казенныхъ податей, въ 3-й, въ 1848 году,—попечителемъ и Коммиссаромъ Холерной лѣчебницы, въ каковое бѣдственное время, по наставленію, однако жъ, медицины, я принималъ большое участіе въ страждущихъ, употреблялъ всѣ мѣры и подавалъ по силѣ возможности вспомоществованіе, для чего у меня въ домѣ была ежедневно и во всякое время готовая баня, спиртъ и все прочее для оттиранія; въ подобномъ пособіи я не отказывалъ никому, за что и самъ едва не пожертвовалъ жизнью, потому что въ теченіе этого времени у меня открывалась холера три раза, но, благодаря Бога, я съ лихвою награжденъ получившими мое пособіе и оставшимися въ живыхъ: въ знакъ признательности доставлено холерному попечителю г. Ангелато 28 свидѣтельствъ за подписомъ ихъ и священниковъ, духовныхъ ихъ отцовъ, каковыя и представлены имъ при рапортѣ въ холерный Комитетъ, а какое изъ того будетъ послѣдствіе, мнѣ неизвѣстно. Въ 1850 году, т. е., въ 4-ый разъ, былъ избранъ Городовымъ Старостою.— Въ каждой изъ этихъ должностей я былъ не менѣе года; въ настоящемъ же году былъ баллотированъ отъ общества Ратманомъ въ Городовой Магистратъ и Депутатомъ Квартирной Коммиссіи, на каковой должности и остался Кандидатомъ.

20 Октября 1853 года. Г. Смоленскъ.

Рукою Д. П.Ознобишина приписано: Въ Каталогѣ новыхъ Георгинъ за 1853-й годъ садовника Шарлотенбургскаго Н. Озе, вмѣстѣ съ именами царственныхъ особъ, министровъ и ученыхъ знаменитостей, красуется подъ № 875 Георгина подъ имянемъ „Jos. Gawriloff Tirtoff. Ohse“,—желтая, цвѣта сѣры Георгина (gesättigt-schwefelgell), ростомъ 4 футовъ, совершенно правильнаго образованія цвѣтковъ, какъ совершенная въ своемъ родѣ, выросшая на чудесномъ, красивѣйшемъ штамбѣ. См.: 1853. Verzeichniss der neuesten und schönsten Georginen, remontirenden Nelken, Tuchsien, Verbenen, Pelargonien, Rosen etc. von Ohse, Kunst und Handelsgärtner in Scharlottenburg, Schloss-Strasse, № 16. 17. 18.

Изъ собранія автографовъ А. А. Милорадовичъ

Императоръ Николай Павловичъ кн. Васильчикову.

26 Апрѣля. 1868.

Starskosélo le 4 Octobre 1841.

Je reçois ce soir votre lettre mon cher ami et me hate de vous enformer que non seulement je consent à ce que vous accordiez quelques jours de plus pour revoir votre famille, mais que je vous supplies de faire en cela tel arangement qui poura (sic) vous convenir. Je désire vivement que le retour des votres vous donne plus de sécurité sur la santé de votre fille, il parait que l'air natal lui est plus convenable que tout autre, et c'est déjà bon exemple pour croire qu'ils ne savent retrouver de la santé loin de chez eux.

Le bon Dieu má rendu cette nuit pour une seconde fois grand-père; ma fille est heureusement accouchée d'une fille; et vous comprendrez notre joie. Tout à vous mon cher ami en vous embrassant tendrement.

Votre affectionné N.

Императоръ Александръ Николаевичъ кн. Васильчикову.

Mon cher Prince.

Ma femme et moi nous sommes bien fachés d'être privé du plaisir de vous posséder chez nous ce soire, mais d'un autre côté nous aurions été au désespoire si cette cource avait pu faire du mal à votre santé. Nous espérons que la cure que vous venez d'entreprendre vous fera du bien et raffermira vos forces.

Permettez moi, cher Prince, de vous réitérer à cette occasion l'assurance des sentiments d'estime et d'attachement cinsere que vous porte

Votre dévoué

Aleksandre. (sic.)

9 Января. 80 г.

Достоевскій гр. Толстой.

Многоуважаемая и дорогая

Софья Петровна[1]),

Простите ради Бога—прійти не могу. Готовлю къ завтраму отослать часть рукописи въ Русскій Вѣстникъ. Всю ночь на пролетъ буду сидѣть.—А конецъ еще и не дописанъ, трое сутокъ еще просижу въ работѣ и 15-го сдамъ, вѣроятно, и конецъ на почту.

Самъ хожу чуть не помѣшанный. Жена же простудилась 1-го Января, а 4-го слегла въ постель и теперь лежитъ, лечится, ѣздитъ докторъ, простудилась, кашель и лихорадка. И во всей моей жизни страшный безпорядокъ. Пока я и жена Вамъ кланяемся, скоро приду. Передайте Графинѣ все, что сами найдете сказать ей за меня лучшаго,—вполнѣ надѣюсь на Васъ. Часто о Васъ думаемъ.

Вашъ весь

Ѳ. Достоевскій.

Середа 29 Ав. 76 г.

1875. 2-го Марта.

Bougival les Trénes Châlet.

Милостивый Государь.

Я весьма виноватъ передъ Вами; я Воскресенье былъ въ Парижѣ и видѣлся съ двумя тремя мужами, которымъ я назначилъ свиданіе; но Ваше имя ускользнуло изъ моей памяти—и я не дождался Васъ.—Покорно прошу извинить мою забывчивость, которая производитъ во мнѣ тѣмъ больше смущенія, что, по Вашимъ словамъ Вы нарочно возвращались изъ Лондона для этого свиданія.—

Что касается до самаго дѣла, т. е. до Вашего предпріятія—то считаю моимъ долгомъ высказать Вамъ мое откровенное мнѣніе....

---

[1]) Супруга поэта гр. А. К. Толстаго.

Сообразивъ всѣ обстоятельства, не могу не прійти къ заключенію, что успѣха имѣть *оно не будетъ*—какіе бы таланты Вы не завербовали, какія бы деньги не истратили.... Французы слишкомъ равнодушны ко всѣму, что не ихнее;—да и, говоря правду, они вовсе такъ насъ не любятъ и не интересуются нами.

Чепуха въ родѣ „Данишевской“ лишь можетъ имѣть 500 представленій, но серьезный французско-русскій журналъ не будетъ имѣть и пятисотъ подписчиковъ. Я желаю ошибиться; но—jusqu'à preuve du contraire—вотъ мое убѣжденіе.

Примите вмѣстѣ съ повторенными извиненіями увѣреніе въ совершенномъ уваженіи

Вашего преданнаго слуги.

И. Тургенева.

Тургеневъ кн. Васильчикову.

Mon cher ami,

Le porteur de ce billet, M-r Richard Whilney de New-York qui se trouve ici pour mener à fin la publication d'un ouvrage illustré sur la vie de Pierre le Grand désire se mettre en rapports avec les artistes, graveurs etc. de Petersbourg. Cet ouvrage est conçu dans le sens le plus favorable à la Russie, M-r Whilney a les meilleurs recommandations et ce serait une oeuvre patriotique que de lui faciliter son travail.—Je le recommande à Vous comme à l'homme le plus compétent dans ces matierès et dont la complaisance égale l'amabilité. Je Vous recommande M-e Whilney avec toute la chaleur de notre vicille amitéé et considérerais comme une obligation personelle tous les services que Vous pouvez lui rendre et les renseignements que Vous voudrez lui donner.

Je Vous serre cordialement la main

A Vous tout dévoué

Iv. Tourgueneff.

St-Petersbourg

---

ce 16 Mars 1880

Директору Эрмитажа, автору Семейства Разумовскихъ, Грав. портрет. И. В. и, Словаря гравир. русскихъ портретовъ и другихъ худ. и ист. статей Васильчикову.

На углу Малой Морской и Невскаго, д. № 11, квар. 20. Понедѣльникъ.

Любезнѣйшій Александръ Алексѣевичъ,

Я третьяго дня, какъ говорятъ французы, разбилъ себѣ носъ о дверь Эрмитажа—и мнѣ отвѣтили, что неизвѣстно еще, когда онъ откроется. Не будете ли Вы такъ добры, не пришлете ли Вы мнѣ Вашу карточку съ разрѣшительнымъ словомъ, такъ какъ мнѣ, можетъ быть, нельзя будетъ дождаться дня возобновленія открытія.—

Дружески жму Вамъ руку и остаюсь преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Середа, 29 Ав. 76.

Bougival Les Frênes Châlet.

Середа, 2 Іюня 79.

Тургеневъ Григоровичу.

Любезный Григоровичъ.

Вы приглашаетесь прибыть въ пятницу 4-го Іюня ровно въ 3 часа къ воротамъ Père Lachaise, чтобы присутствовать при освященіи памятника постановленнаго надъ могилою Н. Ц. Ханыкова.

Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи.

Ив. Тургеневъ.

(*циркулярно*)

Островскій Гедеонову.

Милостивый Государь

Степанъ Александровичъ.

Изъ письма Кл. Назарова я не могъ не замѣтить, что Вамъ не совсѣмъ нравится сценаріумъ моей волшебной сказки, я и самъ имъ недоволенъ. Онъ составленъ наскоро въ Петербургѣ; какъ только я принялся за работу, я увидѣлъ его недостатки и уже хотѣлъ просить у Васъ извиненія за него. Теперь я работаю, не стѣсняясь прежнимъ планомъ, и смѣю увѣритъ Васъ, употребляю всѣ свои силы, чтобы сдѣлать что нибудь порядочное. Согласно желанію Вашему, я постараюсь выслать Вамъ, какъ можно скорѣе образчикъ моей работы, хотя это обстоятельство для меня нѣсколько затруднительно; я пишу до-

вольно эскизно (для того, чтобы поскорѣе записать всѣ мысли, которыя приходятъ мнѣ въ голову) и потомъ уже отдѣлываю и даю произведенію общій тонъ; но, во всякомъ случаѣ, я постараюсь особо отдѣлать сцены двѣ-три и прислать Вамъ до Вашего отъѣзда за границу.

Теперь у меня къ Вамъ покорнѣйшая и убѣдительнѣйшая просьба: если, по окончаніи мною труда моего, Вы будете мной не совсѣмъ довольны или хотя имъ нѣсколько усомнитесь въ будущемъ его успѣхѣ,—сдѣлайте для меня одолженіе, бросьте его безъ церемоніи. Я не могу представить себѣ всей силы того огорченія, которое я испыталъ бы, если бъ моя пьеса, стоящая дорого дирекціи не имѣла успѣха; для меня несравненно будетъ легче потерять даромъ oleum et орега, чѣмъ подвергнуться упрекамъ и дать случай торжествовать нашей литературной братіи. Я вообще не самолюбивъ, а въ этомъ случаѣ, если Вы не поставите мою сказку, Вы не оскорбите моего самолюбія уже и потому, что я пишу ее, нисколько не думая о славѣ, а единственно для того, чтобы, сдѣлать Вамъ угодное и доставить дирекціи возможно большіе сборы. Если пьеса и не пойдетъ, я все таки потеряю немного; куплеты и музыка могутъ пригодиться для другого дѣла, кромѣ того я пріобрѣту навыкъ и мнѣ уже легче будетъ писать второе произведеніе подобнаго рода. Я теперь оставилъ всѣ другія дѣла, исключительно занимаюсь этой пьесой; если она мнѣ удастся, я буду очень радъ,—если не удастся я буду, по крайней мѣрѣ, тѣмъ утѣшенъ, что трудился добросовѣстно.

Обманувшись въ надеждѣ видѣть Васъ въ Москвѣ и разъѣзжаясь съ Вами надолго, я прошу Васъ не позабывать меня и не лишать Вашего прежняго расположенія. Пожелавъ Вамъ добраго здоровья, счастливаго пути и совершенія Вашихъ намѣреній, остаюсь

съ искреннимъ уваженіемъ сердечно преданный

Вашему Превосходительству

А. Островскій.

Лажечниковъ Гедеонову.

Милостивый Государь,

Степанъ Александровичъ;

Въ бытность мою въ Петербургѣ Ваше Превосходительство были такъ благосклонны ко мнѣ, что обѣщали взять подъ свое покрови-

тельство мою драму: „Матери Соперницы.“ Пользуясь этимъ обязательнымъ для меня заявленіемъ, беру смѣлость адресоваться къ Вамъ съ слѣдующими покорнѣйшими просьбами.

1-я. Въ главномъ управленіи по дѣламъ печати піеса моя, какъ меня увѣдомляютъ, пропущена, только требуютъ еще одинъ экземпляръ ея для отсылки въ Театральную Дирекцію съ надлежащимъ засвидѣтельствованіемъ, что нѣтъ препятствій къ представленію ея на сценѣ. Экземпляръ этотъ будетъ на дняхъ доставленъ Управленію.

Я просилъ бы покорнѣйше Ваше Превосходительство заявить черезъ кого нибудь въ театральномъ комитетѣ, за которымъ остановилось дѣло, Ваше желаніе, чтобы драма моя была скорѣе разсмотрѣна.—

2-ая. Я забылъ заявить театральной Дирекціи официально условіе получать установленный театральнымъ положеніемъ поспектакльный гонорарій. Заявленіе это прошу покорнѣйше приказать вписать, гдѣ слѣдуетъ. Въ Москвѣ драма моя, съ моего согласія пойдетъ въ первый разъ въ бенефисъ артистки г-жи Васильевой 15-го Ноября.—

3-ая. Вы были такъ милостивы, что обѣщали для моей піесы новые костюмы и декорацію.

Смѣю надѣяться, что, при соображеніяхъ по этому предмету, Ваше Превосходительство не оставите удѣлить нѣкоторую сумму для постановки ея на московской сценѣ, на которой костюмы и декорація отъ частаго употребленія въ Смерти Грознаго, Опричникѣ и Василисѣ Мелентьевой выцвѣли и устарѣли.

Преставляю эти просьбы начальнику театровъ, который не только горячо любитъ искуство, но и глубоко понимаетъ его.

Счастливъ я, что моя драма попадаетъ на сцену въ такое время, которое будетъ считаться эрой процвѣтанія русскихъ театровъ.

Пользуюсь случаемъ просить Ваше Превосходительство принять увѣреніе глубокаго уваженія и совершенной преданности

Вашего покорнѣйшаго слуги

Ивана Лажечникова.

Москва 25 Сентября 1868. На Поварской, въ домѣ Николаева.

Потѣхинъ Гедеонову.

Милостивый Государь

Степанъ Александровичъ,

За отъѣздомъ моимъ изъ Петербурга, я просилъ П. В. Васильева доставить Вашему Превосходительству мои комедіи *Отрѣзанный Ломоть* и *Братъ и сестра*, которая на сценѣ представлялась подъ названіемъ: „Хоть шуба овечья да душа человѣчья.“

Будьте добры, согласно Вашему обѣщанію просмотрите ихъ, потрудитесь сдѣлать, какія признаете нужными, сокращенія, и затѣмъ не откажите въ дозволеніи возобновить ихъ на сценѣ. При этомъ позвольте попросить, Ваше Превосходительство, роль Тявкина, которую исполнялъ въ Москвѣ Садовскій, отдать здѣсь П. В. Васильеву, а роль Николая въ *Отрѣзанномъ ломтѣ* и Панибратова въ *Шубѣ овечьей*, за отсутствіемъ исполнявшаго ихъ въ Петербургѣ актера Аграмова, предать Монахову: обѣ онѣ будутъ совершенно въ его средствахъ, и лучшаго исполнителя для нихъ, по моему мнѣнію, даже желать нельзя.

Принося Вашему Превосходительству искреннюю благодарность за любезность и вниманіе, которыхъ Вы меня удостоивали, съ глубочайшимъ уваженіемъ и съ совершенною преданностью, имѣю честь быть,

Вашего Превосходительства

покорнѣйшій слуга

Алексѣй Потѣхинъ.

26-го Ноября. 1867 г.

Некрасовъ Григоровичу.

4 Октября. Спб.

Любезнѣйшій другъ Дмитрій Васильевичъ,

Сегодня выпустилъ X книгу С. которая, по счастію, составилась недурно,—и нынѣ напомнить Вамъ, что XI книжка ждетъ Вашей повѣсти. Напишите къ какому числу вышлите, а еще лучше высылайте сейчасъ по полученію сего письма.

Знаете ли, что Ваша школа гостепріимства очень хороша, нельзя читать безъ смѣху этого живого и веселаго разсказа. Легкость его удивительна. Я пожалѣлъ, что онъ не попалъ въ Современникъ, это въ сущности, самой трудный родъ, но наконецъ, Вы имъ овладѣли и теперь совѣтую Вамъ не бросать его. Вы, безъ любезностей—можете дать нашей литературѣ русскаго Пиккъ-Вика

Весь Вашъ Некрасовъ.

P. S. Ждемъ сюда Василія Петровича. Пробылъ уже съ недѣлю Дружининъ. Посылаю Вамъ кусочекъ изъ объявленія Краевскаго. Для возбужденія задора въ подписчикахъ, онъ публикуетъ, что Вы взяли романъ этотъ (чтобы) придать ему возможное совершенство. Смотрите же! Вотъ что значитъ продавать товаръ неготовый; не шутя, велите Краевскому тотчасъ выкинуть эту глупость изъ объявленія, иначе будутъ ее повторять еще три мѣсяца.

Для успокоенія Вашей совѣсти сообщаю Вамъ, что Кр. купилъ еще романъ у Потѣхина, котораго ..... неизвѣстно съ чего началъ тянуть въ геніи, а Кр. и повѣрилъ, и такъ вотъ вамъ цѣлый коробъ сплетенъ.

Вы, вѣроятно, полагаете, что я уже забылъ, среди столичныхъ развлеченій и берега Оки и наши станціи сельскія дубравы, напротивъ того часто, часто мы вспоминаемъ о тихой сельской нашей жизни—я и здѣсь впрочемъ живу, какъ въ деревнѣ, никуда не *выхожу*, потому что къ шеѣ прикладываются шпанскія мушки и мѣняются каждая 3 раза въ сутки. Это препятствуетъ туалету приличному и проч.

Полагая, что мельница приходитъ къ концу, я къ вамъ пишу съ покорнѣйшею просьбою наставить на путь Бѣликова въ перестройкѣ тѣснаго домика, рисунки котораго, не помню, у васъ ли, или въ столѣ моемъ остались. Главное, чтобы лѣсъ приготовить посуше—также не помню какимъ образомъ будетъ подвѣска стѣнки, отдѣляющая заднюю *комнатку*—или это будетъ просто перегородка и проч. На счетъ матеріала прошу васъ нужное распоряженіе сообщить Бѣликову, который къ вамъ зайдетъ съ этимъ письмецомъ.—Объ васъ мы вспоминаемъ съ Тургеневымъ и Сологубъ, послѣдній написалъ *комедію*—*Чиновникъ*, которая имѣла при чтеніи большой успѣхъ—„c'est la réintégration de l'employé.“ Между тѣмъ Г. проѣхалъ и возвратился благополучно.

Тамъ Его принимали съ неимовѣрнымъ восторгомъ. Состояніемъ войскъ Онъ чрезвычайно былъ доволенъ, въ надеждѣ видѣть вскорѣ сына, который пріѣдетъ отдохнуть и побывать съ нами

вашъ преданный слуга

Г. М[1]).

Петербургъ Ноября 13.—25 г.

Апухтинъ Козлову.

И. П. Бартоломей и я хотѣли у тебя обѣдать въ субботу. Расположенъ ли ты насъ принять, и можно ли пріѣхать въ „особенномъ“ (surtout)? Дай отвѣтъ.

Апухтинъ.

Полонскій Козлову.

Многоуважаемый

Павелъ Васильевичъ.

Не могу быть у Васъ, потому что осужденъ на лежаніе, на прикладываніе припарокъ, и, что всего пріятнѣе, имѣю въ перспективѣ проколъ нарыва, который образовался у меня отъ сидячей жизни и недостатка движенія.

Обѣщанное стихотвореніе будетъ Вамъ доставлено по выздоровленіи—съ этимъ спѣшить еще некуда—недѣлею позже или недѣлею раньше, полагаю, все равно.

Очень страдаю, что не могу выѣхать и съ Вами видѣться

Остаюсь Вамъ преданный

Я. Полонской.

---

[1]) Гр. М. Ю. Вельгорскій.

Къ исторіи освобожденія русскихъ плѣнныхъ изъ Хивы

(Изъ архива Оренбургской ученой архивной комиссіи.)

Списокъ русскимъ плѣннымъ прибывшимъ на Бердянско-Куралинскую линію съ Бухарскимъ Караваномъ 17-го Ноября 1837 года.

1. Уральскаго войска полковника Буренина крестьянинъ Василій Ивановъ . . . . . 120 лѣтъ отъ роду, взятъ изъ Уральска и находился въ плѣну 17 лѣтъ.
2. Крестьянинъ графа Зубова Василій Никитинъ. . . . . 57 лѣтъ отъ роду, взятъ съ Каспійскаго моря и находился въ плѣну 36 лѣтъ.
3. Астраханскій мѣщанинъ Константинъ Проловъ. . . . . 50 лѣтъ отъ роду, взятъ съ Каспійскаго моря и находился въ плѣну 8 лѣтъ,
4. Оренбургскаго войска Чебаркульской станицы казакъ Василій Коптягинъ . . . . . 82 лѣтъ отъ роду, взятъ съ Оренбургской линіи изъ Орловскаго отряда и находился въ плѣну 55 лѣтъ.
5. Астраханской губерніи государственный крестьянинъ Иванъ Тимофеевъ . . . . . 38 лѣтъ, взятъ съ моря и былъ въ плѣну 2 года.
6. Астраханской губерніи удѣльный крестьянинъ Иванъ Еремѣевъ. . . . . 68 лѣтъ, взятъ съ моря и былъ въ плѣну 28 лѣтъ.
7. Астраханской губерніи государственный крестьянинъ Василій Никитинъ Червяковъ. . 60 лѣтъ отъ роду, взятъ съ моря и былъ въ плѣну 28 лѣтъ.

8.	2-го Тептярскаго полка казакъ Байбагушъ Янбалшевъ. . . .	35 лѣтъ отъ роду, взятъ изъ отряда полковника Милорадовича, бывшаго въ киргизской степи и находился въ плѣну 14 лѣтъ.
9.	Города Астрахани отпущенникъ Петръ Васильевъ Старцевъ	76 лѣтъ, взятъ въ плѣнъ съ моря и находился въ плѣну 20 лѣтъ.
10.	Крестьянинъ князя Юсупова Никита Рулевъ	
11.	Сынъ его Григорій.	46 л. взяты съ моря и были въ плѣну 14 л. 2 года.
12.	Пензенской губерніи государственный крестьянинъ Михайла Артамоновъ.	62 лѣтъ, взятъ съ моря и находился въ плѣну 45 лѣтъ.
13.	Пензенской губерніи г-на Батурина крестьянинъ Василій Игнатьевъ	36 лѣтъ, взятъ съ моря и былъ въ плѣну 7 лѣтъ.
14.	Саратовской губерніи г-на Апраксина крестьянинъ Антропъ Андреевъ.	60 лѣтъ, взятъ съ моря и былъ въ плѣну 37 лѣтъ.
15.	Астраханскій мѣщанинъ Дмитрій Филипповъ	52 лѣтъ, взятъ съ моря и былъ въ плѣну 27 лѣтъ.
16.	Нижегородской губерніи г-на Шереметева крестьянинъ Василій Ильинъ.	68 лѣтъ, взятъ съ моря и находился въ плѣну 4 года.
17.	Астраханской губерніи г-на Зубова крестьянинъ Кузьма Глѣбовъ	63 лѣтъ, взятъ съ моря и находился въ плѣну 36 лѣтъ.
18.	Пензенской губерніи князя Долгорукова крестьянинъ Иванъ Резановъ.	30 лѣтъ, взятъ съ моря и находился въ плѣну 4 года.
19.	Непомнящій родства, называющій себя Иваномъ.	60 лѣтъ, полагаетъ, что былъ въ плѣну 60 лѣтъ.
20.	Симбирской губерніи г-на Орлова крестьянинъ Савелій Федоровъ Чунаевъ.	50 лѣтъ, взятъ изъ города Уральска и былъ въ плѣну 15 лѣтъ.
21.	Полякъ Якупъ Соколовскій. .	
22.	Симбирской губерніи пѣхотный солдатскій сынъ Илья Федоровъ.	50 лѣтъ, взятъ изъ Орской крѣпости и былъ въ плѣну 34 года.
23.	Бѣжавшій въ Персію 1829 года изъ нарочной № 24 роты, бывшій въ Эриванѣ и плѣн-	70 лѣтъ, взятъ съ моря и былъ въ плѣну 40 лѣтъ.

ный изъ персидскихъ войскъ 1832 года рядовой Василій Венедиктовъ . . . . . 50 лѣтъ, находился въ плѣну 5 лѣтъ.

24. Орскаго баталіона унтеръ-офицеръ Иванъ Малышевъ. . . . 52 лѣтъ, взятъ изъ Губерлинскихъ горъ и былъ въ плѣну 16 лѣтъ.

25. Астраханскій матросъ 45 флотскаго экипажа Кузьма Лосевъ. 34 лѣтъ, взятъ съ моря и находился въ плѣну $1^1/_2$ года.

(Архивъ Оренбургской ученой архивной комиссіи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 10 ноября 1837 года, стр. 18—20).

Письмо хивинскаго хана Алла-Кула къ Государю Императору, полученное оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ В. А. Перовскимъ въ Августѣ 1839 года.

(Переводъ съ татарскаго).

Во имя всевышняго и всеблагаго Бога. Нѣтъ другаго божества, кромѣ единаго Бога и другаго Пророка, кромѣ Мухаммеда (стихъ изъ Алкорана).

Всепочтенному и Всемилостивому, въ великолѣпіи Уподобляющемуся Джесишиду, въ силѣ и могуществѣ Афрасьябу, Средоточію Христіанской славы, правосудія и могущества, Великому Россійскому Государю Императору да будетъ вѣдомо, что купеческое сословіе, для распространенія между людьми всякаго рода обилія, странствуетъ по разнымъ Государствамъ, городамъ, крѣпостямъ и мѣстечкамъ.

Съ этой цѣлію особенно жители сего знаменитаго города съ давнихъ временъ до нынѣ ежегодно при добромъ расположеніи посѣщали Россію. Теперь же, во времена, знаменующія радостію, порядокъ этотъ измѣнился: купцы Хивинскіе задержаны, и освобожденіе ихъ зависитъ отъ высылки изъ Хивы русскихъ плѣнныхъ, которые нѣсколько уже разъ и были отсылаемы въ Россію; но изъ того никакого полезнаго слѣдствія не оказалось. Извѣстно, что войско какъ самой Царствующей Хивинской Державы (да охранитъ ее Господь отъ бѣдъ и напастей), такъ и окрестныхъ подвластныхъ ей народовъ никакихъ воинственныхъ признаковъ, набѣговъ и нападеній на Россію никогда не оказывало. Что же касается до нѣкотораго числа плѣнниковъ недавно захваченныхъ Киргизами и Туркменами: то мы, получивши изъ

нихъ къ себѣ часть, и, присоединивъ къ ней прежде-бывшихъ у насъ всѣхъ Русскихъ плѣнныхъ, отправили всѣхъ ихъ съ Ишніязъ Баемъ къ Вамъ. Если какая либо часть, или половина ихъ осталась еще здѣсь, и мы о томъ узнаемъ, то отыскавъ таковыхъ, опять препроводимъ. Такъ какъ русскіе плѣнные находятся не въ одномъ только Харезмскомъ Государствѣ, средоточіи Правовѣрія, но и въ другихъ владѣніяхъ: то Вы сами и требуйте ихъ отъ тѣхъ владѣльцевъ. Обязанность же наша состоитъ въ томъ, чтобы напоминать Вашему пресвѣтлому сердцу, дабы наши купцы были освобождены съ вашей стороны, а Русскіе плѣнные съ нашей, такъ чтобы покончить это дѣло на такомъ условіи, основаніе котораго, утвердясь на нелицепріятномъ дружествѣ и чистосердечной пріязни, осталось бы ненарушимо въ настоящей и будущей жизни. Тогда взаимныя отношенія между двухъ Государствъ къ общей пользѣ того и другого достигли бы желаемаго совершенства—мы дружили бы Вашимъ друзьямъ а Вы нашимъ; мы враждовали бы съ Вашими врагами, а вы съ нашими. Съ этимъ чистымъ желаніемъ мы отправили къ изобилующей радостію особѣ Вашей упомянутаго Ишніязбая. Остальныя слова наши изъяснитъ онъ изустно. Сіе пріязненное письмо написано для означенія дружбы.

Перевелъ Титулярный Совѣтникъ Ивановъ.

(Архивъ Оренбургской ученой архивной комиссіи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 12 Августа 1839 года, стр. 11—13).

Письмо оренбургскаго военнаго губернатора В. А. Перовскаго къ графу Нессельроде[1]) отъ 21 Августа 1839 года за № 142[2]).

Милостивый Государь,

Графъ Карлъ Васильевичъ.

На дняхъ прибыли сюда два посланца Хивинскіе, съ письмомъ отъ Хана Алла-Кула и съ восемьюдесятью Русскими плѣнниками: количество довольно значительное, но все еще ничтожное въ сравненіи съ числомъ оставшихся въ неволѣ. Письмо, которое имѣю честь приложить въ подлинникѣ и въ переводѣ, было зашито въ ящикѣ и

---

[1]) Графъ К. В. Нессельроде состоялъ въ это время министромъ иностранныхъ дѣлъ.—С. Н. М.

[2]) „Черновикъ“ этого письма составленъ В. И. Даленъ.—С. Н. М.

по разсмотрѣніи оказалось написаннымъ на Высочайшее Государя Императора Имя. Содержаніе письма, какъ Ваше Сіятельство сами усмотрѣть изволите, по обыкновенію, ничтожно и заключается въ одномъ только напыщенномъ пустословіи. Замѣчательно въ письмѣ этомъ только одно: собственное признаніе Хана, что онъ получаетъ отъ хищниковъ морскихъ условленную долю. Признаніе это сдѣлано здѣсь безъ сомнѣнія только по глупости, потому что въ немъ не было никакой нужды; но не менѣе того, оно довольно важно. По всему видно, что отряды, выдвинутые нынѣ довольно далеко въ степь, возбудили опасеніе хана Хивы, и что онъ снова пытается кончить дѣло присылкою 80-ти человѣкъ, какъ прежде думалъ отдѣлаться присылкою 25-ти. При такихъ обстоятельствахъ, я поступилъ, какъ полагаю, согласно съ видами Вашего Сіятельства, объявивъ присланнымъ Хивинцамъ, что они на основаніи прежнихъ объявленій, ханскими посланцами быть не могутъ, и далъ имъ письменное объявленіе не относящееся ни къ какому лицу, гдѣ въ общихъ выраженіяхъ повторено все то, что было говорено хивинскому хану уже столько разъ прежде. Между тѣмъ однако же, какъ всѣ возвратившіеся плѣнники единогласно показали, что одинъ изъ такъ называемыхъ пословъ этихъ пріобрѣлъ отъ хищниковъ въ самый день отбытія своего изъ Хивы нѣсколькихъ плѣнниковъ Русскихъ и оставилъ ихъ у себя для работы, то я сообразаясь съ прежними, одобренными Вами, Милостивый Государь, дѣйствіями своими, рѣшился задержать этого посланца, а другого отпустилъ обратно. Безстыдство и дерзость Хивинцевъ тѣмъ удивительнѣе, что они въ теченіе нынѣшняго года, послѣ двухъ спокойныхъ лѣтъ, захватили по крайней мѣрѣ вдвое болѣе промышленниковъ съ Каспійскаго моря, чѣмъ выслали нынѣ плѣнниковъ, изъ коихъ 37 человѣкъ взяты въ теченіе нынѣшняго лѣта, а 43—въ прежніе годы. Всѣ они снабжены будутъ всѣмъ необходимымъ и потомъ отправлены въ тѣ мѣста, куда принадлежатъ.

Имѣя честь сообщить Вашему Сіятельству свѣдѣнія сіи, я прошу Васъ, Милостивый Государь, покорнѣйше принять увѣреніе въ отличномъ почтеніи и совершенной преданности моей.

(Архивъ Оренбургской ученой архивной комиссіи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 12 Августа 1839 года, стр. 15—16).

Списокъ русскихъ плѣнныхъ, возвращенныхъ изъ Хивы въ Оренбургъ въ 1839 году.

№	Имена и прозванія.	Какого званія.	Куда отправлены.
1	Терентій Ярченко.	Отставной унтеръ-офицеръ 45-го флотскаго экипажа.	Въ Астраханское Губернское Правленіе.
2	Никита Ивановъ Шапошниковъ.	Астраханскій мѣщанинъ.	
3	Владимиръ Ивановъ.	Астраханскій мѣщанинъ.	
4	Егоръ Артемьевъ Еровой.	Астраханскій мѣщанинъ.	
5	Ѳедоръ Павловъ.	Астраханской губерніи, Краснояр-скаго уѣзда, государственный крестьянинъ.	
6	Василій Ивановъ Третьяковъ.	Астраханской губерніи, Енотаев-скаго уѣзда, села Селитринска, государственный крестьянинъ.	
7	Ѳедоръ Михайловъ.	Астраханской губерніи, Красноярскаго уѣзда, села Макова, крестьянинъ г-жи Милашевой.	
8	Иванъ Ивановъ Рудыкинъ.	Астраханской губерніи, Красноярскаго уѣзда, села Никольскаго, крестьянинъ князя Юсупова.	
9	Петръ Васильевъ Пѣтуховъ.	Астраханской губерніи, Красноярскаго уѣзда, села Джамбайскаго, крестьянинъ князя Юсупова.	
10	Иванъ Григорьевъ Солопинъ.	Того же помѣщика и села крестьянинъ.	
11	Егоръ Петровъ.	Того же помѣщика и села крестьянинъ.	
12	Александръ Никифоровъ Рулевъ.	Того же помѣщика и села крестьянинъ.	
13	Алексѣй Михайловъ.	Астраханскій мѣщанинъ.	Въ Астраханское Губернское Правленіе.
14	Матвѣй Романовъ Еремінъ.	Астраханскій мѣщанинъ.	

№	Имена и прозванія.	Какого званія.	Куда отправлены.
15	Василій Андреевъ Савинъ.	Оренбургской губерніи, Бузулукскаго уѣзда, крестьянинъ помѣщика Племянникова.	Въ Оренбургское Губерн. Правленіе.
16	Демьянъ Ивановъ Струковъ.	Оренбургской губерніи, помѣщичій крестьянинъ.	Въ Илецкое Соляное Правленіе.
17	Александръ Логиновъ Скворцовъ.	Илецкаго Соляного промысла рабочій.	Померъ въ Оренбургскомъ военномъ госпиталѣ.
18	Александръ Ивановъ.	Того же промысла рабочій.	
19	Яковъ Никитинъ Рѣдкинъ.	Нижегородской губерніи, Горбатовскаго уѣзда, села Дуднева, крестьянинъ графа Шереметева.	Въ Нижегородское Губернское Правленіе.
20	Василій Акимовъ Савинъ.	Той же губерніи и уѣзда, деревни Высоковой, крестьянинъ помѣщика Шереметева.	
21	Степанъ Яковлевъ Яйцовъ.	Нижегородской губерніи и уѣзда, села Безводнаго крестьянинъ князя Юсупова.	
22	АлександръКарповъИсаковъ.	Той же губерніи и уѣзда, села Слободскаго, крестьянинъ помѣщика Лопухина.	
23	Илья Евстратовъ Поповъ.	Нижегородской губерніи, Сергачскаго уѣзда, села Юрьева, крестьянинъ князя Голицына.	
24	Илья Михайловъ Бирюковъ.	Нижегородской губерніи, Горбатовскаго уѣзда, села Дуднева, крестьянинъ помѣщика Шереметева.	
25	Лукьянъ Васильевъ Бирюковъ.	Нижегородской губерніи, Балахнинскаго уѣзда, дер. Колодинной, экономическіе крестьяне.	
26	Яковъ Васильевъ Бирюковъ.		Въ Нижегородское Губерское Правленіе.
27	Иванъ Родіоновъ Рѣпинъ.	Нижегородской губ., Балахнинскаго уѣзда, дер. Игумновой, казенный крестьянинъ.	
28	Захаръ Яковлевъ Чикуристовъ.	Той же губ. и уѣзда, селенія Чернаго, казенный крестьянинъ.	

№	Имена и прозванія.	Какого званія.	Куда отправлены.
29	Абрамъ Никитинъ Тархуновъ.	Тамбовской губ., Темниковскаго уѣзда, дер. Досаевой, крестьянинъ г. Кончакова.	Въ Тамбовское Губернское Правленіе.
30	Иванъ Фроловъ Мартыновъ.	Пензенской губ., Ломовскаго уѣзда, дер. Александровки, крестьянинъ помѣщ. Долгорукаго.	Въ Пензенское Губернское Правленіе.
31	Михаилъ Петровъ Капкановъ.	Той же губ. и уѣзда, села Беленовскаго, крестьянинъ помѣщика Долгорукаго.	
32	Михаилъ Семеновъ Катковъ.	Саратовской губ., Петровскаго уѣзда, села Цыпылги, экономическій крестьянинъ.	Въ Саратовское Губернское Правленіе.
33	Степанъ Екимовъ Сидоровъ.	Той же губерніи, Царицынскаго уѣзда, дер. Чарлено-Разной, государственный крестьянинъ.	
34	Иванъ Николаевъ.	Тамбовской губ., Елатомскаго уѣзда, сельца Вышеславцевой Полянки, крестьянинъ подполковника Айгустова.	Въ Тамбовское Губернское Правленіе.
35	Василій Борисовъ Громовъ.	Той же губерніи, города Шацка однодворецъ.	
36	Степанъ Дмитріевъ Яшниковъ.	Той же губ., Елатомскаго уѣзда, дер. Ерши, крестьянинъ помѣщицы Шидревой.	
37	Максимъ Михайловъ Зиновьевъ.	Той же губ. и уѣзда, селенія Блушевыхъ Погинокъ, крестьянинъ гг. Нестеровыхъ.	Въ Тамбовское Губернское Правленіе.
38	Филатъ Денисовъ Митрофановъ.	Московской губ., Коломенскаго уѣзда, села Сѣверскаго, крестьянинъ графини Головкиной.	Въ Московское Губернское Правленіе.
39	Василій Харитоновъ Салувьянскій.	Воронежской губ., Богучарскаго уѣзда, д. Петропавловской, войсковой обыватель.	Въ Воронежское Губернское Правленіе.
40	Аѳанасій Рогазинскій.	Той же губерніи, Павловскаго уѣзда, села Николаевки, крестьянинъ помѣщика Караулова.	

№	Имена и прозванія.	Какого званія.	Куда отправлены.
41	Григорій Ивановъ Тороповъ.	Нижегородской губерніи и уѣзда, села Безводнаго, крестьянинъ князя Юсупова.	Въ Нижегородское Губернское Правленіе.
42	Мих. Григорьевъ Пантисинъ.	Той же губерніи, Балахнинскаго уѣзда, села Гнилицы экономическій крестьянинъ.	
43	Петръ Прокофьевъ Бутяевъ.	Нижегородской губ., Княгининскаго уѣзда, деревни Сосновки экономическій крестьянинъ.	
44	Козьма Васильевъ Потохановъ.	Нижегородской губ. Горбатовскаго уѣзда, дер. Хабарсковой, крестьянинъ князя Мустафина.	
45	Данила Яковлевъ Зодинъ.	Нижегородской губерніи, Княгининскаго уѣзда, села Уварова, крестьянинъ г-жи Дивовой.	
46	Афанасій Ивановъ Пряловъ.	Нижегородской губ. и уѣзда, деревни Спиріной, крест. г-жи Юдиной.	
47	Василій Романовъ.	Рязанской губерніи Зарайскаго уѣзда, села Сушкова, крестьянинъ г-жи Есипной.	Въ Рязанское Губернское Правленіе.
48	Степанъ Ивановъ Грачевъ.	Саратовскій мѣщанинъ.	Въ Саратовское Губернское Правленіе.
49	Осипъ Григорьевъ Кербисковъ.	Пензенской губерніи, города Саранска однодворецъ.	Въ Пензенское Губернское Правленіе.
50	Козьма Тимофеевъ Швецовъ.	Той же губерніи, Саранскаго уѣзда, села Пособа, государственный крестьянинъ.	Въ Казанское Губернское Правленіе.
51	Михаилъ Ивановъ Копѣйкинъ.	Пензенской губ., Чембарскаго уѣзда, села Пойма, крестьянинъ графа Шереметева.	
52	Еф. Никифоровъ Мельниковъ.	Пензенской губерніи, города Наровчата мѣщанинъ.	
53	Ермолай Тимофѣевъ Думовъ.	Казанской губ., Тетюшинскаго уѣзда, села Кирѣльскаго экономическій крестьянинъ.	Въ Казанское Губернское Правленіе.

№	Имена и прозванія.	Какого званія.	Куда отправлены.
54	Лаврентій Доримедонтовъ Самойловъ.	Симбирской губ., Корсунскаго уѣзда дер. Никеевки крестьянинъ помѣщика Назарьева.	Въ Симбирское Губернское Правленіе.
55	Василій Корсаковъ.	Жительствующаго въ Оренбургѣ подполковника Артюхова крестьянинъ.	Отданы до распоряженія помѣщикамъ.
56	Григор. Михайловъ Пыхтинъ.	Оренбургской губ., крестьянинъ штабсъ-капитана Крашенникова.	
57	Иванъ Ефремовъ Лутковъ.	9-го егерскаго полка рядовой.	Въ штабъ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса.
58	Никита Балабановъ.	Кавказскаго отдѣльнаго корпуса легкой артиллерійской гренадерской роты № 3 бомбардиръ.	
59	Никонъ Филиповъ Лихановскій.	20 дивизіи 39 егерскаго полка рядовой.	
60	Константинъ Ермиловъ Тарасовъ.	Сынъ рядового, бывшаго Оренбургскаго линейнаго баталіона № 4.	
61	Иванъ Лукьяновъ.	Черноморскій казакъ.	Въ Оренбургскую Войсковую Канцелярію.
62	Петръ Ивановъ Литвиновъ.	Оренбургскаго войска Островной станицы казакъ.	
63	Аѳанасій Андреевъ Стрижевъ.	Оренбургскаговойска, Нижне-Озерной станицы казакъ.	
64	Алексѣй Ларіоновъ Самойловъ.	Оренбургскаго войска, Новой линіи, Андреевской станицы, казакъ.	
65	Аѳиногенъ Архиповъ Пеньковъ.	Оренбургскаго войска, Сухорѣченскаго отряда казачій малолѣтокъ.	
	Оставленные при Комиссіи[1]) *впредь до распоряженія плѣнники:*		*По окончаніи надобности будутъ отосланы:*
66	Харитонъ Тимофеевъ Щегловъ.	Рекрутъ.	Въ Штабъ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса.

[1]) Т. е. при Оренбургской пограничной комиссіи.—С. Н. М.

№	Имена и прозванія.	Какого званія.	Куда отправлены.
67	Гаврила Михайловъ Шапошниковъ.	Астраханскіе мѣщане.	Въ Астраханское Губернское Правленіе.
68	Иванъ Степановъ Михайловъ.		
69	Василій Климовъ Бесѣдинъ.	Астраханской губ., Красноярскаго уѣзда, деревни Мухоморской государственный крестьянинъ.	
70	Савелій Константиновъ Чаплыгинъ.	Той же губ. и уѣзда, села Никольскаго крестьяне князя Юсупова.	
71	Еф. Иван. Рудыкинъ.		
72	Акимъ Ивановъ Родіоновъ.	Астраханской губ. и уѣзда, дерев. Житной крестьянинъ г. Милашева.	
73	Григорій Павловъ.	Астраханской губ. Красноярскаго уѣзда села Макова крестьянинъ помѣщика Сапожникова.	Въ Астраханское Губернское Правленіе.
74	Павелъ Михайловъ.	Той же губерніи, уѣзда и села крестьянинъ г-жи Милашевой.	
75	Петръ Ильинъ Бушуевъ.	Астраханской губ., Енотаевскаго уѣзда, государствен. крестьянинъ.	
76	Герасимъ Ильинъ Веденюхинъ.	Пензенской губ., Ломовскаго уѣзда, села Блиновки крест. князя Долгорукова.	Въ Пензенск. Губернское Правленіе.
77	Иванъ Федоровъ Лавровъ.	Той же губ., Чембарскаго уѣзда, села Поима крестьянинъ графа Шереметева.	
78	Семенъ Ивановъ Коломійцевъ.	Харьковской губ., Лебединскаго уѣзда, слободы Мижерицы войсковой обыватель.	Въ Харьковское Губернское Правленіе.
79	Яковъ Нефедьевъ.	Тульской губ., Епифанскаго уѣзда, села Хованщины крестьянинъ княгини Голицыной.	Въ Тульское Губернское Правленіе.
80	Максимъ Николаевъ Журавлевъ.	Саратовской губ. и уѣзда села Синицкаго казенный крестьянинъ.	Въ Саратовское Губернское Правленіе.

Совѣтникъ Ваневъ.

Секретарь Родіоновъ.

(Архивъ Оренбургской ученой архивной комиссіи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 11 Августа 1839 года, стр. 71—76).

Статья В. И. Даля для „Сѣверной Пчелы“ и „Московскихъ Вѣдомостей.“ [1])

Слишкомъ сто лѣтъ прошло съ основанія и первоначальнаго заселенія Оренбургской линіи и въ новосозданномъ Русскомъ краю этомъ устройство, образованіе и самое заселеніе съ году на годъ подвигалось впередъ, несмотря ни на какія препятствія. Устроилась линія, почти въ двѣ тысячи верстъ длины, пролегающая по рубежу унылой и пустынной степи, какъ скалистый берегъ необозримаго взморья—и кочующія, хищныя толпы дикарей отражаются день и ночь отъ этого рубежа, какъ волны морскія отъ каменныхъ береговъ своихъ; образовались казачьи войска, заселившія все протяженіе линіи и служащія оплотомъ юговосточныхъ предѣловъ нашей Имперіи: переселенцы изъ двадцати малоземельныхъ губерній Россіи и Украйны перенесли въ край, обитаемый дотолѣ одними инородцами, живую Русь, ея языкъ, нравы, обычаи, вѣру и повѣрья. Цѣлые племена и народы вступили съ нами въ братство, имъ дано управленіе и устройство; рудныя богатства Урала и караванная торговля съ Средней Азіей привлекали тысячи промышленниковъ: словомъ здѣсь почти въ глазахъ нашихъ цѣлый край возникъ изъ ничтожества и превратился въ одну изъ существенныхъ частей Россіи.

Однимъ изъ главнѣйшихъ препятствій къ торговлѣ и въ рыбныхъ и тюленьихъ промыслахъ Каспійскаго моря была доселѣ Хива изъ всѣхъ областей Средней Азіи *самая грубая и невѣжественная*, [2]) которая живетъ только разбоемъ и хищничествомъ, между тѣмъ какъ поля и сады ея обрабатываются руками рабовъ, несчастныхъ христіанъ или шіитовъ, которыхъ судьба предала въ руки звѣрскаго корыстнаго хищника. Изрѣдка только удавалось иному счастливцу спастись отъ пожизненнаго насилія и рабства удачнымъ побѣгомъ; остальные умираютъ подъ гнетомъ тяжкой работы, при недостаткѣ въ здоровой пищѣ

---

[1]) Статья эта, написанная рукою извѣстнаго писателя Владиміра Ивановича Даля, была исправлена самимъ оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ Василіемъ Алексѣевичемъ Перовскимъ, который вмѣсто словъ: „для Сѣверной Пчелы и Московскихъ Вѣдомостей“ написалъ: „для помѣщенія въ Публичныхъ Вѣдомостяхъ.“ Гдѣ именно была помѣщена статья—намъ не удалось узнать, но, во всякомъ случаѣ, она не вошла въ „Полное собраніе сочиненій Даля“, изданія Вольфа 1898 года. Что же касается дальнѣйшихъ поправокъ Перовскаго, то своевременно мы отмѣтимъ ихъ. Правописаніе и пунктуація статьи оставлены нами безъ всякихъ измѣненій.—С. Н. М.

[2]) Отмѣчены курсивомъ вставки В. А. Перовскаго.—С. Н. М.

и безчеловѣчномъ обращеніи, въ неволѣ и на чужбинѣ. Имъ нѣтъ свободы или, по крайней мѣрѣ—не было доселѣ ни выкупу, ни возврату: тому положительно противилась политика и изувѣрство Хивинцевъ.

Въ 1837 году возвращены были Хивою, въ первый разъ со времени существованія ея, 25 человѣкъ Русскихъ плѣнниковъ. Само собою разумѣется, что эти бѣдняки обязаны были благодушному Правительству за свою свободу. Плѣнники прибыли въ Оренбургъ 18 Ноября—день въ лѣтописяхъ Оренбургскаго края достопамятный—вмѣстѣ съ бухарскимъ караваномъ, къ которому примкнули на пути Хивинскіе посланцы. Весь городъ встрѣтилъ выходцевъ нашихъ за мѣновымъ дворомъ. Священство вышло съ крестами, окропило возвращенныхъ паствѣ своей сыновъ Св. водою и отслужило молебенъ. Глядя на эту пеструю праздничную толпу, съ лицами выражавшими въ каждой чертѣ, что здѣсь дѣется что нибудь необыкновенное, неслыханное и невиданное, глядя на крестъ и налой и горящія предъ нимъ, среди обширной, необъятной степи, свѣчи—а потомъ еще на земляковъ нашихъ въ азіатской одеждѣ и на колѣняхъ передъ крестомъ, нельзя было не *жалѣть, что не было здѣсь художника, который передалъ бы*[1]) потомству этихъ рыдающихъ предъ Евангеліемъ выходцевъ съ того *свѣта, эту несмѣтную толпу*[2]) съ лицами, на коихъ выражается участіе, радость, состраданіе, благодарность—все то мы видѣли, но видѣли словно во снѣ, въ минутной живой картинѣ. Въ числѣ плѣнниковъ этихъ былъ одинъ, который не молился передъ распятіемъ уже 55 лѣтъ, потому что 55 лѣтъ былъ въ неволѣ...[3]) Слишкомъ полвѣка прошло—и первая горячая молитва за Царя; благо Царю тому и благо подданному.

Купечество угостило въ то время вновь народившихся на свѣтъ земляковъ своихъ, тутъ же подъ открытымъ небомъ, въ особо приготовленной кибиткѣ обѣдомъ, къ которому трехъ хилыхъ старцевъ понесли на рукахъ: третій ходитъ подпираясь клюкою на своихъ ногахъ, хотя ему было—120 лѣтъ.[4])

---

[1]) Вставка В. А. Перовскаго.—С. Н. М.

[2]) Тоже.—С. Н. М.

[3]) Рѣчь идетъ объ оренбургскомъ казакѣ Чебаркульской станицы Василіи Коптягинѣ, который былъ взятъ въ плѣнъ съ Оренбургской линіи, изъ Орловскаго отряда.—С. Н. М.

[4]) Рѣчь идетъ о крестьянинѣ уральскаго казачьяго полковника Буренина, Василіѣ Ѳеодоровѣ Ивановѣ, который былъ взятъ въ плѣнъ на рѣчкѣ Ямбулатовкѣ, противъ Генварцевскаго форпоста, гдѣ онъ пасъ табунъ лошадей, принадлежавшихъ казакамъ и полковнику Буренину. Ивановъ былъ „вѣроисповѣданія старообрядческаго“.—С. Н. М.

Въ Августѣ мѣсяцѣ *нынѣшняго*[1]) 1839 года, Хива выслала еще 80 человѣкъ. Это большею частію астраханскіе промышленники. Есть между ними нѣсколько солдатъ и есть между прочимъ Черноморскій казакъ, который взятъ въ плѣнъ Персіанами, подъ Эриванью, проданъ въ Астрабадъ, а оттуда туркменамъ и наконецъ въ Хиву.[2])

Г. Оренбургскій военный губернаторъ[3]) угостилъ возвращенныхъ родинѣ выходцевъ у себя въ саду[4]) обѣдомъ; это было 22 Августа, въ день коронованія ихъ императорскихъ величествъ, обѣдъ былъ данъ въ той же самой колонадѣ, которая выстроена была въ степи за мѣновымъ дворомъ, для праздника, даннаго во время бытности здѣсь государя цесаревича, наслѣдника,[5]) а впослѣдствіи перенесена[6]) въ Губернаторскій садъ. Отецъ Стефанъ[7]) сказалъ предъ обѣдомъ нѣсколько простыхъ, назидательныхъ и благодарственныхъ словъ, прочелъ молитву, плѣнники сѣли за столъ, перекрестившись на Русской землѣ, а когда имъ налили по стакану вина, встали, и при музыкѣ: Боже, Царя храни, прокричали Ура, и выпили за здравіе Государя Императора и всего Царствующаго Дома. Во время обѣда весь генералитетъ, г. г. штабъ и офицеры и множество зрителей расхаживали между рядами гостей и распрашивали то того, то другого.

---

[1]) Вставка Перовскаго.—С. Н. М.

[2]) Рѣчь идетъ о черноморскомъ казакѣ Иванѣ Лукьяновѣ, который находился въ войскѣ „генерала Паскевича-Эриванскаго“ и взятъ въ плѣнъ персами „во время фуражировки въ 1822-мъ году“.—С. Н. М.

[3]) Т. е. Василій Алексѣевичъ Перовскій.—С. Н. М.

[4]) Т. е. въ дачномъ саду, который находился въ Зауральной рощѣ.—С. Н. М.

[5]) Т. е. Александра Николаевича, впослѣдствіи Царя-Освободителя, который, будучи наслѣдникомъ и совершая путешествіе по Россіи въ 1837 году, заѣзжалъ въ Оренбургъ и посѣтилъ гор. Уральскъ. „При проѣздѣ Государя Наслѣдника и нынѣшняго Царя нашего изъ Оренбурга въ Уральскъ,—писалъ впослѣдствіи самъ Даль,—я тоже находился въ поѣздѣ.“ („Рус. Старина“ 1907 года, Октябрь, стр. 67).—С. Н. М.

[6]) Здѣсь говорится, повидимому, о той самой колоннадѣ, которая находится теперь въ скверѣ гор. Оренбурга, противъ зданія городской думы. Хотя И. В. Черновъ говоритъ въ своихъ „Запискахъ“, что эта каменная бесѣдка была построена къ отъѣзду оренбургскаго военнаго губернатора Эссена („Труды“ О. У. А. К., вып. XVIII, стр. 57), но, кажется, нужно отдать предпочтеніе свидѣтельству Даля, который утверждаетъ, что „колонада“ была построена для праздника, даннаго во время бытности въ Оренбургѣ наслѣдника-цесаревича. Даль писалъ свою статью въ 1839 году, т. е. вскорѣ же послѣ этого событія и, можно сказать, даже подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ его, а Черновъ составлялъ свои „Записки“ уже на закатѣ дней своихъ, незадолго до смерти († 15 октября 1902 года).—С. Н. М.

[7]) Т. е. настоятель Петропавловской военной церкви въ гор. Оренбургѣ, священникъ Стефанъ Содальскій.—С. Н. М.

Прислужники обносили медъ и пиво; въ заключеніе плѣнники были одарены[1]) довольно богато и между прочимъ здѣшнее Русское купечество роздало тутъ же по три рубля серебромъ. Во время этого празднества, многіе изъ плѣнниковъ всхлипывали и едва удерживались отъ рыданій; другіе горько плакали и молились вслухъ за здравіе Государя Императора.

Оренбургъ, 3 Сентября.

(Архивъ Оренбургской ученой архивной комиссіи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 12 Августа 1839 года, стр. 138—139).

Письмо Оренбургскаго военнаго губернатора В. А. Перовскаго къ директору Азіатскаго департамента при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, генералу Л. Г. Сенявину.[2])

М. Г.

Левъ Григорьевичъ.

Возвращеніе изъ Хивы плѣнниковъ Русскихъ не могло остаться тайной, тѣмъ болѣе, что въ числѣ ихъ есть крестьяне и мѣщане какихъ нибудь десяти различныхъ губерній, возвратившіеся нынѣ на мѣста своего жительства. Съ другой стороны происшествіе это, какъ новая небывалая вещь, обратило на себя болѣе или менѣе вниманіе всякаго, снискало въ кругу общества много участія. По симъ причинамъ я полагаю, что обнародованіе этого происшествія въ газетахъ нашихъ было бы нынѣ умѣстно и прилично: само собою разумѣется, что отношеній политическихъ при этомъ не для чего касаться. Если Вы, М. Г., изволите одобрить составленную съ этой цѣлью и прилагаемую при семъ статью, то я прошу Васъ покорнѣйше приказать сообщить ее для напечатанія въ редакцію Сѣверной Пчелы, Московскихъ Вѣдомостей, или куда, по усмотрѣнію своему, изволите считать приличнымъ.

---

[1]) Первоначально эта фраза была написана Далемъ въ такомъ видѣ: „въ заключеніе плѣнниковъ одарили“, Перовскій исправилъ ее такъ, какъ она помѣщена въ текстѣ.— С. Н. М,

[2]) „Черновикъ“ этого письма написанъ рукою В. И. Даля, который, будучи чиновникомъ особыхъ порученій при Перовскомъ, состоялъ въ то же время и личнымъ секретаремъ его.—С. Н. М.

Прошу Васъ, М. Г., принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности моей.[1])

№ 1053. 6 Сентября 1839 года.

(Архивъ Оренбургской ученой архивной комиссіи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 12 Августа 1839 года, стр. 139).

Секретно.

Рапортъ Оренбургскаго военнаго губернатора В. А. Перовскаго военному министру, графу Чернышеву, отъ 6 Сентября 1839 г. за № 158[2])

Въ 1837 году я имѣлъ честь донести Вашему Сіятельству о прибывшихъ въ Оренбургъ изъ Хивы 25-ти Русскихъ плѣнникахъ. Присылка людей этихъ послѣдовала, какъ Вамъ, М. Г., извѣстно, вслѣдствіе задержанія здѣсь Хивинскихъ купцовъ.[3]) Ханъ Хивинскій полагалъ, что увѣреній его, будто Русскихъ плѣнниковъ болѣе въ Хивѣ не осталось, будетъ въ этомъ случаѣ достаточно и что купцы его будутъ освобождены. Нынѣ Алла-Кулъ сдѣлалъ вторичную, но конечно не болѣе удачную попытку высвободить подданныхъ своихъ, прислалъ еще 80 человѣкъ Русскихъ. Почти половина ихъ захвачена хищниками только въ нынѣшнемъ году на Каспійскомъ морѣ. Присылка плѣнниковъ главнымъ образомъ была слѣдствіемъ основанія при урочищѣ Чушка-Куль и на Эмбѣ складочнаго становища для извѣстнаго Вамъ, М. Г., предпріятія, почему и считаю долгомъ о происшествіи этомъ Вашему Сіятельству донести.

(Архивъ Оренбургской ученой архивной комиссіи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 12 Августа 1839 года, стр. 150).

---

[1]) Въ отвѣтъ на это письмо Перовскаго генералъ Сенявинъ особымъ отношеніемъ отъ 30 Сентября 1839 года за № 2543-мъ увѣдомилъ его, что „Азіатскій департаментъ распорядился о помѣщеніи“ присланной статьи „въ Россійскихъ вѣдомостяхъ.“ Получивъ отношеніе, Перовскій сдѣлалъ такую замѣтку на немъ: „Сообщить Влад. Иван. (*Далю*) для прочтенія“ (А. О. У. А. К., отд. погран., дѣло отъ 12 Августа 1839 года, стр. 144).—С. Н. М.

[2]) „Черновикъ“ этого рапорта составленъ В. И. Далемъ.—С. Н. М.

[3]) Это задержаніе хивинскихъ купцовъ въ Оренбургѣ было сдѣлано Перовскимъ въ 1836-мъ году.—С. Н. М.

Секретно.

Письмо Оренбургскаго военнаго губернатора В. А. Перовскаго къ директору Азіатскаго департамента при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, генералу Л. Г. Сенявину, отъ 6 Сентября 1839 года за № 161[1]).

М. Г.

Левъ Григорьевичъ.

Прибывшіе ихъ Хивы 80 плѣнниковъ Русскихъ нынѣ распрошены въ подробности о разныхъ мѣстныхъ обстоятельствахъ и хотя въ показаніяхъ ихъ ничего особеннаго вниманія достойнаго не заключается, я однако же не излишнимъ почитаю сообщить Вамъ, М. Г., для свѣдѣнія главнѣйшее.

Слухи въ Хивѣ о здѣшнихъ приготовленіяхъ были сбивчивы. Хивинцы имъ большею частію не вѣрятъ, но какъ они вообще привыкли принимать каждую дальную степную экспедицію на свой счетъ, то и думали, что передовой отрядъ нашъ, основавшій на Эмбѣ становище, былъ назначенъ въ Хиву, но не могъ дойти и потому остановился.

Туркмены и Адайцы, какъ увѣряютъ плѣнники, положительно возобновили въ этомъ году разбои свои на морѣ единственно по настоянію Хана Алла-Кула. Торговля въ Хивѣ со дня на день упадаетъ, сбыту нѣтъ, а привозъ только вынужденный, потому что Бохарскій (sic) караванъ, обошедшій Хиву, по прямому пути, и незаплатившій по крайней мѣрѣ пошлины, былъ бы немедленно разграбленъ. Икахъ, младшій братъ и наслѣдникъ Ханскій, неоднократно совѣтовалъ Алла-Кулу покориться требованіямъ Россіи, исполнить ихъ и искать честнаго миру (sic), но Ханъ упорствуетъ и думаетъ еще провести и обмануть Русскихъ. Вообще плѣнники отзываются объ Инахѣ съ большой похвалой, а напротивъ винятъ во всемъ самого Хана и совѣтниковъ его, Кушъ-бегія и Ходжяшъ-мяхрема. Между плѣнниками есть одинъ, который былъ приставленъ собственно къ убитымъ впослѣдствіи двумъ англичанамъ;[2]) онъ говоритъ, что путники эти при-

[1]) „Черновикъ“ этого письма составленъ В. И. Далемъ.—С. Н. М.

[2]) Рѣчь идетъ о плѣнномъ крестьянинѣ Астраханской губерніи, Енотаевскаго уѣзда, Николаевской волости, Петрѣ Ильинѣ Бушуевѣ.—С. Н. М.

были моремъ, изъ Баку, въ Красноводскій заливъ и что съ ними былъ нашъ армянинъ, знавшій по Русски. Армянинъ этотъ также былъ убитъ.

Послѣ прибытія плѣнниковъ были получены еще новыя извѣстія изъ Хивы, за достовѣрность коихъ впрочемъ нельзя поручиться. Увѣряютъ, что Ханъ послѣ положительнаго отказа Эмира Бохаріи въ помощи, обратился съ тою же просьбою къ владѣтелю Кокана, который будто бы и обѣщалъ выставить извѣстное число войска. Вмѣстѣ съ тѣмъ Алла-Кулъ воспретилъ строжайше вывозъ хлѣба изъ Ханства и послалъ сверхъ сего собирать хлѣбъ у землепахателей (sic) и Кайсаковъ, на Сыръ-Дарью, для обезпеченія продовольствія своего и Коканскаго войска. Кромѣ того всюду идетъ починка укрѣпленій, особенно въ Хивѣ и въ Шаватѣ, чрезъ который пролегаютъ всѣ главнѣйшія дороги Ханства. Хаинъ-Галій, не смотря на всѣ старанія свои, все еще довольно безсиленъ, шайка его не только не растетъ, но даже разстраивается и держится только страхомъ и угрозами.

Имѣя честь сообщить Вамъ, М. Г., свѣдѣнія эти, я прошу Васъ принять увѣреніе въ истинномъ почтеніи и совершенной преданности моей.

(Архивъ Оренбургской ученой архивной комиссіи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 12 августа 1839 года, стр. 152—153).

Сообщилъ Священникъ **Николай Модестовъ.**

ПЕРЕПИСКА КН. Д. И. ДОЛГОРУКАГО

Кн. Д. И. Долгорукій брату.

16 Августа, 1825 года.

Послѣдняя почта не принесла мнѣ вѣстей отъ тебя, дорогой другъ. Я приписываю это празднику, который долженъ былъ быть въ Луккѣ 15 сего мѣсяца, но не оправдываю вашей лѣни, которая на мой взглядъ въ подобныхъ случаяхъ всегда преступна. Пишу вамъ, хотя у меня и нѣтъ ничего ни любопытнаго, ни спѣшнаго, чтобы сообщить вамъ.

Скоро вы получите съ австрійскимъ курьеромъ, можетъ быть, въ нѣсколько пріемовъ, посылки на вашъ адресъ. Вы тотчасъ же предупредите гр. Бутурлину, потому что онѣ принадлежатъ ей. Любопытно знать подробности вашего возвращенія и пребыванія на водахъ, прошу васъ, пожалуйста, не водите меня за носъ слишкомъ долго и скажите мнѣ рѣшительно, *влюблены вы или нѣтъ?* Завтра у насъ, у неаполитанскаго посла, будетъ большой праздникъ:

„Фонтаны, бураки и пламенныя рѣки.“

Мое здоровье поправляется. Я имѣю виды на своего банкира, котораго разсчитываю взять лаской и льстивыми рѣчами для того, чтобы онъ ссудилъ мнѣ довольно крупную сумму денегъ, для расплаты съ заимодавцами. Это очень трудно сдѣлать! Выскочки часто на все соглашаются, если нѣсколько разъ ловко ввернуть титулъ *Ваше Сіятельство.*—Все еще нѣтъ писемъ изъ Лозанны.

Неужели у графини все время лихорадка? Эта мысль удручаетъ меня. Передай мои привѣтствія любезнѣйшему изъ обществъ. Скажи

мадемуазель Аннетъ, что при первомъ удобномъ случаѣ она получитъ отъ меня колечко, не представляющее цѣнности, но замѣчательное по своей древности, привезенное изъ Неаполя антикваріемъ Висконти, нашедшемъ его во время раскопокъ Помпеи. Пусть оно будетъ хорошимъ знакомъ для мадемуазель Аннетъ, пусть принесетъ ей счастье. Прощай.

18 Августа 1825 года.

Я посылаю на почту узнать, принимаютъ ли письма съ маленькимъ кольцомъ внутри ихъ.

Римъ, 21 Августа.

Твоя военная хитрость доставила мнѣ большое удовольствіе, дорогой мой Рафаэль. Съ женщинами всегда я позволяю себѣ вести маленькую войну и употреблять хитрость въ борьбѣ съ ними. Письмо г-жи Лотцъ прелестно, и нужно быть созданнымъ изо льда, чтобы не почувствовать подобныхъ выраженій дружбы. Передай ей это отъ меня. Вотъ итальянскіе стихи, которые прошу ее принять не какъ награду, а какъ простой знакъ памяти и преданности. Они въ ея вкусѣ. Я въ этомъ увѣренъ.

Ты знаешь, что завтра день моего рожденія. Такъ вотъ, идя благодарить Небо, я не премину помолиться также и за этихъ женщинъ.

Флоренція меня нисколько не удивляетъ. Вѣтеръ необходимъ для воздушнаго пространства, интриги, козни—для этрусскаго общества, но твой планъ очень разуменъ: не нужно поощрять злословія; я увѣренъ, что гр. въ восторгѣ отъ злобныхъ замѣчаній толпы, но нельзя не считаться съ мнѣніемъ общества, которое слишкомъ часто вымѣщаетъ это на такихъ людяхъ вещами. *Она* прекрасна, но въ то же время долгъ еще прекраснѣе.

Хочешь скрыть свою игру? Ухаживай за нѣсколькими изъ *этихъ дамъ* и такимъ способомъ уничтожь сплетню, отвлеки ее отъ той, къ кому она относится. *Аннетъ* очень молода; ея привѣтливыя и полныя простоты манеры могутъ дать еще больше пищи ложнымъ догадкамъ—и, наконецъ, ты такъ же хорошо, какъ и я, можешь избѣжать непріятностей, которыя тебѣ встрѣчаются.

Г. возвратился. Мы опять въ лучшихъ отношеніяхъ. До Мая разлука сближаетъ людей; та же откровенность, то же обращеніе, ко-

торое меня больше не обманываютъ. Слухи о его планахъ переселить жену и дѣтей въ *Сіену* оказались вѣрными, и ты можешь говорить объ этомъ со всѣми, здѣсь это болѣе чѣмъ извѣстно. К. все упустилъ. Новыя письма гр. Н. къ Г. гласятъ, что мѣсто уже занято другимъ.— Говорятъ, *временно*, но дипломатія не знаетъ вздорныхъ слуховъ. Сдѣлай мнѣ одолженіе, каждый разъ сообщай номера дошедшія по назначенію, и отдавай мнѣ точный отчетъ во всемъ, что происходитъ въ домѣ В.... Прощай. Сегодня я обѣдаю у своего банкира и надѣюсь уладить свои денежныя дѣла.—Посылаю еще письма въ Лозанну, потому что ихъ молчаніе меня тревожитъ. Съ австрійскимъ гонцомъ ты получишь на свой адресъ большую посылку № 1. Это табакъ для графа Бутурлина. Оставь его такъ, какъ онъ есть, не распечатывая.

1-го Сентября.

Еще только 5 часовъ утра, а я уже сижу за маленькимъ столомъ. Вчера у меня до того болѣли зубы, что пришлось прибѣгнуть къ послѣднему средству. Зубной врачъ, хорошенько помучивъ меня, навсегда избавилъ меня отъ больного зуба. Это обстоятельство заставило меня весь вчерашній вечеръ просидѣть дома; я рано легъ спать— и вотъ я уже у окна, наблюдаю великолѣпное зрѣлище восходящаго солнца.

По утрамъ бываютъ минуты, когда свѣжій осенній воздухъ возвращаетъ меня къ жизни и даетъ ощущеніе счастья; но онѣ рѣдки, безплодны, и могутъ сказать не больше, чѣмъ говоритъ падающая звѣзда.

Въ понедѣльникъ почта ничего не принесла мнѣ ни изъ Флоренціи, ни изъ Лукки, мой добрый другъ, но я не злопамятенъ, и снова пишу тебѣ скучное письмо. Изъ него ты узнаешь, что мое здоровье въ томъ же состояніи, и что съ каждой недѣлей я все больше и больше устаю отъ служебныхъ занятій и своего безполезнаго пребыванія въ Римѣ. Третьяго дня мы цѣлымъ обществомъ обѣдали у французскаго посланника въ Альбано, маленькомъ городкѣ возлѣ Рима, построенномъ на склонахъ горъ, съ красивымъ озеромъ, прелестными уголками и великолѣпными рощами. Но за городомъ, даже избранное общество, дѣйствительно привлекательно только тогда, когда состоитъ изъ людей, близкихъ между собою. Городъ требуетъ принужденности, деревня хороша только своей свободой, и нѣтъ ничего болѣе неподхо-

дящаго, чѣмъ дипломатъ въ деревнѣ. Изъ Альбано мы вернулись очень поздно.

Свѣтила полная луна: она имѣетъ удивительно величественный видъ, когда появляется надъ безводными равнинами Лаціума и озаряетъ блѣднымъ и въ то же время яркимъ свѣтомъ гробницы Аппіевой дороги. Тогда обширныя и пустынныя римскія поля кажутся мнѣ моремъ, поглотившимъ знаменитую *Армаду* и затѣмъ успокоившимся надъ обломками непобѣдимаго флота. Ночи нигдѣ такъ не напоминаютъ Оссіана, какъ среди развалинъ римскаго величія. *Все это описаніе предназначено для мадемуазель Лотцъ.* Моя жизнь до такой степени однообразна, что для того, чтобы сказать что нибудь, мнѣ нужно перенестись или въ прошлое, или же въ будущее. Но такъ какъ на послѣднее почти всегда вліяетъ наше настоящее, то послѣднее не предвѣщаетъ мнѣ ничего особенно благопріятнаго. Среди хорошихъ книгъ, полный цѣлаго ряда счастливыхъ воспоминаній, я вращаюсь лишь въ обществѣ знаменитыхъ и мудрыхъ мертвецовъ.—Читалъ ли ты когда нибудь прекрасное сочиненіе *Виллера* о духѣ и значеніи реформаціи Лютера?—Вотъ отрывокъ изъ произведенія этого писателя: „*Серьезный* (Іисусъ Христосъ), *осторожный въ своихъ поступкахъ, непринужденный, простой и величавый въ рѣчахъ, съ душой, казавшейся спокойной, ясной и глубокой, какъ синева небесъ.*“

Эта маленькая выдержка предназначается для мадемуазель Аннетъ, которая, надѣюсь, еще не забыла меня, что легко могло бы произойти, ввиду ея дружбы съ прелестнымъ *Дарлингомъ*. Собаки этой породы—мои опасные соперники.

Виллеръ весь на сторонѣ реформаціи и съ большимъ краснорѣчіемъ и правдивостью доказываетъ, что она дала много хорошаго. Здѣсь вышло предписаніе, совершенно воспрещающее ввозъ иностранныхъ книгъ, и строгости по отношенію къ этому новому указу такъ велики, что даже путешественники могутъ оставлять у себя книги для частнаго пользованья только при томъ условіи, если запишутъ свое имя, названіе книги и дадутъ честное слово (гдѣ же?—въ таможнѣ!) въ томъ, что никому не отдадутъ книгу и не примутъ ее снова черезъ границу.—Вотъ въ какую страну пришлось мнѣ удалиться! Вотъ что называется распространять просвѣщеніе и покровительствовать наукамъ!—Я не могу сообщить тебѣ ничего новаго. Италинскій чувствуетъ себя хорошо и очень добръ ко мнѣ. Меня хотятъ избрать членомъ Академіи Св. Луки и сдѣлаютъ меня *пастыремъ Академіи.*

Затѣмъ одинъ изъ моихъ друзей посвятитъ мнѣ небольшое сочиненіе, на которомъ поставитъ мое имя, употребивши всѣ мои титулы. Отъ скуки дѣлаешься суетнымъ. Такимъ образомъ я, ничего не зная, буду членомъ трехъ или четырехъ академій.

Только что получилъ твое послѣднее письмо: оно блещетъ, какъ солнце—а мое, увы! это полная луна! Согласись съ этимъ, мой добрый другъ, твои успѣхи и жалобы восхищаютъ меня. Отправляясь сегодня въ канцелярію, я покажу доброму старику нѣкоторыя мѣста твоего письма, оно очень позабавитъ его. Только твое описаніе слишкомъ длинно для развлеченій на водахъ, за что я вдвое благодаренъ тебѣ.

Падаю къ ногамъ Воронцовой. Совѣсть упрекаетъ меня за то, что я не писалъ ей, но я положительно напишу ей со слѣдующей почтой. Чувствую безконечную признательность къ этимъ добрымъ женщинамъ, которымъ угодно помнить обо мнѣ. Осмотрительность мучаетъ меня, а копія никогда не сравнится съ подлинникомъ.

Кромѣ того, я знаю все, что требуется этикетомъ и порядкомъ—и одобряю это, порой даже на свою шею. Ваше письмо согрѣетъ меня лучше солнца. Откладываю до слѣдующаго раза подробный отвѣтъ и да здраствуетъ *кранъ!* и да здраствуетъ *источникъ!* и да здраствуетъ *ловкость!* Я ничего не заплатилъ Бутурлину.

Скажи, передалъ ли ты мое письмо Демидову, потому что для меня важно было написать его по возвращеніи въ Римъ? Невозможно кончить это письмо, не сказавши еще пары словъ нашимъ дамамъ. Привѣтствую ихъ отъ всей души, воспоминаніе о нихъ связано у меня съ множествомъ мелочей, и когда мнѣ случается за чтеніемъ или среди разговора вспомнить о нихъ, я долженъ оставить книгу или прекратить бесѣду.—Ахъ, если бы воспоминаніе было одинаково устойчиво во всѣхъ отношеніяхъ,—тогда легко можно было бы обойтись безъ воображенія.—

---

23 Октября.

Прошло цѣлое столѣтіе, мой добрый другъ, съ тѣхъ поръ, какъ имя принцессы саксонской попало въ нашу переписку, и новый государь вступилъ на баварскій тронъ послѣ твоего послѣдняго письма. Ты намѣревался написать мнѣ изъ Лукки, но обманулъ меня въ ожи-

даніяхъ, а доклады, которые ты одинъ за другимъ посылалъ Италинскому, извѣщали меня о всѣхъ вашихъ развлеченіяхъ, такъ что я освобождаю тебя отъ новаго ихъ описанія, но писемъ твоихъ я жду съ нетерпѣніемъ. Гр. Гагарина съ дѣтьми уѣхала въ Сіенну, грустная, раздосадованная, что приходится покидать Римъ, гдѣ она хотя вела и очень уединенный образъ жизни, но всегда имѣла небольшой кружокъ монаховъ и священниковъ.—Будь наготовѣ, потому что сегодня гонецъ былъ вызванъ въ Неаполь, чтобы оттуда тотчасъ же отправиться на сѣверъ, и не забудь прислать мнѣ копіи съ депешъ, о которыхъ тебя просило посольство, и которыя, хотя всѣ и помѣчены Римомъ, все таки должны находиться во Флоренціи.

Меня просили предупредить тебя, что для каждаго отдѣльнаго русскаго путешественника ты можешь безпрепятственно испрашивать пропуски, потому что римское правительство не дѣлаетъ никакихъ затрудненій для ихъ полученія. Это разрѣшеніе дастъ тебѣ возможность сдѣлать имъ пріятное, а не надо упускать этого случая по отношенію къ любезнымъ нашимъ соотечественникамъ. Благодарю тебя за письмо Пери, которое ты передалъ мнѣ вмѣстѣ съ двумя своими записочками, и которое было написано наканунѣ ихъ отъѣзда изъ Лозанны. Съ англійскими путешественниками она прислала мнѣ „коронованіе“ короля, написанное Ламартиномъ, содержаніе и изображеніе которыхъ есть оскорбленіе генія. Съ той же Англичанкой добрая гр. Шувалова прислала мнѣ маленькій альлитографій, со швейцарскими видами и костюмами. Я необыкновенно тронутъ этими знаками дружбы, и я особенно признателенъ Пери, этому вѣрному другу. Наши дамы уже въ Парижѣ, и я уже отправилъ вслѣдъ за ними посланіе.

Пери сыграла роль Жанны д'Аркъ, такъ удачно примиривъ добраго Кулеваева съ Кассандрой, и нужно признаться, что женщины очень ловки въ переговорахъ и непреклонны въ желаніяхъ. Эта новость восхищаетъ меня, потому что съ отъѣздомъ Кулеваева Пери была совершенно одинока, и все таки у нея есть забота и поддержка человѣка, который можетъ защищать ее и отъ другихъ, и отъ ея собственныхъ волненій.

Появилась, мой добрый другъ, новая книга Поттера объ ученіи Риччи, епископа Пистойи, о которой много говорятъ и которую невозможно достать въ Римѣ, такъ какъ Риччи, жившій въ царствованіи Великаго Герцога Леопольда, впослѣдствіи императора Австрійскаго, былъ возведенъ въ преобразователи и осужденъ папскимъ пре-

столомъ. Говорятъ, эта книга есть во Флоренціи. Такъ, сдѣлай мнѣ одолженіе, розыщи ее поскорѣе и пришли съ первымъ же русскимъ путешественникомъ или съ австрійскимъ гонцомъ, что еще лучше...

Я обращаюсь къ тебѣ съ этой настоятельной просьбой, надѣясь что ты не откажешься отъ нея. Здѣсь мое письмо къ Антонинѣ, которое я попрошу тебя переслать ей.

У насъ отвратительная погода. Проливные дожди, и этотъ переходъ отъ осени къ зимѣ изнуряетъ меня. Что подѣлываютъ пока наши прекрасныя дѣвицы и наши добрыя дамы? Тотъ Англичанинъ все такъ же ли счастливъ, какъ былъ нѣсколько недѣль тому назадъ, и думаешь ли ты, что свадьба состоится? Передай отъ меня тысячу привѣтствій г-жѣ Лотцъ и мадемуазель Аннетъ и скажи имъ, что, если по полученіи этого письма онѣ замѣтятъ на небѣ тучи, пусть знаютъ, что это вѣстники моихъ пожеланій, потому что я желаю имъ всего наилучшаго на свѣтѣ. Повидимому Матрона совсѣмъ не хочетъ мнѣ отвѣчать?—Коссак..... проводитъ зиму въ Римѣ...

Возвращеніе Сверъ позволитъ тебѣ пріѣхать посмотрѣть Римъ къ концу года: это будетъ время нашихъ религіозныхъ обрядовъ и я съ одной стороны надѣюсь, что кранъ будетъ благоволить намъ и что Ит. не будетъ противиться этому маленькому путешествію. Вотъ наконецъ послѣдняя надежда, способная вывести меня изъ удручающей тоски, гнетущей мой умъ, какъ преступленіе гнететъ совѣсть. А какъ подвигается итальянскій языкъ? Выглянуло солнце, и день снова лучезарно красивъ. Ахъ!... Прощай.

---

2 Октября.

Милліонъ разъ благодарю тебя за посылки, дорогой мой другъ. Книги, полученныя черезъ австрійскаго гонца, доставили мнѣ большое удовольствіе, а имя прелестной Пери присоединилось ко всѣмъ прекраснымъ мыслямъ, ко всѣмъ удачнымъ выраженіямъ. Вчера я получилъ отъ нея длинное письмо, кузина повидимому окончательно рѣшила провести зиму въ Парижѣ, и такъ какъ около 10-го числа этого мѣсяца она уѣзжаетъ изъ Лозанны, я прервалъ всякую переписку съ Швейцаріей, до новыхъ предписаній. Пери сообщаетъ мнѣ о письмѣ кузины. Мое здоровье плохо. Сегодня ночью у меня была лихорадка—и сновидѣнія. Корабль разсѣкалъ небеса, а лучи солнца,

заходившаго въ огненное море, падали на его паруса. Зрѣлище было волшебное. Мадемуазель Аннетъ садилась на корабль, а я протягивалъ ей руку, чтобы помочь прыгнуть въ лодку.

Sono tutti i sogni
Immagine del di, qualfe e carrotte.

Врачъ только что ушелъ отъ меня, онъ сказалъ, что это маленькая простуда. Это вполнѣ понятно, у насъ былъ такой быстрый переходъ отъ тепла къ холоду, что никакое здоровье не устоитъ противъ такого рѣзкаго измѣненія атмосферы. Я уже надѣвалъ свой великолѣпный плащъ, но только связанныя съ нимъ воспоминанія дѣлаютъ эту зимнюю одежду болѣе теплой.

Мой *песъ* тебѣ кланяется. Замѣтно, какъ онъ растетъ, онъ будетъ такой же большой, какъ ньюфаундлэндъ Демидова. Онъ будетъ спутникомъ моей жизни.

Я нахожу, что вторая часть путешествія вокругъ моей комнаты не такъ блестяще написана, какъ первая. Ночное путешествіе находится въ большой зависимости отъ вліянія луны, въ то время, какъ первое путешествіе вдохновлялось всецѣло солнцемъ. Я раньше зналъ повѣсть о Каскамбѣ и о молодой сибирячкѣ. Сегодня утромъ я написалъ графу де Мэстръ, и жалуюсь на его молчаніе. Скажи многое мадемуазель Лотцъ. У меня нѣтъ никакой надежды увидѣть ее еще разъ. Небо искушаетъ меня. Оно приближаетъ ко мнѣ людей, которыхъ я люблю, и въ то же время похищаетъ ихъ у меня. Въ нравственномъ отношеніи это Танталовы муки. Тысячу привѣтствій мадемуазель Аннетъ, которая, соединившись со своей подругой, должно быть, опять очень счастлива. Не можетъ ли она оказать мнѣ нѣкоторыя знаки дружбы? Не можетъ ли луна служить ей зеркаломъ? Сразу замѣтно, что у меня лихорадка. Я люблю ее отъ всего сердца (пусть она проститъ мнѣ откровенность философа). Когда я вновь смогу сѣсть за столъ рядомъ съ нею и объявить ей войну? Она опасный противникъ, часто выбивавшій меня изъ окоповъ, за которыми я считалъ себя въ безопасности... Особенно однажды, за обѣдомъ у Поггенполь.—Прощай, дорогой другъ. Отъ души цѣлую тебя. Во вторникъ ты получишь продолженіе моихъ вѣстей. Ась! какъ скучно.

3-го Октября.

Напрасныя опасенія, дорогой мой Рафаэль. Дѣло золотого крана идетъ какъ нельзя лучше и хотя я не согласенъ съ тобою относительно быстраго оглашенія его, увѣренъ ли ты, по крайней мѣрѣ, въ томъ,

что твоя страсть, заглохшая во время пребыванія въ Петербургѣ, возобновится во Флоренціи. Это открытіе восхищаетъ меня. Сердиться безполезно. „Представьте себѣ, что человѣкъ, который вамъ препятствуетъ или надоѣдаетъ вамъ, оказывается гранитной скалой, которая лежитъ на вашей дорогѣ и которую нужно обойти съ осторожностью. Это истины, которымъ я, къ величайшему моему сожалѣнію, не слѣдовалъ, и я васъ увѣряю, что къ нимъ можно очень хорошо приноровиться, соблюдая свое достоинство и чистую совѣсть". Вотъ что сказалъ мнѣ однажды гр. де Мэстръ въ одномъ изъ своихъ прелестныхъ писемъ, съ которыми я не разставался нигдѣ, и которыя, какъ въ Константинополѣ, такъ и въ Римѣ, способствовали радости моего существованія. Къ тому же время все сглаживаетъ. Развѣ совѣсть меньше мучаетъ насъ, когда толпа заимодавцевъ стучится у нашихъ дверей, а мы не имѣемъ никакой возможности удовлетворить ихъ справедливымъ требованіямъ, чѣмъ когда мы готовы разорваться, чтобы помочь другимъ? Демидовъ родственникъ. Вотъ первое положеніе. Мы бѣдны, и всѣ это знаютъ. Вотъ второе. Будемъ держаться и того, и другого. Итакъ, не огорчайся, и пусть все идетъ своимъ чередомъ. Вотъ письмо, только что полученное оттуда. Въ немъ есть мѣста, которыя могутъ заинтересовать тебя. Новость Поля доставила мнѣ большое удовольствіе и я надѣюсь, что императоръ не откажется дать ему хорошее мѣсто. Но возможно ли, чтобы подобныя извѣстія сообщались намъ газетами? Поль относится очень небрежно къ своей семьѣ, и я тоже начинаю сердиться на него. Я скоро напишу ему, а ты перешлешь ему мое письмо черезъ Москву.

Слово *умница* преслѣдуетъ меня и мнѣ уже кажется, что даже судьба смѣется при этомъ названіи. Ты жалѣешь о близкомъ отъѣздѣ г-жи Лотцъ. Такъ я тебѣ скажу, что она поселится въ домѣ Льва Потоцкаго, гдѣ ей будетъ поручено воспитаніе его дочери, такъ какъ воспитаніе мадемуазель Аннетъ уже кончено. Это было мнѣ извѣстно *подъ секретомъ* со словъ самой г-жи Лотцъ. Нельзя не восхищаться этой уважаемой женщиной.—Просьба о протекторатѣ со стороны Грековъ дѣло еще совсѣмъ нерѣшенное, и Англія никакъ не можетъ вступить въ переговоры, которые до такой степени не соотвѣтствовали бы всѣмъ видамъ Священнаго Союза. Должно быть Греція, была одной изъ весьма важныхъ причинъ, почему англійское министерство, во время занятія войсками испанскихъ владѣній Америки, обезпечило европейскій миръ. Во Франціи дѣлается все возможное для того, чтобы возбудить общественное мнѣніе и заставить Францію раньше Англіи взять на себя починъ въ дѣлахъ Греціи.

Но это правительство безсильно, и мнѣ кажется, что все это опровергаетъ распускаемые газетами слухи. По моему одно только Небо можетъ судить Священный Союзъ, потому что онъ поставленъ на такую высоту, что человѣку невозможно возвыситься до него. Въ сравненіи съ этимъ политическимъ божествомъ мы подобны жителямъ пустыни передъ гигантской статуей Мемнона.—До завтра, цѣлую тебя. Завтра буду продолжать свое письмо.—

---

4 Октября.

Мое здоровье, дорогой другъ, прекрасно, лихорадка оказалась легкой простудой, прекратившейся вмѣстѣ съ холодомъ. Какъ же ты хочешь, чтобы мои книги пришли къ тебѣ черезъ Болонью, когда этотъ городъ стоитъ сѣвернѣе Флоренціи. Посылка можетъ прійти только изъ Россіи или изъ Лозанны. Бумага гр. Бутурлиной была послана съ Обрѣзковымъ, и я не ошибся, говоря, что за пересылку пакета гр. Бутурлиной на почтѣ хотѣли получить 3 экю, и что я совершенно не заслуживаю ея упрековъ, ни устныхъ, ни письменныхъ, потому что, если бы я имѣлъ возможность, я предпочелъ бы всякое общество ей, и считалъ бы высшей для себя честью жить вблизи ея. Правда ли, что братъ гр. Авроры женился на сестрѣ нашего Коссаковскаго?

Я замѣтилъ, что шотландскій принцъ начинаетъ очень хорошо обходиться съ золотымъ краномъ, который нарочито въ Пизу поѣдетъ. Вотъ случай побывать въ семъ достопамятномъ мѣстѣ, гдѣ умерла бѣдная к. Долгорукая, гдѣ похоронена Шувалова и гдѣ показываютъ кладбище архитектуры среднихъ вѣковъ, и земля коего вся нанесена крестоносцами изъ Палестины. Въ самомъ кладбищѣ существуютъ монументы великихъ мужей Италіи. Крѣпко держись за золотой кранъ. Онъ тебѣ будетъ во многихъ случаяхъ чрезвычайно полезенъ. Не слушай злословія другихъ. Многіе, а особливо Бутурлины, въ враждѣ съ Д.... за что? Богъ знаетъ. Тверди имъ почаще, что ты родственникъ золотого крана, и подъ симъ предлогомъ многое можетъ тебѣ съ рукъ сойти. Нашъ старикъ любитъ Демидова. Гагара ненавидитъ, потому что онъ ему не далъ денегъ взаймы. О люди! О люди! Они вѣчно и любятъ и ненавидятъ... смотря по тому, что выгоднѣе. Здѣшній патріархъ все еще очень боленъ. Быть скоро новому конклаву.

Здѣсь находятъ, что ты слишкомъ рѣдко величаешь Италинскаго *Превосходительствомъ*, и употребляешь въ докладахъ *Вы*,

слово, котораго здѣсь вовсе не желаютъ слышать. Тысячу разъ благодарю тебя за письмо[1]) и за приложенія. Письмо Антонины доставило мнѣ большое удовольствіе и извѣстіе о томъ, что у насъ въ Москвѣ всѣ находятся въ добромъ здоровьѣ, успокаиваетъ меня по отношенію къ тому, что всего дороже моему сердцу. Я пришлю тебѣ ея письмо, но съ просьбой вернуть его послѣ того, какъ ты отвѣтишь, для того, чтобы мой отвѣтъ былъ похожъ на Ея письмо.—Вотъ отвѣтъ Бутурлиной: онъ познакомитъ тебя съ ея взглядами на вещи, взглядами, я увѣренъ, совершенно не соотвѣтствующими твоимъ намѣреніямъ. Ты найдешь здѣсь маленькое приложеніе—нѣсколько словъ отъ мадемуазель Тизенгаузенъ: прошу тебя уважить ея просьбу и немедленно дать мнѣ отвѣтъ. Валентинъ имѣетъ право давать пропуски въ папскія владѣнія. Попробуй этотъ способъ, чтобы каждый разъ не обращаться въ римское посольство. Это офиціальное предложеніе. Нашъ гонецъ отправляется обратно въ четвергъ, и для того, чтобы наказать тебя за молчаніе, я внушилъ Италинскому мысль спросить у тебя депеши, которыхъ не доставало нашимъ архивамъ. О нихъ никто и не думалъ. Прошу прощенія за это милое плутовство. Какой позоръ! У нашего викарія кардинала Зурла, архіерейскій насморкъ! Весь городъ ходитъ за нимъ слѣдомъ, и говорятъ, что самъ папа смѣялся надъ нимъ! Будь милостивъ! На твое имя придетъ изъ Милана большая связка книгъ. Тотъ часъ же пришли мнѣ ее съ какимъ нибудь путешественникомъ, имѣющимъ пропускъ.

Чѣмъ кончилось дѣло Новосильцева и что такое Новосильцевъ? Вотъ что намъ всѣмъ было бы любопытно знать. Было бы недурно съ твоей стороны если бы ты время отъ времени писалъ кн. Гагарину. Сверчковъ всегда это дѣлалъ и я знаю, что князь очень любитъ получать письма. Демидовъ сказалъ мнѣ о свадьбѣ мадемуазель Аннетъ съ г-номъ Бару.

Прощай, сегодня я буду обѣдать со своимъ докторомъ въ таверне. Будь здоровъ—какъ я.

Римъ, 25 Октября. 1825 года.

Я говорю съ Демидовымъ о денежныхъ дѣлахъ, но только *между прочимъ*.

Все еще не одного письма изъ Парижа!

---

[1]) Писано симпатическими чернилами.

Распечаталъ свое письмо, дорогой мой другъ, чтобы сказать тебѣ, что прилагаю къ нему оду на смерть Наполеона, написанную однимъ Итальянцемъ, пріобрѣтшую громкую извѣстность въ Италіи. Она этого заслуживаетъ, потому что это дѣйствительно самое лучшее, что было написано на эту тему, и Лавинъ и Ламартинъ никакъ не могутъ похвастаться тѣмъ, что превзошли *Манцони*. Говорятъ, что Гете перевелъ эту прекрасную оду. *Она очень трудна.*

Немедленно[1]) отвѣчаю на твое письмо № 1 б. описывающее добрыя отношенія къ тебѣ Сверчкова. Мнѣ кажется, это дѣло мудреное, потому что, что скажетъ Италинскій при дворѣ, не зная того, чего хочетъ Сверчковъ, и *не имѣя отъ него никакихъ данныхъ по этому вопросу.*—Я могу ему разсказать, но это дѣло очень щекотливое, именно потому, что ты мой братъ. Съ другой стороны я совѣтую тебѣ не просить чина, потому что *невозможно*, чтобы тебѣ его дали. Стало быть лучше хлопотать о мѣстѣ при дворѣ, что тебѣ гораздо легче получить. Признаюсь, что твое заявленіе взволновало меня до глубины души и что переговоры, которые ты мнѣ поручаешь, кажутся мнѣ очень трудными. Для меня—дѣло не въ представленіи, и я ни слова не скажу до тѣхъ поръ, пока со мной не будутъ говорить. Въ такое время говорить о тебѣ,—значитъ и самому выставляться на показъ?? Пожалуйста пришли мнѣ книгу, т. е. Поттера. Прощай.

25 Окт.[2]) Сдѣлай одолженіе, дорогой мой другъ, возьми на себя трудъ похлопотать о томъ, чтобы пропускъ, о которомъ Италинскій просилъ сегодня утромъ, безъ малѣйшей задержки прибылъ на границу въ *Перуджію*. Онъ нуженъ Обрѣзкову, который во вторникъ выѣзжаетъ лошадьми, но, ради Бога, не ошибитесь, потому что одна почта отправляется въ Римъ черезъ *Перуджію*, а другая—другимъ путемъ. Поручите передачу его самому начальнику почты. У меня нѣтъ положительно ничего новаго. Папѣ ни лучше, ни хуже, но погода великолѣпна. Конецъ мѣсяца приближается, и я надѣюсь, что гр. Воронцова не замедлитъ возвратиться въ городъ, тогда ты сообщишь мнѣ новости о нихъ. Сдѣлай мнѣ одолженіе, сообщи, каковъ долженъ быть послѣдній номеръ табака?

Я такъ часто ошибаюсь, что у меня является желаніе быть точнымъ. Прощай.

Д. Д.

---

[1]) Писано симпатическими чернилами.

[2]) Тоже.

Отъ Италинскаго ты получишь приказъ съ просьбой о пропускѣ для Обрѣзкова, того самого, о которомъ тебѣ однажды говорилъ Маріотти, и которому ты отвѣтилъ, что дѣло Бутурлиныхъ еще слишкомъ свѣжо въ памяти, и такъ возмутилъ тосканскаго министра, чтобы ты вообще не думалъ въ скоромъ времени получить у него пропускъ для кого бы то ни было. Я читалъ это письмо Маріотти и упоминаю о немъ для того, чтобы ты зналъ, что, благодаря ему, дѣло Бутурлиныхъ обнаружилось въ Римѣ и въ Неаполѣ. Не желая, чтобы Италинскій узналъ объ этомъ косвеннымъ путемъ, и видя, что больше нельзя было молчать объ этомъ, я поспѣшилъ пойти къ доброму старику, и увидя, что онъ еще ничего не знаетъ, я ему передалъ отъ твоего имени, секретнымъ образомъ, все, что имѣетъ отношеніе къ этому скверному дѣлу. Онъ одобрилъ такой способъ передачи, и былъ возмущенъ Бутурлиными.—Возвратимся къ главному. Ты, можетъ быть, знаешь, что Обрѣзковъ, о которомъ сегодня идетъ рѣчь, женатъ на одной изъ дочерей Василія Сергѣевича Шереметева, и что онъ въ восторгѣ оттого, что можетъ называть насъ кузенами.—И мужъ и жена отнеслись ко мнѣ со вниманіемъ и любезностью, и узнавъ о нашихъ печальныхъ домашнихъ обстоятельствахъ, они рѣшительно желаютъ поговорить о нихъ, черезъ ихъ отца, съ молодымъ Шереметевымъ. Вмѣшательство ихъ отца можетъ имѣть огромное значеніе, и хотя я и подозрѣваю, что изъ этого ничего не выйдетъ, все таки не нужно пренебрегать случаемъ, а тотъ, который представляется сейчасъ, конечно, одинъ изъ благопріятнѣйшихъ. Вотъ почему я прошу тебя предварительно оказать нѣкоторыя любезности по отношенію къ Обрѣзковымъ, которые, вообще, милѣйшіе люди. Я даже постараюсь завязать съ ними переписку.

---

14 Сент.

Благодарю тебя за письмо, хотя оно и очень коротенькое. Сожалѣю, что ты настаиваешь на своемъ, читая книгу Ласказа[1]) столь же мало полезную, сколько не стоющую вниманія. Дамъ очень любопытенъ. Его исторія Венеціанской республики—превосходное сочиненіе. Обрати особое вниманіе на войну съ Кіоджіей[2]), а въ концѣ тома есть списокъ съ конституціи Венеціи. Его святѣйшество чувствуетъ себя лучше. Я получилъ письма изъ Лозанны, прелестныя, восхити-

[1]) Графъ Ласказъ, французскій историкъ, сопровождалъ Наполеона въ изгнаніи, и выпустилъ въ свѣтъ „Меморіалъ Святой Елены“. П. Б. (младшій).

[2]) Портъ въ устьѣ Бренты, предѣлахъ Венецейскихъ.

тельныя! Пери пишетъ, какъ могла бы писать настоящая Пери! Я послалъ письма въ Лозанну и написалъ Гойэ. Вчера ночью у насъ былъ пожаръ. Сгорѣлъ хуторъ. Ничего не спасли. Коровы, куры, ослы, лошади—все сдѣлалось добычей пламени. Изъ людей никто не пострадалъ. Я скоро займусь посылкой въ Москву. Какъ хороша старшая Огинская, и какъ она похожа на мою Пери, это понятно.—Но что она заставляетъ тебя думать обо мнѣ,—эту загадку ты мнѣ объясни. Ужъ не мольба ли какая!—Господи, какой ужасъ. Небо! Боже упаси! Поскорѣе пришли мнѣ посылку, которую Голицыны должны мнѣ передать. Вотъ письмо, которое я прошу тебя поручить любезности гр. Бутурлиной, матери или дочери, все равно! Вчера былъ несчастный день. Какой то каменьщикъ упалъ съ крыши и не прожилъ ни минуты послѣ своего паденія. Мясникъ, разрѣзывая бычачью тушу, отрѣзалъ руку тому, кто ее держалъ. На ступеняхъ церкви Іисуса замѣтили кровь. Думаютъ, что какая нибудь женщина тамъ родила. Молодая дѣвушка, въ припадкѣ безумія, бросилась съ четвертаго этажа.

---

13 Сентября, вторникъ.

Я писалъ разсужденіе о *Данте*, и остановился на такомъ предложеніи: „Развращенность есть школа человѣчества, и ничто, выходящее изъ рукъ зла, не можетъ быть дѣйствительно красиво“, какъ твое письмо пришло ко мнѣ. Только въ тѣ минуты, когда я получаю извѣстія отъ тебя или изъ Лозанны, я замѣчаю, что существую, такъ подавляетъ меня скука, которую я испытываю. Когда Венеціанцы отправляли пословъ на востокъ, они старались дать имъ вторую родину, и считали имъ годъ службы за два. Нужно было бы ввести такой обычай по отношенію къ тѣмъ, кто ѣдетъ въ Римъ, потому что обѣ древнія римскія столицы одинаково печальны и дики, и я предпочелъ бы видѣть каждый день лучше Турокъ, чѣмъ священниковъ. Твой номеръ 7 содержитъ очень любопытныя вещи, а статья, которую ты ввѣряешь моему благоразумію, заслуживаетъ зрѣлыхъ разсужденій. Такъ какъ дѣло зашло такъ далеко, я безконечно сожалѣю о томъ, что не знаю всѣхъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ и ничего не могу сообщить тебѣ ни объ отказѣ, ни о согласіи. Это такой трудный и такой рѣшительный жизненный шагъ, что онъ долженъ быть только слѣдствіемъ глубокаго внутренняго убѣжденія въ полезности и счастьи. Поступи же, дорогой Рафаэль, такъ, какъ тебѣ подскажетъ разумъ, и позволь мнѣ хранить молчаніе по вопросу, который такъ трудно рѣшить.—Кромѣ того, въ своемъ письмѣ ты

говоришь только о своемъ окончательномъ рѣшеніи, не объясняя мнѣ никакихъ причинъ, почему ты отказываешься отъ этого брака, и это молчаніе сгущаетъ тьму окружающую этотъ, столь интересующій меня, вопросъ. Между тѣмъ выслушай одно мое возраженіе, а именно, если молодая особа заслуживаетъ уваженіе и обладаетъ свойствами, способными сдѣлать изъ нея хорошую жену, то ты плохо поступишь, если откажешься отъ ея руки. Извѣстно ли тебѣ, какъ велико ея состояніе? Но такъ какъ эта новость исходитъ отъ кузины, узнай ея мнѣніе: *она строго судитъ лицъ своего пола;* очень расположена къ тебѣ, она знаетъ твой нравъ, можетъ быть знаетъ и характеръ молодой особы, она сумѣетъ разрѣшить твои сомнѣнія, согласится или отмѣнитъ твое рѣшеніе; наконецъ, во всякомъ случаѣ, я увѣренъ, что провидѣніе руководитъ всѣми такими рѣшительными минутами и я вручаю тебя его попеченію. Отвѣть кн. Ильѣ, который, какъ ты говоришь, лишаетъ тебя бодрости, но онъ развязываетъ мнѣ руки, и такъ какъ дѣло обстоитъ такъ, то твоя совѣсть можетъ оставаться спокойной по отношенію къ налагаемымъ дружбой обязанностямъ, которыя ты такъ честно несъ передъ этимъ уважаемымъ семействомъ. Не стану тебѣ повторять о томъ, какое впечатлѣніе можетъ произвести это скверное дѣло на Италинскаго, я даже не буду напоминать ему о немъ, потому что обидно видѣть, что подъ именемъ, внушающимъ уваженіе, скрывается недостатокъ порядочности. Ты не можешь совершенно отказаться и не идти на свадьбу вмѣстѣ со всѣмъ дипломатическимъ корпусомъ, это невозможно, поэтому я тебѣ совѣтую предварительно написать Италинскому, и въ частномъ письмѣ изложить ему то затрудненіе, въ которомъ ты находишься. *Дѣло это* дѣйствительно слишкомъ недостойно богатыхъ и честныхъ людей, и такихъ злоупотребленій правительство не должно терпѣть. Я ничего не говорилъ объ этомъ Италинскому, потому что онъ отъ природы вовсе не скрытный человѣкъ, я не хотѣлъ бы, чтобы объ этой исторіи знали по всему городу; есть люди, которымъ доставляло удовольствіе распускать такіе слухи и возмущаться неприличіемъ подобнаго поведенія; кромѣ того, если ты думаешь, что эту исторію *нужно* доложить Италинскому, я разсѣю недоумѣніе и даже постараюсь сдѣлать это безъ свидѣтелей. Жду отъ тебя рѣшительнаго отвѣта. Испанское пѣніе и русское, конечно, должны имѣть большое сходство; и то, и другое—дѣти рабства, и звуки, печальные и неопредѣленные, одни и тѣ же въ странахъ, гдѣ чужія руки отняли покой и свободу. Такъ тебя разлучили съ милымъ ребенкомъ! А я лишенъ удовольствія говорить имъ пріятныя вещи.—Вотъ, дорогой другъ, письмо къ сестрѣ Антонинѣ, отправь его вмѣстѣ съ тѣмъ, которое ты ей напишешь

пятнадцатаго. Можетъ быть, я слишкомъ распространился на серьезныя темы, но это все было написано въ одинъ присѣстъ. Погода у насъ прекрасная, но у меня нѣтъ охоты гулять, и я усталъ любоваться прекрасными развалинами Рима, я почти весь день провожу дома, гдѣ безъ конца занимаюсь чтеніемъ. Битва при Лютценѣ замѣчательно описана Шиллеромъ. У этого великаго писателя жизненно все, что ни выходило изъ подъ его пера, а моментъ, когда Густавъ Адольфъ падаетъ, сраженный ударами, достоинъ полнаго восхищенія. „Bald entdeckte sein ledig fliehendes, im Blute gebadetes Ross der schwedischen Reiteres ihres Königs Fall, und wüthend dringt sie herbei, dem gierigen Feind diese heilige Beute zu entreisen. Um seinen Leihnam entbrennt ein mörderishes Gefecht, und der entstellte Körper wird unter einen Hügel von Todten begraben".

Мнѣ очень досадно, что за нѣкоторыя мои издержки тебѣ пришлось заплатить, и если ты хочешь сдѣлать мнѣ удовольствіе, то оставь у себя носовые платки, они твои. Я пришлю бумагу гр. Бутурлиной, но какимъ путемъ? Сейчасъ такое время года, что путешественниковъ совсѣмъ нѣтъ, и даже пересылка табаку сильно затрудняетъ меня. Маленькіе Голицыны должны скоро пріѣхать во Флоренцію. Отъ прелестной, отъ обожаемой Пери они привезутъ мнѣ книги: стихотворенія Ламартина. Сдѣлай мнѣ удовольствіе, передай мнѣ ихъ тотчасъ же. Я устрою дѣла съ *Бальзани*, каретникомъ, и пришлю тебѣ ящикъ съ книгами, которыя могутъ быть тебѣ полезными для занятій, и заранѣе предупреждаю тебя объ этой посылкѣ. Сдѣлай то же самое. Вотъ маленькій медальонъ папы, онъ очень похожъ. *Кокошкинъ* ѣдетъ въ посольство въ Парижъ. Я положительно не знаю, какъ это посольства находятъ возможнымъ такъ легко переводить его, или это незначительность ихъ службы, которыя имъ лестно замѣстить: или подлость помогаетъ имъ пользоваться преимуществами—чортъ знаетъ!!....

---

8 Сент.

Сію минуту почта доставила мнѣ твое письмо отъ 6-го Сентября, дорогой мой Рафаэль. Спѣшу тебѣ отвѣтить и начну съ того, что у меня есть свѣжія новости отъ Пери, которая, среди подробнаго описанія ихъ развлеченій и прогулокъ на водахъ, пишетъ мнѣ и о планахъ кузины. Дѣло идетъ о томъ, гдѣ провести зиму, въ Парижѣ, Марселѣ или въ Ниццѣ. Она писала императору о своихъ дѣтяхъ и о тѣхъ заботахъ, въ которыхъ нуждается старшій, говоря, что въ Парижѣ имѣются всѣ средства для выполненія плановъ, намѣченныхъ

въ этомъ отношеніи ея покойнымъ мужемъ. Между тѣмъ окончательно еще ничего не рѣшено, и отъѣздъ, если онъ состоится, совершится въ концѣ этого мѣсяца, или въ началѣ Октября. Пери была больна, и отъѣздъ К., который окончательно разстался съ графиней, нанесъ ей вредъ. Ея письмо прелестно.

Распространеніе твоихъ лишаевъ безпокоитъ меня, тебѣ нужно избѣгать слишкомъ рѣзкихъ движеній, напримѣръ танцевъ, которые въ подобныхъ случаяхъ могутъ быть очень вредными. Мое здоровье опять прекрасно, мои опасенія разсѣялись, и только скука пустила ростки въ глубинѣ моего сердца. Вотъ и ваши увеселенія на водахъ пришли къ концу. Теперь тосканскому дворцу пришла очередь сказать свое слово. Замѣчаніе Бутурлиной о моемъ характерѣ забавно, но я думаю, что она ошиблась безъ дурного намѣренія. Она думаетъ, что знаетъ меня, а на самомъ дѣлѣ знаетъ только мои слабыя стороны. Кромѣ того, услуги оказанныя мнѣ этимъ уважаемымъ семействомъ, дружба, (которой я связанъ) съ сыномъ и его женою и доказательства расположенія, неоднократно выраженныя всѣми ими, позволяютъ мнѣ смотрѣть сквозь пальцы на ихъ неразборчивость въ выраженіяхъ. Я искренно преданъ имъ. Наша жизнь идетъ обычнымъ порядкомъ. Италинскій пьетъ за четверыхъ, Гагаринъ разговариваетъ самъ съ собою, Коссаковскій пытается ловить рыбу въ мутной водѣ. Ахъ, какъ мало у нихъ права называться людьми въ полномъ значеніи этого слова, и какое было бы для насъ несчастіе, если бы на этомъ свѣтѣ намъ было суждено сталкиваться только съ ними. Газеты сообщили мнѣ, что маленькій *Горчаковъ* уѣхалъ изъ Лондона и что его послали гонцомъ изъ Парижа въ Петербургъ. Бьюсь объ закладъ, что онъ мѣтитъ на мѣсто перваго секретаря въ Римъ, но тогда я и двухъ минутъ не останусь на своемъ посту. Вотъ уже 18 мѣсяцевъ, какъ мое дѣло не имѣетъ никакихъ послѣдствій, и что то въ глубинѣ души подсказываетъ мнѣ, что не нужно писать Северину во второй разъ. Стало быть, прости меня за то, что я не могу согласиться на твою неотступную просьбу, время покажетъ, и чѣмъ медленнѣе исполняются наши желанія, тѣмъ лучше это дѣлается. Съ послѣдней почтой я послалъ гр. Воронцовой письмо, въ которомъ я смѣюсь надъ г-жей де Мену и потѣшаюсь надъ женой министра. Истинное чувство слишкомъ опошлилось бы, если бы оно проявлялось по отношенію ко всѣмъ, а языкъ сердца почти всегда становится смѣшенъ при официальныхъ свѣтскихъ прошеніяхъ. Мое сердце нашло себѣ мѣсто, моему уму всегда будетъ тѣсно. Въ самомъ послѣднемъ своемъ письмѣ я кажется говорилъ тебѣ о древней лампѣ, предназначенной для маде-

муазель Елизаветы. Я передумалъ и прошу тебя оставить ее.—Мадемуазель Аннетъ получитъ ту, которая была ей обѣщана, потому что у меня ихъ двѣ: одна—историческая, а другая просто старинная.—Знаешь ли ты, что я больше не одинъ въ своей комнатѣ; что у меня есть существо, которое постоянно смотритъ мнѣ въ глаза, старается угадать мои мысли и исполняетъ малѣйшія мои желанія,—которое очень интересуется моими книгами и готово было бы съ утра до ночи заниматься ими, если бы не мой хозяйскій глазъ. Это всегда вѣрный, всегда чистосердечный другъ, который любитъ меня одного и чья душа, если можно вѣрить въ переселеніе душъ, жила прежде въ рѣкѣ знаменитаго *персидскаго* поэта *Сади*.—Скажи же мнѣ хоть одно слово о табакѣ, получилъ ты его, или нѣтъ. Эта статья меня живо интересуетъ. Я кончилъ сочиненіе *Виллера*, но прочиталъ его два раза. Найдется немного книгъ съ такимъ любопытнымъ содержаніемъ. Много краснорѣчія, а въ основѣ правда, много душевнаго огня и сильное желаніе быть справедливымъ, безпристрастнымъ,—таковы отличительныя черты этого образцоваго произведенія. Въ настоящее время я изучаю „Вліяніе крестовыхъ походовъ“ Герена[1]). Эта книга служитъ дополненіемъ первой, такъ какъ одни и тѣ же событія являются содержаніемъ обѣихъ. Между прочимъ *Маріотти* написалъ Гагарину, жалуется на Италинскаго по извѣстному тебѣ дѣлу. Онъ хочетъ протестовать и даже лично отправиться въ Петербургъ, что было бы недопустимо. Я вызвался по этому случаю, и сказалъ Италинскому, что ты зналъ объ этомъ дѣлѣ и что не замедлилъ *частнымъ образомъ* написать объ этомъ князю *Ильѣ*. Во всякомъ случаѣ *здѣсь* дѣло не приметъ ни офиціальнаго, ни плохого оборота; Гагаринъ готовъ любезно услужить, а Италинскій кончитъ тѣмъ, что самъ напишетъ Николаю, чтобы тайно предупредить его объ ожидающихъ его непріятностяхъ, если онъ не захочетъ подчиниться справедливымъ требованіямъ Маріотти.—Не безпокойся о судьбѣ моего письма у *золотого крана*, я надѣюсь поправить это дѣло. Сдѣлай одолженіе, пришли мнѣ книги и пропускъ, ты долженъ знать для кого. Говорятъ, что Бенкендорфъ, министръ, окончательно сошелъ съ ума. Вотъ новое свободное мѣсто!

Прощай, дорогой и милый Рафаэль. Передай мои привѣтствія очаровательнымъ дѣвицамъ, которыхъ я съ каждымъ днемъ люблю все сильнѣе. Я предполагаю на одинъ день уѣхать въ деревню недалеко отъ Рима. Я буду жить воспоминаніями; посѣщу мѣста, гдѣ мы бро-

[1]) Нѣмецкій историкъ 1760—1842.

дили съ кузиной и прелестной Пери и можетъ быть буду переживать тѣ же ощущенія, которыя мы испытывали тамъ... когда то!

Совѣтую тебѣ заимствовать форму моихъ посылокъ и давать подобныя условныя имена лицамъ, о которыхъ намъ такъ часто приходится говорить въ нашихъ письмахъ. При этомъ письмѣ я прилагаю тебѣ образецъ.

Посылаю свою визитную карточку для мадемуазель Аннетъ, ихъ только сегодня принесли мнѣ изъ печатни—по этому случаю я сразу иду въ гости ко многимъ, чего я не хотѣлъ дѣлать безъ карточекъ.

---

3 Сентября.

Предвидя[1]) на завтра много занятій, я начинаю свое письмо сегодня вечеромъ, дорогой мой другъ. Но что же я могу тебѣ сказать? Ваши многочисленныя и шумныя удовольствія отнимаютъ у меня всякую охоту говорить о нашемъ однообразномъ существованіи, превосходящемъ всякое вѣроятіе. Подобное времяпрепровожденіе не можетъ назваться праведнымъ, главная причина этого—общество, потому что въ Римѣ нѣтъ ни одной дѣйствительно любезной личности, и повседневные разговоры вращаются только вокругъ глупостей. Наконецъ, я никогда не видалъ большей политической, литературной и общественной среды, чѣмъ та, среди которой я нахожусь въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Если съ одной стороны ты добился желательнаго успѣха у Д...., то и я добился многаго у своего банкира, и, сознаюсь тебѣ, никогда въ жизни я лучше не игралъ своей роли. Онъ далъ мнѣ взаймы 3,500 франковъ. Эта сумма прекрасно меня устроила и дала мнѣ внутреннее удовлетвореніе, такъ необходимое во время бездѣйствія и покоя. Вотъ письмо, которое написалъ мнѣ Демидовъ. Есть мѣста, касающіяся тебя, которыя покажутъ тебѣ, что твои дѣла принимаютъ хорошій оборотъ. Мой отвѣтъ приложенъ здѣсь. Передай его по назначенію. Онъ серьезно говорилъ мнѣ о твоей предполагаемой любви къ Аннетъ. Такъ постарайся поправить дѣло и дать другое направленіе этой болтовнѣ, потому что тебѣ суждено жить всегда съ одними и тѣми же людьми, и если ты объяснишься съ Аннетъ, тебѣ придется или рѣзко измѣнить свое поведеніе, что всегда плохо,—или *стать законнымъ ухаживателемъ*. Ты правъ, полагая, что время выясняетъ все, но зачѣмъ же полагаться на будущее, когда настоящее

[1]) Писано симпатическими чернилами.

даетъ такіе хорошіе способы прійти къ тѣмъ же результатамъ!—Что Аннетъ прелестна, что у нея золотое сердце и серьезный умъ—это неоспоримо, но она не знаетъ жизни и безъ малѣйшаго разсчета отдается тому, кто ее увлечетъ. Съ другой стороны, ея тетка, желая соблюсти приличія или же дать другую окраску твоимъ частымъ посѣщеніямъ, въ которыхъ она не видитъ ничего дурного, убѣждаетъ общество въ томъ, что это чистая дружба и что вы слишкомъ молоды для того, чтобы ваша привязанность могла имѣть существенныя послѣдствія.—По моему мнѣнію, это самое ложное положеніе и нужно выйти изъ него какъ можно скорѣе.—Г-жа де Мену необычайно глупа для Француженки. Съ самаго ея появленія на водахъ въ Луккѣ ей многаго не хватало, а теперь ей остается только переходить отъ одной глупости къ другой. Я въ восторгѣ отъ предположеній г-жи Бомбель, полныхъ такой увѣренности.—Видишь, какъ мы хорошо уладили наши дѣла съ Д....? Развѣ не стоило поднять цѣну и быть хозяиномъ у себя дома, чѣмъ жить въ чужомъ домѣ и быть рабомъ послѣдняго изъ рабовъ?—Напишите мнѣ пожалуйста, получили ли вы два пакета табаку?—Изъ Лозанны нѣтъ извѣстій, и Пери не исполняетъ своихъ обѣщаній. Я здоровъ и опасенія мои разсѣялись. Вотъ такъ задача.

Тысячу привѣтствій мадемуазель Аннетъ.—Скажите ей, что ея записка доставила мнѣ большое удовольствіе, но что я удивляюсь, какъ она умудрилась надѣть себѣ на палецъ мое кольцо? что луна навела меня на *тѣ же мысли* и растрогала меня.

Мой самый сердечный привѣтъ г-жѣ Лотцъ. Вѣдь она же знаетъ, что греческія дѣла идутъ удивительно хорошо? Она—сама любезность, но мое самолюбіе, не знающее пощады, отказывается вѣрить всѣмъ тѣмъ учтивостямъ, о которыхъ она говоритъ въ *своемъ письмѣ*.

Скажите пожалуйста мадемуазель Елизаветѣ, что я предназначаю ей прелестную маленькую лампу. Кабинетная вещь, достойная украсить ея хорошенькій столъ во Флоренціи. Это одна изъ тѣхъ лампъ, которыя зажигались во времена Августа, и на которой стоитъ имя племянника и пріемнаго сына этого императора.

Здѣсь всѣ очень недовольны *папой*.

27 Августа.

По системѣ обожаемой Пери.

Я получилъ твои два длинныя и милыя письма, одно отъ 21-го, другое отъ 23 Августа. №№ 3 и 4.

Вотъ мой отвѣтъ. Я боленъ и въ то же время великолѣпно себя чувствую. „Оно хорошо-то, а не хорошо-то!“ т. е. что есть очень дурные признаки. Мой врачъ, очень знающій человѣкъ, уже поставилъ мнѣ нарывной пластырь на руку, которой я пишу тебѣ, между прочимъ, не зная самъ, нужно ли еще лѣчить меня отъ дурной болѣзни.— Первый вопросъ будетъ о *Пери*. Она прислала мнѣ прелестное письмо, въ которомъ я вовсе не замѣтилъ той грусти, причину которой ты, вѣроятно, угадываешь. Этотъ предметъ слишкомъ живо интересуетъ меня, для того, чтобы я могъ удержаться и не попросить тебя помочь мнѣ разобраться въ догадкахъ? Въ Лозаннѣ развлекаются, а отъѣздъ Кулеваева, очевидно, безповоротно рѣшенъ. Пери отъ этого страдаетъ, потому что онъ высказывалъ ей знаки дружбы и былъ единственнымъ человѣкомъ, который хотѣлъ съ своей стороны все уладить. Какъ тяжело видѣть, что въ самыхъ тѣсныхъ кружкахъ имѣетъ мѣсто духъ партійности и распрей. Вотъ что, я думаю, печалитъ доброе персидское божество? Получи мое полное согласіе на предметъ моего письма къ г-жѣ де Мену. Конечно лучше, чтобы думали, что она на меня сердилась, а не я на нее, но не будемъ больше говорить объ этомъ въ нашей перепискѣ. Обдуманное кокетство вещь предосудительная для женщины; оно соблазняетъ неопытныхъ людей и глупцовъ. Кромѣ того, въ мои разсчеты не входитъ ухаживать ни на свой счетъ, ни на счетъ другихъ. Въ этомъ отношеніи я ученикъ Платона.

Въ любви есть извѣстная прелесть, которая не зависитъ ни отъ чего земного, и чтобы сильно любить, нужно, чтобы душа не зависѣла отъ тѣла. Я не удивляюсь твоему разговору съ двумя дамами; Голландка— большая хохотунья, г-жа Б. не менѣе любезна. Чтобы какъ слѣдуетъ судить объ умѣ и его пріятности, нужно имѣть образецъ этой пріятности среди женщинъ, и имѣть этотъ образецъ не въ нашемъ воображеніи, но въ дѣйствительности. Ахъ, сколько разъ мы одѣвали и раздѣвали парижаночку и бросали преступные взоры на ея маленькую фигурку. Ухаживай за г-жей Б., чтобы уничтожить сплетни относительно мадемуазель А., и не обманывайся на счетъ ея тетки, которая, я въ этомъ увѣренъ, слишкомъ сочувствуетъ ухаживаніямъ за ея племянницей. Будь вполнѣ чистосердечнымъ съ г-жей Лотцъ; она не

злоупотребить твоимъ довѣріемъ, и ея душа, полная огня и добродѣтели, раскрывается лишь для разговоровъ, вполнѣ чуждыхъ тѣмъ, которые хорошо устраиваются на этомъ свѣтѣ. Вообще не избѣгай общества, которое является школой для насъ и забавляй его, какъ ловкій менестрель, играя на всѣхъ струнахъ своей лиры, никогда не касаясь тѣхъ, которыя выражаютъ состояніе твоей души. Пусть болтливая графиня думаетъ, что я увлеченъ ея чарами, въ будущемъ я расчитываю извлечь изъ этого пользу; если хочешь, даже содѣйствуй, но только ловко, такому мнѣнію обо мнѣ, которое, въ сущности, не пойдетъ дальше болтовни, потому что я когда либо и гдѣ либо сумѣю его использовать. Демидовъ сумасшедшій! Онъ хорошо знаетъ людей только тогда, когда они имѣютъ дѣло съ его кошелькомъ, и онъ хорошо поступаетъ, угадывая ихъ такъ. Знаешь ли ты, что однажды онъ признался мнѣ, что онъ намѣревался жениться на кузинѣ изъ Лазанны, а черезъ минуту—что ему стоитъ только захотѣть, и завтра же его сдѣлаютъ.... *кардиналомъ!!* Пусть же планы послужатъ тебѣ примѣромъ для бесѣдъ съ этимъ человѣкомъ, который заслуживаетъ того, чтобы изучать его характеръ и странныя правила. Увы, я не предвидѣлъ другихъ средствъ кромѣ *просьбы*, къ тому же—*непосредственной;* но къ ней нужны *приготовленія*: именно: рѣчи, постоянно касающіяся печальнаго положенія нашей семьи; откровенный разговоръ о нашихъ домашнихъ дѣлахъ, безъ малѣйшей утайки, такъ какъ этаго человѣка страннымъ образомъ раздражаетъ всякая *хитрость*, а такъ какъ онъ считаетъ, что міръ существуетъ только для того, чтобы его обманывать, онъ умѣетъ вывертываться самыми ловкими рѣчами. Вслѣдствіе политическихъ условій, Н. не въ состояніи ничего сдѣлать въ настоящую минуту, такимъ образомъ, самый дѣйствительный способъ—косвенные намеки—сводится на нѣтъ. Мое настроеніе духа съ каждымъ днемъ падаетъ, я постоянно одинъ и это уединеніе, вмѣстѣ съ воспоминаніями, внушаетъ мнѣ отвращеніе къ настоящему—дѣлаетъ мою жизнь въ тягость. Ничего не бойся относительно Ит., оставайся въ Луккѣ сколько тебѣ захочется и предоставь мнѣ заботиться и думать о твоихъ благахъ въ Римѣ, гдѣ по большей части все спитъ въ объятіяхъ косности.—Гагаринъ ухаживаетъ за мной, но я ни на волосъ не измѣню своего поведенія по отношенію къ этому человѣку, рабу своихъ нервовъ. Жена Сверчкова, вопреки всякому вѣроятію, шлетъ очень благопріятныя вѣсти, относительно своего мужа, который ѣдетъ на зиму въ Пизу. Касс. мягко стелетъ, и увѣряетъ меня, что я въ лучшемъ положеніи у Ит. У очень умныхъ людей хитрость любопытна, она смѣшна у маленькихъ людей. Узы, все крѣпче и крѣпче связывающія тебя съ почтеннымъ домомъ Бутур-

линыхъ, доставляютъ мнѣ большое удовольствіе, потому что мнѣ не нужно напоминать тебѣ, какой огромной поддержкой будетъ для тебя эта семья въ странѣ, гдѣ тебѣ суждено прожить нѣсколько лѣтъ. Какъ только тебя узнаютъ, ты будешь въ домѣ своимъ человѣкомъ, и эта увѣренность успокаиваетъ меня на твой счетъ.—Затѣмъ—порученія, которыя я откладываю на завтра.

29-го. Мнѣ лучше и мои опасенія разсѣялись. Это нарывъ помѣшалъ мнѣ писать тебѣ двѣ почты подрядъ; ибо я твердо рѣшилъ, постоянно извѣщать тебя о себѣ.—Я кончилъ воспоминанія кардинала де Ретцъ, и прочитавши рѣчь Платона о безсмертіи души, началъ сочиненіе Villers о реформаціи. Дѣйствительно чудная вещь—занятія! Пожалуйста, скажи мадемуазель Аннетъ, что воспоминаніе о ней преслѣдуетъ меня, какъ тѣнь, и что луна постоянно освѣщаетъ мою комнату. Я предназначаю ей прелестную древнюю лампу изъ терракоты, которую она зажжетъ *на свои именины*. Хорошенько поблагодари мадемуазель Лотцъ за память и скажи ей, что я занимаюсь краткимъ извлеченіемъ изъ Данте, которое въ одинъ прекрасный день попрошу ее принять. Ты передашь мое нижайшее почтеніе графинѣ Воронцовой, а также и г-жѣ Бомбелль. Купанья представляются въ моемъ воображеніи земнымъ раемъ, землей обѣтованной.—Это третья часть, Данте, а Римъ, это первая.—Кстати. Поручаю тебѣ передать графинѣ Бутурлиной, что я у ея ногъ. Ты сумѣешь разсказать ей, до какой степени я былъ огорченъ тѣмъ, что не попалъ въ Ливорно, что не было никакой возможности удовлетворить мои задушевныя желанія. Напиши мнѣ о бѣдномъ Брунсвикѣ. Напомни, кому слѣдуетъ, о письмѣ де Мэстра и развлекайся погонею за почеркомъ Шатобріана, который Пери прислала мнѣ изъ Лозанны. Чудная Пери! Еще разъ, не забудь объяснить мнѣ причины!—Боюсь, что все сказанное обо мнѣ Демидовымъ, было издѣвательствомъ:—итакъ, двигай мои дѣла.

Цѣлую Дарлинга.

---

6 Октября.

„Любезный другъ, я здоровъ, но сердце тоскуетъ среди развалинъ и подъ жаркимъ небомъ Италіи. Я даже ни на одну минуту не ласкаю себя надеждой съѣздить снова во Флоренцію. Моя скука обременительна, скука другихъ завистлива; и потому наслаждайся обществомъ, живи для себя и для тѣхъ, кто тебя любитъ—моя очередь впереди. Твое разсужденіе о послѣднемъ сочиненіи гр. Мэстра, справедливо, и

мнѣ весьма нравится. Перечту Ночное Странствованіе и посмотрю, сходны ли мои мысли съ твоими. Между тѣмъ не худо было бы прислать мнѣ мои книги: т. е. Аксиліона и карту.—Спасибо Демидову. Что ему стоитъ прислать мнѣ сто піастровъ. Я бы не помедлилъ минутой, поѣхалъ бы странствовать по ближайшимъ окрестностямъ Рима?—Нельзя ли внушить ему сію мысль благую?—Пери, милая Пери не пишетъ! А мысли мои все странствуютъ по высотамъ горъ Персидскихъ.—Воображаю, что я новый плѣнникъ.... слѣдуетъ кумысъ и проч. и проч. при случаѣ письмо отъ Gohier. Умничаетъ безъ ума, пишетъ безъ правописанія!" Я въ восторгѣ отъ извѣстій, которыя ты шлешь мнѣ о мадемуазель Аннетъ, лишь бы только ея женихъ былъ хорошимъ и богатымъ человѣкомъ,—въ остальномъ у его жены не будетъ недостатка. Скажи ей это отъ меня, если у тебя хватитъ смѣлости. Нужно, чтобы все, что окружаетъ тебя въ эту минуту, было на самомъ дѣлѣ хорошо, умно и почтительно, потому что наши мысли сталкиваются со всѣми людьми и предметами. Дай Богъ, чтобы это всегда было такъ. Папа очень боленъ, врядъ ли встанетъ онъ съ постели. Г-жа Хитрово имѣетъ видъ сѣраго жидовскаго торгаша, который ѣздитъ по всѣмъ ярмаркамъ, чтобы за хорошую цѣну продать свой товаръ, который заключается въ двухъ очаровательныхъ дочеряхъ.—Жена опасная притворница! Такъ ли прелестна мадемуазель Генріетта, какъ ты говоришь? Удостовѣрь меня въ полученіи табаку, № 4 и 5?

Прощай.

Ты еще долго напрасно будешь мечтать о свиданіи со мной во Флоренціи, дорогой мой Рафаэль. Никакой отъѣздъ невозможенъ для меня, особенно теперь, когда Коссаковскій ѣдетъ въ Неаполь, а Гагаринъ опять въ Сіенну, чтобы окончательно уладить тамъ свои дѣла въ Коллегіи. Мнѣ доступны единственно только загородныя прогулки въ окрестностяхъ Рима.

Меня только что сдѣлали *пастыремъ Академіи*, т. е. членомъ литературной Академіи. Вступая въ члены, тебѣ даютъ имя пастуха, которое сохраняется на все время, пока ты остаешься въ этой академіи; мое имя—Эдоръ де Ланакль. Теперь прошу тебя, впредь называй меня въ письмахъ этимъ именемъ.—Ты, конечно, будешь въ довольно близкихъ отношеніяхъ съ молодымъ французскимъ поэтомъ: нельзя ли *со временемъ* пригласить его участвовать въ моемъ сборникѣ автографовъ и дать мнѣ нѣсколько подписей знаменитыхъ мужей Франціи, съ которыми онъ, конечно, не разъ сталкивался.—Если ты увидишь г-на

Кіанджи, поблагодари его за посылку. У меня нѣтъ ни малѣйшаго желанія вступать съ нимъ въ переписку, тѣмъ болѣе, что старикъ нисколько не интересуется его особой, а Кіампи, наоборотъ, всячески ищетъ случая поговорить со мною о своихъ дѣлахъ, вмѣшиваться въ которыя я не имѣю ни малѣйшей охоты. Узнай, пожалуйста, получилъ ли Піатити 5-ый томъ Аксиліона?—Нельзя ли написать въ Ст.-Петербургъ и попросить прислать намъ путешествіе въ Китай Тимковскаго, великолѣпное сочиненіе, переведенное на многіе языки; Италинскій только что получилъ его.—Цѣлую тебя.

Твое письмо и приложенія къ нему пришли ко мнѣ во время, но, ради Бога, объясни мнѣ, какимъ образомъ письмо, адресованное въ Богодуховъ въ Февралѣ мѣсяцѣ, которое я послалъ тебѣ въ надеждѣ, что ты отправишь его по назначенію, пришло ко мнѣ обратно въ Римъ. Это письмо отъ бѣднаго русскаго ветерана, оно священно, потому что оно было передано и ввѣрено мнѣ несчастнымъ молодымъ человѣкомъ, который нѣсколько лѣтъ не получалъ извѣстій отъ своихъ родителей и вполнѣ надѣется получить ихъ при моемъ посредничествѣ. Что же теперь дѣлать съ этимъ письмомъ? Я думаю, лучше всего будетъ передать его Бутурлину, который дастъ ему ходъ, будучи заинтересованъ въ этомъ несчастномъ дѣлѣ наравнѣ со мной. Извѣстія изъ Москвы, хотя и очень давнія, доставили мнѣ удовольствіе; но что за жизненная пустота въ нашемъ семейномъ склепѣ, и я начинаю думать, что въ нравственномъ отношеніи иногда бываетъ нужно перемѣнить семью, какъ нужно бываетъ перемѣнить климатъ въ физическомъ отношеніи. Твои распоряженія мнѣ нравятся, и я постараюсь каждыя двѣ недѣли давать о нихъ свѣдѣнія; такимъ образомъ, всѣ письма, которыя я буду получать изъ Флоренціи, будутъ вкратцѣ изложены въ тѣхъ, которыя я буду посылать изъ Рима, и я нисколько не сомнѣваюсь, что такой способъ переписки доставитъ большое удовольствіе въ Москвѣ, гдѣ всѣмъ уже пора собраться подъ одной кровлей. Я недавно прочиталъ въ энциклопедическомъ обозрѣніи, въ августовской книжкѣ, замѣтку этого журнала о произведеніяхъ нашего отца. Его называютъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ поэтовъ. Его стихотворенія, сказано тамъ, дышатъ любовью къ родинѣ и къ правдѣ. Прекрасная похвала, выраженная въ столь немногихъ словахъ!... а когда же мы приступимъ къ новому изданію произведеній отца! Эта статья будетъ одной изъ главныхъ въ моей перепискѣ съ Петраркой, который упоминаетъ о Дмитріевѣ и его рѣчи. Та ли это самая, которую онъ задумалъ годъ тому назадъ и которую ему поручило

московское литературное общество? Въ письмѣ Гильфердина добрыя вѣсти, если только онѣ достовѣрны, но увы! подобнаго рода измѣненія совершаются съ трудомъ.—Я повѣрю въ свою судьбу, вѣря въ судьбу Дашкова, это человѣкъ, полный знанія и достоинства.—Вернемся къ Флоренціи. Повидимому, Англичане сдѣлались хозяевами гостиныхъ. Охота была бы потерянымъ трудомъ, надо удалиться, принявъ подобающій этому обстоятельству видъ, принудить Аннетъ вернуться назадъ. Гр. В.... сплетница и кумушка, она изо всѣхъ силъ ищетъ жениха своей племянницѣ и бросается на перваго встрѣчнаго, хорошъ ли онъ или плохъ, если только у него есть состояніе. Г-жа Лотцъ слишкомъ любитъ свою ученицу, чтобы не страдать отъ такого положенія вещей, она вѣритъ, что Аннетъ, получившая прекрасное воспитаніе, не утратитъ его въ объятіяхъ перваго встрѣчнаго, куда она попадетъ изъ за нетерпѣнія своей тетки. Передай ей мои привѣтствія и скажи ей, что нужно имѣть столько же мужества, чтобы бороться съ обстоятельствами, сколько проницательности для того, чтобы разбираться въ нихъ. Ты говоришь о полной благосклонности золотого крана и просишь моего вмѣшательства въ твои дѣла. О Боже! если бы я могъ оказать тебѣ столь же большія услуги, сколь велики мои пожеланія! Все было бы хорошо. Я все таки не забуду время отъ времени, и кстати, говорить съ нимъ о твоихъ финансахъ и надѣюсь попасть.... на попутный вѣтеръ. Вчера я получилъ письмо отъ Кузины. Вотъ оно.—Но Пери, Пери ничего мнѣ не пишетъ!.. Что будешь дѣлать!—Кстати, скажи, пожалуйста, Бутурлиной-матери, что я получилъ отъ Пинелли три рисунка, заказанные мнѣ ея сыномъ, которые стоятъ ему 15 (сен.); что я прошу ее прислать мнѣ деньги и передать рисунки, которые нужно отправить въ Россію. Она получитъ свертокъ при первомъ удобномъ случаѣ. Это важное порученіе.—Гагаринъ проситъ тебя объ одолженіи—передать ему съ австрійскимъ гонцомъ пакетъ, который будетъ присланъ изъ Милана по его адресу. Что касается скульптора, которому я заказалъ бюстъ императора и который писалъ мнѣ по этому поводу, ты будешь такъ любезенъ, что объяснишь ему, что *все* поручено Гуерали. Прощай, здоровье мое недурно, но я продолжаю принимать лѣкарство. Кланяйся всѣмъ, а я тебя цѣлую. Папѣ лучше.

---

27 Сент.

Можешь представить себѣ, дорогой мой другъ, какъ я былъ радъ, получивъ твою посылку, гдѣ были вложены два прелестныя письма отъ Пери, вмѣстѣ съ маленькимъ ящичкомъ, въ которомъ находились два шнурка ея работы. Въ самомъ дѣлѣ, нужно имѣть ея прекрасную

душу, чтобы находить удовольствіе въ такихъ нѣжныхъ выраженіяхъ дружбы и памяти, и ты не можешь себѣ представить, до какой степени я ей признателенъ. Сдѣлай мнѣ одолженіе, какъ можно скорѣе перешли мнѣ мои книги. Ламартина я получилъ отъ Кассандры, путешествіе вокругъ своей комнаты—отъ моей Пери. Кулеваевъ въ Парижѣ, и мечтаетъ только о спектакляхъ. Богъ знаетъ, когда онъ отправится въ Россію, а пока я благодарю тебя за *твои извѣстія*. Я получилъ отъ Демидова письмо, въ которомъ онъ говоритъ мнѣ объ одномъ Англичанинѣ, богатомъ и красивомъ, который ухаживаетъ за Аннетъ. Скажешь ли ты мнѣ, въ чемъ дѣло, и можетъ ли это дѣло принять брачный оборотъ? Сегодня утромъ я ему отвѣчу, попрошу у него книгу. Мы до сихъ поръ живемъ въ полнѣйшемъ спокойствіи; а перемѣны, которыя мы предвидимъ издалека, пока еще не вліяютъ на обычный ходъ вещей.—Я никогда не былъ въ лучшихъ отношеніяхъ со всѣми этими господами, особенно съ Г..., который имѣетъ видъ побѣжденнаго. Вотъ письмо, только что полученное мною отъ Свѣчиной, очень любопытное письмо по уму и живости мыслей.—Возврати мнѣ его поскорѣе, потому что мнѣ нужно на него отвѣтить. Я во время получилъ чекъ и не замедлю поблагодарить Василевскаго, любезность котораго, дѣйствительно, превзошла всѣ мои ожиданія, но скажи мнѣ, пожалуйста, какъ его зовутъ?—Если ты будешь ему писать, сдѣлай мнѣ удовольствіе, передай ему, чтобы онъ прислалъ 50 рублей нянѣ Катеринѣ за сентябрьскую треть, на адресъ сестры, которую я въ началѣ мѣсяца предупрежду о посылкѣ. Въ настоящее время я могу прибавить къ этому еще 25 рублей, которые я предназначаю бѣдному *Терентьевичу*, что въ общемъ составитъ 75 *рублей*. Мнѣ ничего не говорятъ о твоихъ дѣлахъ съ краномъ. Представился ли тебѣ случай почувствовать удовлетвореніе по случаю его возвращенія во Флоренцію?... а Нар.... все еще въ домѣ, а его кредитъ всплылъ ли на поверхность послѣ знаменитой бури въ Н.? Эти сплетни мнѣ любопытны въ связи съ моими отношеніями къ Д..., съ которымъ, какъ мнѣ кажется, я опять какъ нельзя лучше. Что дѣлать, дорогой другъ? Нужно изучать обстоятельства, и лучше сдѣлать обходъ, чѣмъ разбить голову объ стѣну, которая не сдвинется съ мѣста. Бумага Бутурлиной совсѣмъ готова, но на почтѣ съ меня спросили 3 экю, чтобы она дошла по назначенію, такъ что я подыскивалъ удобный случай, вмѣсто того, чтобы тратить такую крупную сумму на посылку, которая стоитъ только десять п.... Объясни все это милой дамѣ. Елизавета прелестна, но я ничего къ ней не чувствую и не женюсь на ней, если мнѣ даже это предложатъ.... Посмотрите, пожалуйста, получилъ ли книготорговецъ пятый томъ Аксиліона, и нѣтъ

ли у него *Кювье*, Рѣчи объ измѣненіяхъ земного шара,—въ такомъ случаѣ можно *попросить* Демидова немедленно купить ихъ во Флоренціи, вмѣсто того, чтобы выписывать изъ Паркуса. Похлопочи объ этомъ полученіи, которое очень близко меня касается, а особенно посылка книгъ въ Лозанну. Прощай. Поблагодари отъ меня Голицыныхъ за ихъ любезность по пересылкѣ моего пакета и спроси ихъ, нѣтъ ли у нихъ порученій ко мнѣ.

Я получилъ письмо, написанное рукой твоего лакея, и рѣшилъ, что отправка гонца привела тебя къ такому странному способу пересылки. Я только что написалъ въ Парижъ, прошу распоряженій о многихъ посылкахъ, но до сихъ поръ я не имѣлъ никакихъ извѣстій отъ Пери, молчаніе, которое очень огорчаетъ меня. Д... предлагаетъ мнѣ жениться на Англичанкѣ, богатой наслѣдницѣ, и я рѣшительно отвѣтилъ ему на этотъ такъ близко меня касающійся, вопросъ,—сказавъ, что, проведя лучшую часть своей жизни въ бѣдности, я ужъ достаточно привыкъ къ ней, чтобы отказаться отъ *любого брака по разсчету*. Онъ предложилъ мнѣ уѣхать въ Россію и принимаетъ денежныя затрудненія по путешествію. Я съ благодарностью принялъ бы это предложеніе, если бы не боялся, что онъ захочетъ снабдить меня множествомъ контрабанды, которую мнѣ будетъ очень трудно провести на родину. Вчера я обѣдалъ съ тремя французскими послами, *Блака, Лаваль и Латуръ*. Сегодня поѣду смотрѣть Альбано, Фраскади, Тиволи, *Тускулумъ*, а можетъ быть *Палестрино*. Погода великолѣпная, можно подумать, что Іюнь мѣсяцъ; почти слишкомъ жарко.—Вотъ, милый мой другъ, маленькая просьба секретаря французскаго посольства, онъ проситъ у меня книгъ. Нужно сдѣлать одолженіе товарищу. Посмотрите, пожалуйста, есть ли эта книга у *Піатти?* Прощай, я здоровъ и прошу тебя, береги свое здоровье.

---

6 Ноября 1825 года.

Гонецъ пріѣхалъ, мои занятія, на этотъ разъ многочисленныя, подходятъ къ концу. Я спѣшу на досугѣ подробно отвѣтить тебѣ на послѣднее письмо № 19: оно опять говоритъ мнѣ о твоемъ недоразумѣніи съ Б.....ми, и я въ качествѣ ловкаго дипломата нахожу, что тебѣ остается только постараться сблизиться съ гр. *Анной*, хоть бы въ ущербъ твоему самолюбію; потому что я считаю невозможнымъ бороться съ двумя женщинами, съ которыми ты постоянно встрѣчаешься. Было время, когда я точно также поссорился съ гр. Б, женщиной съ невыносимымъ характеромъ, что признано всѣми. Мы дошли до фор-

мальнаго разрыва, одинъ разъ я даже дерзко обошелся съ нею. Но затѣмъ я настолько сблизился съ гр. Анной, что говорилъ ей все, что мнѣ приходило въ голову, и наконецъ сталъ ей жаловаться на поведеніе ея сестры. Тогда то я и открылъ, что ее совсѣмъ не любятъ въ семьѣ: это открытіе развязало мнѣ руки.—Повѣрь мнѣ, что гр. Анна прекрасный человѣкъ. Единственный способъ ее покорить—это усердно ухаживать за пей и держаться съ ней просто и откровенно.—Что касается Барру—какое странное имя!—то мнѣ кажется, что съ нимъ необходимо обращаться наравнѣ съ другими, разъ онъ на положеніи жениха въ домѣ; тѣмъ болѣе, что люди, не видѣвшіе, какъ онъ ходитъ по пятамъ за мадемуазель Аннетъ, дѣйствительно могутъ подумать, что въ твои отношенія къ Англичанину примѣшивается досада. Итакъ, нужно *доказать* обществу, что предположенія эти ложны и лишены основанія. Быть въ хорошихъ отношеніяхъ со всѣми—этому правилу необходимо слѣдовать. Потому что въ сущности, что изъ того, женится этотъ Англичанинъ на Аннетъ или не женится, глупъ онъ или уменъ, скученъ или забавенъ? Что тебѣ выгоднѣе, отвѣчать грубостью или *совершенно не замѣчать* его? Какъ вести себя въ домѣ, гдѣ его хорошо принимаютъ, гдѣ тебѣ *нѣкоторымъ образомъ* приходится играть роль своего человѣка и соотечественника и вмѣстѣ со всѣми покровительствовать ему, вмѣсто того, чтобы давать ему почувствовать, что онъ ниже тебя? Великое правило жизни состоитъ въ томъ, чтобы никогда не грубить младшимъ и съ достоинствомъ держать себя передъ старшими. Кромѣ того то положеніе, въ которомъ ты находишься, не можетъ долго продолжаться. Пріѣздъ молодой Бутурлиной, которая властно царитъ въ домѣ, сейчасъ же измѣнитъ его обликъ: она мой другъ: она вернетъ тебя на то мѣсто, которое ты потерялъ, благодаря сплетнямъ и недоброжелательству. До того дня—терпѣніе, и ради Бога обдумай мои совѣты.

Дорогой другъ, извини меня, потому что я ничего не сказалъ Италинскому, прекрасно видя, что это было не во время и не къ мѣсту. Гонецъ уѣхалъ, а въ Министерствѣ никто ни слова не шепнулъ обо мнѣ, хотя ужъ пора было бы подумать объ этомъ.—Я безконечно желаю, чтобы твое представленіе удалось, но сомнѣваюсь въ этомъ. С. рѣдко желаетъ людямъ добра, ты хорошо сдѣлалъ, что написалъ ему, а единственная моя надежда—это вліяніе и довѣріе моего зятя. Но скажи же, чего ты просилъ? Чинъ ли это, котораго ты хотѣлъ, орденъ или придворное званіе, какъ я тебѣ совѣтовалъ?

Д. для насъ истая находка. Онъ только что прислалъ мнѣ сто экю въ отвѣтъ на одну единственную жалобу на мои денежныя

обстоятельства, которую я помѣстилъ въ своемъ письмѣ. Вотъ я и развлекусь немножко, посѣтивъ окрестности Рима и особенно новыя раскопки Тиситмана.

Есть нѣсколько вопросовъ, которые я задалъ—тебѣ, дорогой мой Мишель, и на которые я до сихъ поръ не получалъ никакого отвѣта: а именно:

1) *Книга Риччи.*

2) Почеркъ Ламартина.

3) Плата за рисунки Бутурлиныхъ.

4) Кончая какимъ номеромъ ты получилъ *табакъ*.

Гагаринъ говорилъ мнѣ о твоемъ письмѣ, онъ вовсе не навязчивъ но любитъ узнавать все раньше другихъ. Такъ для твоей собственной выгоды было бы хорошо, чтобы ты почаще писалъ ему и сообщалъ ему всѣ новости.—

Пожалуйста скажите Піатти, чтобы онъ перевелъ на римскій книжный магазинъ *Романіо плату* за книгу, которую я прошу у него,—пусть онъ пришлетъ мнѣ также де походѣ Сегюръ и Бутурлина, *Avete capito?* поняли Вы?

Увы, дорогой другъ, все еще никакихъ извѣстій изъ Парижа; и я люблю Пери больше всего на свѣтѣ и бываю до такой степени счастливъ всякій разъ, какъ получаю отъ нея письма, что отсутствіе ихъ причиняетъ мнѣ горе, равное и радости.—Здоровье гр. Шуваловой меня безпокоитъ: она такъ хорошо чувствовала себя въ Римѣ! Ей слѣдовало пріѣхать на зиму въ Италію, а главное въ Римъ, гдѣ мягкость воздуха—лучшее лѣкарство для слабогрудыхъ.—

Не знаю какъ и почему, но объясненіе нашлось только послѣ отъѣзда Мюллера.

Прощай.

---

1 Ноября 1825 года.

Благодарю тебя, дорогой другъ, за твое письмо. Изъ Лозанны все еще нѣтъ писемъ. Эта непріятность настолько же огорчаетъ меня, насколько извѣстія отъ тебя доставляютъ мнѣ удовольствіе. Планъ моего путешествія въ Россію, который кажется тебѣ такимъ легкимъ, встрѣтитъ непреодолимыя препятствія съ той самой минуты, какъ

придется приступить къ его осуществленію.—Получить отпускъ у Италинскаго вещь совсѣмъ невыполнимая, безъ достаточно вѣскихъ причинъ. У Кн. Гагарина, повидимому, тѣ же планы, а какъ же тутъ получить назначеніе гонцомъ въ такое время, совершенно лишенное политическихъ событій?....*былъ одинъ способъ*....но сначала я хочу навѣрное узнать, какую сумму даетъ мнѣ этотъ милый человѣкъ; потому что дѣло заключается не въ томъ, чтобы пріѣхать въ Петербургъ, нужно прожить тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, можетъ быть поѣхать въ Москву (600 р.!!) и удовлетворить другія необходимыя потребности..... Это вновь открывающаяся дверь кажется мнѣ очень узкой, но весьма пригодной для того, чтобы помочь моимъ видамъ политическимъ, частнымъ, литературнымъ и *сердечнымъ*. Такъ я тебѣ поручаю или, вѣрнѣе, довѣряю твоему умѣнью узнать, каковы возможности...—потому что это *одна* изъ важнѣйшихъ вещей....Ты очень хорошо сдѣлалъ, что предпочелъ званіе камеръ-юнкера чину, поелику тебѣ никакъ не дали послѣдняго... іерархію нарушать по произволу трудно. Но зачѣмъ ты говорилъ о денежномъ награжденіи?—было бы право на мундиръ!—галуны пришлись бы вѣроятно *даромъ*.—Пугать министерство двумя прошеніями разомъ. Увы! очень неосторожно.—Я ни слова не говорилъ объ этомъ Италинскому, даже и Гагарину; потому что предвидѣлъ, что это можетъ быть имъ непріятно: твой предшественникъ былъ представленъ только самимъ старикомъ, а ему никогда ни въ чемъ не отказываютъ.—

Я могу сильно упрекнуть тебя въ томъ что ты ни слова не сказалъ мнѣ о табакѣ. Получилъ ли ты номера 4 и 5, и два огромныхъ пакета, порученныхъ охотнику Мюллеру?—Вотъ записка секретаря французскаго посольства. Ради Бога, исполни это порученіе. Ты будешь такъ добръ, что заранѣе предупредишь меня объ отъѣздѣ Голицыныхъ и передашь имъ всѣ мои книги, которыя остаются у тебя и у г-жи Б...—Обратись за ними къ милой г-жѣ Лотцъ. Это произведенія Биньонъ и Герена. Я совершенно не знаю рисунка, который мадемуазель Елизавета признаетъ за произведеніе Брюлова. Рисунки *Пинелли* были посланы ея брату съ Мюллеромъ, и я прошу вернуть 15 экю, потому что мои финансы въ ужасномъ состояніи,—а также одинъ піастръ за бумагу. Хилковъ каждое утро приходитъ ко мнѣ и совершенно не даетъ времени сдѣлать ему отвѣтный визитъ. Онъ говоритъ много, хорошо, и на парижскій ладъ; беретъ у меня книги и бродитъ по улицамъ.....Блестящая мысль! не можешь ли ты замѣнить меня во время моего отсутствія въ Римѣ, и однимъ ударомъ убить двухъ зайцевъ! Мои комнаты были бы въ твоемъ распоряженіи?—

Увы, дорогой мой другъ, по поводу плохого здоровья Голицыныхъ, я сильно опасаюсь за кузину, потому что Англичане, видѣвшіе ее въ Лозаннѣ, не видятъ ничего хорошаго въ томъ, что тоска съ каждымъ днемъ все сильнѣе овладѣваетъ ея несчастнымъ характеромъ.—У меня два раза былъ въ гостяхъ знаменитый римскій живописецъ *Камуччини*. Онъ обѣщалъ достать мнѣ костюмъ сѣвернаго поэта, для портрета, который я предназначаю моему отцу. Наконецъ то я получилъ столь желательную книгу *Кювье*, но видя ее у меня въ рукахъ, Италинскій такъ плохо скрылъ свою радость, что я *съ удовольствіемъ* уступилъ ее ему.—„Ты, братъ, всѣмъ кранъ наставляешь!—везетъ!—и слава Богу!—“

Передай мои привѣтствія милой г-жѣ Лотцъ, которую я люблю отъ всей души и всѣми силами стараюсь помнить о ней (скажи ей это).

Вотъ еще одна важная статья, о которой я говорилъ тебѣ однажды, но мимоходомъ. Я очень хотѣлъ бы просить у Кузины, по совѣту Кулеваева, нельзя ли будетъ получить мнѣ пенсію впередъ за два года, чтобы прійти на помощь моимъ финансамъ? Возможная ли это вещь?—Я боюсь не отказа, но обвиненія въ назойливости.—Успѣхъ подобнаго поступка далъ бы мнѣ возможность настаивать на моей поѣздкѣ въ Россію... а тогда.... Да здравствуетъ Императоръ!—

Е. В. принцъ Луккскій, о которомъ ты такъ мало говорилъ мнѣ, при новой встрѣчѣ со мною осыпалъ меня любезностями. Онъ и его свита такъ много говорили о твоей особѣ, что можно было подумать, что это родные.—Нельзя быть лучше Е. К. В. и я тронутъ благосклонностью, съ которой онъ обращается со мной. Это письмо, дорогой мой Рафаэль, какъ видишь, содержитъ много статей, требующихъ того, чтобы быть взвѣшенными. Неблагополучные роды и *выкидышъ* ребенка г-жи Дини ничуть меня не удивляютъ. Футляръ слишкомъ малъ въ сравненіи съ драгоцѣнностью! Пусть это минувшее несчастье докажетъ нашимъ дамамъ, что католическій Богъ такъ же строгъ какъ и греческій и что для того, чтобы быть спокойнѣе и счастливѣе не нужно мѣнять вѣроисповѣданія. Старикъ со своей истинно-глубокой ученостью—довелъ меня до совершенно христіанскаго невѣрія! Прощай!

10-го Ноября 1825 года.

А послѣднее письмо Антонины? Слѣлай мнѣ одолженіе, вспомни, вспомни, не видалъ ли ты среди разныхъ батюшкиныхъ бумагъ печатныхъ афишъ *Ростопчина*?—Пришли мнѣ съ первымъ путешественникомъ книгу Нектаріи Борисовны.—Цѣлую тебя.—

Ледъ сломанъ. Дѣло идетъ о моемъ представленіи и мнѣ очень хочется быть камеръ-юнкеромъ. Что ты объ этомъ думаешь, дорогой другъ Мишель? Думаешь ли ты, что это можно сдѣлать, если Италинскій, которому ни въ чемъ не отказываютъ, захочетъ попросить объ этомъ? Теперь, больше чѣмъ когда либо, мнѣ хотѣлось бы узнать, къ чему тебя представилъ зять, чтобы знать, не просимъ ли мы одного и того же. Мнѣ кажется, что къ тебѣ онъ тоже очень расположенъ, но что все вниманіе направлено на денежную награду. Постарайтесь выяснить дѣло со Сверчковымъ, а пока я займусь здѣсь, потому что ты знаешь, какъ тебѣ было бы выгодно, если бы сей послѣдній и нашъ добрый старикъ просили для тебя одного и того же?—А пока вотъ письмо Демидова, съ совершенно неожиданнымъ заключеніемъ. Оно вполнѣ въ его духѣ, и я прошу тебя не разглашать ничего, изъ того, что тамъ написано, чтобы не разрушить такъ хорошо наладившійся порядокъ вещей. Изложеніе всего этого требуетъ большой осторожности. Почти рѣшено, что скоро мы отправимъ гонца въ Петербургъ; но окончательно обдумавъ поѣздку, на которую ты смотришь съ самой лучшей точки зрѣнія, я рѣшилъ не уѣзжать изъ Рима. Эта поѣздка вызоветъ слишкомъ большія затрудненія и внесетъ безпорядокъ въ мои денежныя дѣла, которыя и такъ въ плохомъ состояніи. Нужно быть благоразумнымъ. Итакъ, я оставляю поле сраженіе Коссаковскому или Гернасси, которымъ, кажется, хочется поѣхать въ Россію.—Счастливаго пути!—

Прелестное письмо отъ Пери, съ помѣткою „Парижъ“ въ первый день ихъ пріѣзда въ этотъ городъ, сдѣлало меня совсѣмъ счастливымъ. Она пишетъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ своихъ первыхъ впечатлѣній при пріѣздѣ, и даетъ удовлетворительныя извѣстія о здоровьи кузины. Между прочимъ, она пишетъ, что г-жа де Комонъ говорила имъ, что я причисленъ къ Посольству въ Парижъ. Богъ знаетъ, откуда эта дама взяла эту неписанную сплетню, потому что она узнала это изъ одного письма, присланнаго изъ Рима,—кто же могъ прислать ей такое письмо изъ Рима, гдѣ я, конечно, первый узналъ бы объ этомъ? Это какая нибудь ошибка, источникъ которой—мое письмо къ Свѣчиной. Строгановъ въ Римѣ. Онъ имѣетъ видъ дипломатической куклы. Лѣнь въ фигурѣ! лѣнь въ мысляхъ! ничтожество въ характерѣ! Онъ пришелъ ко мнѣ на другой день своего пріѣзда, но его бесѣда до того безсодержательна, что мнѣ было очень не по себѣ все время, пока онъ оставался у меня въ комнатѣ. Я не зналъ, что сказать.—Мнѣ кажется, что его здоровье очень плохо. Время отъ времени я буду проводить вечера у г-жи де Сентъ-Олэръ. Ея мужъ какъ то разъ

вкратцѣ разсказывалъ намъ о дуэли Сегюра и Гурганъ. Онъ былъ секундантомъ перваго. Прощай. До слѣдующей почты. Мое здоровье превосходно.

15-го Ноября 1825 года.

29-го. Большое спасибо, дорогой другъ, за твое хорошее и длинное письмо. Отвѣчаю тебѣ сегодня утромъ послѣ того, какъ почта уже ушла, потому что до двухъ часовъ я былъ частью у Италинскаго, частью у Гагарина, который уѣхалъ въ Сіенну на именины своей жены, онъ пробудетъ тамъ десять дней. Вотъ нѣкоторыя окончательныя рѣшенія по вопросамъ, интересующимъ насъ обоихъ. Вчера во второй разъ былъ возбужденъ вопросъ о твоемъ представленіи. Я ожидалъ этого новаго открытія, и заранѣе приготовился отвѣчать. Я заявилъ, что твоимъ желаніемъ было сдѣлаться камеръ-юнкеромъ. Гагаринъ отвѣчалъ, что онъ увѣренъ въ томъ, что подобная попытка не встрѣтитъ отказа ни со стороны Италинскаго, ни со стороны того, для кого о ней просятъ. Рѣчь была также и о чинѣ, потому что мой товарищъ необычайно склоненъ оказывать намъ всевозможныя услуги. Мой отвѣтъ на послѣдній вопросъ былъ такой же самый, какой я далъ тебѣ самому. Я почти увѣренъ, что тебѣ откажутъ по той причинѣ, что прошло слишкомъ мало времени съ тѣхъ поръ, какъ тебѣ данъ послѣдній чинъ (Conseiller honoraire), и можно предвидѣть, что вмѣсто него Министерство дастъ тебѣ маленькій крестикъ св. Анны. Досадная вещь, которой нужно хорошенько избѣгать!—Гагаринъ рукоплескалъ въ отвѣтъ на мои разсужденія и повидимому рѣшено, что для тебя будутъ просить званія придворнаго.—Теперь появляется одно обстоятельство, котораго нужно ловко избѣжать и которое потребуетъ величайшей (grandissima) осторожности. Представленіе должно состояться только послѣ возвращенія Сверчкова, а вѣрно то, что раньше, чѣмъ оно состоится, тебя захотятъ свести съ нимъ. Такъ нужно, чтобы онъ не подалъ и вида, и не сказалъ ни слова на счетъ своей непосредственной рекомендаціи, потому что это погубило бы ходъ всего дѣла. Во 1-хъ, потому, что Италинскій не замедлилъ бы пожаловаться и тотчасъ перемѣнилъ бы мнѣніе, во 2-хъ, потому, что князь нашелъ бы наше поведеніе по отношенію къ нему неискреннимъ и достойнымъ порицанія; потому что первое, что онъ сказалъ бы мнѣ, узнавъ о представленіи Сверчкова:—Вы, стало быть, знали объ этомъ? Вы могли бы меня предупредить?—А это недостатокъ довѣрія, въ которомъ мнѣ невозможно было бы оправдаться.—Я ужъ говорилъ тебѣ это: твой предшественникъ получалъ чины и кресты, но всегда черезъ Римъ, а это самый лучшій и самый вѣрный путь. Два представленія не при-

носятъ вреда тому, кого они касаются, но Италинскій одинъ имѣетъ право ихъ сдѣлать.—Сегодня его депеша насчетъ тебя подкрѣпитъ депешу Сверчкова и дѣло пойдетъ еще лучше, но, ради Бога, постарайся предупредить выступленія сего послѣдняго, потому что они могутъ принять необычайно вредный характеръ. Между прочимъ, если этотъ окольный образъ дѣйствій не въ твоемъ вкусѣ, вотъ другое средство. Напиши письмо Гагарину. Скажи ему, что я говорилъ тебѣ о его любезныхъ намѣреніяхъ; поблагодари его и изобрази поступки Сверчкова, какъ попытки, кажущіяся тебѣ совершенно безполезными и не могущими имѣть ни малѣйшаго успѣха до тѣхъ поръ, пока Италинскій не будетъ говорить объ этомъ въ Министерствѣ. Вотъ два способа.—Выборъ предоставляю тебѣ, но нужно окончательно рѣшиться, который выбрать. Теперь о томъ, что касается собственно моихъ выгодъ. Было сказано безповоротно, что я буду просить только о чинѣ. Во 1-ыхъ, для того, чтобы получить желаемое, я хочу опираться на авторитетъ старика; во 2-хъ, потому, что скоро три года, какъ я въ томъ же чинѣ; въ 3-хъ, потому, что не слѣдуетъ, чтобы мы оба просили одного и того же; въ 4-хъ, не имѣя никакого аттестата, я надѣюсь, что рекомендація Италинскаго замѣнитъ мнѣ его и, въ 5-хъ, потому, что министерство, будучи въ долгу передо мною, на этотъ разъ не замедлитъ дать мнѣ доказательство своего сердечнаго расположенія. Таково положеніе вещей. Ничего еще не рѣшено, стало быть, можешь писать прямо Гагарину и высказать ему твои желанія, твою благодарность и твои надежды. Путь вѣрный и опредѣленный. Такъ какъ тебѣ суждено долго прожить въ столицѣ, гдѣ есть дворъ, не такъ ужъ непріятно носить мундиръ, который отличалъ бы тебя отъ другихъ, а можно быть увѣреннымъ въ томъ, что кранъ снабдитъ тебя галунами и всѣмъ, что можетъ быть тебѣ необходимо.

Письмо, только что полученное мною отъ Свѣчиной въ отвѣтъ на мое, въ которомъ я спрашивалъ у нея совѣта относительно плановъ моей поѣздки въ Парижъ, показываетъ мнѣ, что мнѣ нужно вооружиться большимъ терпѣніемъ. Она утверждаетъ, что мнѣ необходимо рѣшиться провести всю эту зиму въ Римѣ и опредѣленно доказываетъ, что мое переселеніе въ Парижъ вещь мало полезная и почти невозможная. Стало быть мнѣ нужно принять соотвѣтственныя мѣры. Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже идутъ мои дѣла и я наконецъ вынужденъ ограничиться четырьмя дырявыми сорочками и такимъ же числомъ носовыхъ платковъ. Все остальное въ томъ же количествѣ, и я не вижу иного способа, какъ обратиться за помощью къ гр. Шуваловой, но чувствую, что никогда не буду въ силахъ просить ее самъ, и я умоляю

тебя, дорогой Мишель, помоги мнѣ въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ. Тебѣ хорошо извѣстно, въ чемъ оно заключается. Я никогда не говорилъ съ кузиной о своихъ финансахъ. Во время своего пребыванія въ Римѣ, она осыпала меня подарками, но у меня никогда не хватало смѣлости сказать ей хоть слово о деньгахъ.—Сдѣлай мнѣ одолженіе, шепни ей словечко объ этомъ. Пенсіи за два года хватило бы мнѣ на все необходимое. Но не откладывай этого дѣла. Ты употребишь все свое умѣнье, которое потребуетъ это дѣло, и если я не надѣюсь на успѣхъ, то увѣренъ, что просьба не внесетъ измѣненій въ наши родственныя отношенія.

Къ двадцатипятилѣтію научно-литературной дѣятельности Л. М. Савелова

Адресъ, поднесенный Л. М. Савелову чинами Москов. Отд. Общ. Архива Мин. Императорскаго Двора.

Вѣдомо намъ учинилось, Господине, знающимъ Тебя, яко исполнися нынѣ полъ третіяго десятка лѣтъ трудовъ Твоихъ къ познанію древле-русскихъ именитыхъ родовъ и къ вящшему процвѣтанію красоты языка русскаго положенныхъ. Толь сладостный день исполненія въ мѣру совершенну трудовъ Твоихъ воспоминая, сослуживцы Твои, въ Книгохранительницѣ Царской Московской съ Тобою купно сущіе, радостно о Тебѣ веселятся, душевное привѣтствіе Тебѣ творятъ и желаніе свое глаголютъ, и въ будущія лѣта столь же славно и похвально Тебѣ, здраву сущу, потрудитися пользы ради любезныхъ сердцу Твоему хитростей книжныхъ и лѣпоты словесныя.

Да сохранится при семъ и доброта сердца Твоего къ знаемымъ Тебѣ людямъ, извычная намъ въ Тебѣ отъ дней купнаго служенія нашего подъ началомъ Твоимъ, и доселѣ намъ свѣтло въ сердцѣ Твоемъ сіяющая.

Да преуспѣетъ же и Лѣтописное Общебратство Родословія, Тобою десять лѣтъ честно руководимое и нынѣ достойно достигшее десятилѣтія дѣланія своего.

Прими-же, Господине, на добрую о насъ память и Твоего къ намъ ласкосердія сію малую грамотицу, къ ней-же сослуживцы Твои, по обычаю, отъ лѣтъ древнихъ идущему, и руки своя приложили.

Лѣта отъ сотворенія міра 7423, отъ Рождества-же Христова 1915, мѣсяца Генуаріа въ 8 день, въ годину юбилейнаго сборища въ честь трудовъ Твоихъ.

La prussification de l' Allemagne, son histoire, son but, ses résultats.

Parlant de la prussification de l'Allemagne mise en oeuvre dès le commencement du XIX-e siècle, M. Deschanel touchait un point de l'histoire qui est aujourd'hui d'une émouvante actualité. L'année 1914 n'est pas seulement mémorable par l'explosion d'une guerre géante imposée à des nations pénétrées de sentiments et de tendances pacifiques; guerre précédée par une menace soigneusement méditée et perfidement hypocrite; guerre voulue par une puissance donnant aussitôt à l'Europe en spectacle sa monstrueuse barbarie et son dédain du droit. Quel surprenant anachronisme au XX-e siècle! L'oeuvre actuelle de Guillaume II est en même temps l'oeuvre de ses généraux, de sa soldatesque. Il l'a faite nationale et ses obéissants intellectuels l'ont sanctionnée. La force militaire qui asservit, a asservi et subjugué le peuple et déformé ses cerveaux.

De plus, l'année 1914 est un centenaire et nous qui sommes les témoins du grand drame d'aujourd'hui, nous en trouvons les symptômes générateurs dans les événements de 1814. Il y avait déjà une fermentation, un prélude de ce drame. En 1870, il en a été donné, sur la scène de l'Europe, un premier acte consistant en un terrible duel devant des témoins muets. La Prusse sut alors grouper autour d'elle les autres puissances allemandes, leur commander et, grâce à leur passive obédiance, elle fût victorieuse. Elle amputa sa victime pour faire saigner son coeur dont les battements ne furent pas étouffés par son étreinte. La vitalité de l'immortelle France n'était pas atteinte; le coup n'était pas mortel; il laissait une plaie béante. Cet acte se termine par l'apothéose de l'Allemagne unifiée, la soumission passive de royaumes et de principautés. Le passé, l'histoire, l'individualité de ces Etats étaient sacrifiés pour accomplir le rêve de Bismark: la Prusse maîtresse absolue de l'Allemagne. La décentralisation de l'Allemagne sacrifiée à la Prusse. Sur la fin de cet acte tomba un rideau, un voile de deuil. Et l'Europe specta-

Пруссификація Германіи, ея исторія, цѣли и слѣдствія.

Говоря о пруссификаціи Германіи, осуществившейся въ самомъ началѣ XIX столѣтія, Дешанель коснулся историческаго взгляда, представляющаго въ настоящій моментъ живѣйшій интересъ. 1914 годъ памятенъ, не только благодаря вспышкѣ исполинской войны, которая была навязана національностямъ, проникшимся миролюбивыми чувствами и намѣреніями, войной, предшествуемой угрозами тщательно обдуманнымъ и лицемѣрнымъ коварствомъ; войной, задуманной властью, не замедлившей явить Европѣ зрѣлище чудовищнаго варварства и попранія всѣхъ правъ. Что за неожиданный анахронизмъ въ XX вѣкѣ! Современное дѣяніе Вильгельма II есть въ то же самое время дѣло его генераловъ и солдатъ. Онъ сдѣлалъ это національной задачей, а покорные ему подданные одобрили его. Покоряющая военная сила поработила и подчинила себѣ народъ и произвела переворотъ въ умахъ его.

Кромѣ того, 1914 годъ является столѣтней годовщиной, и мы, зрители великой драмы нашихъ дней, находимъ начальныя признаки ея въ событіяхъ 1814 года. Тогда уже начиналось броженіе, прелюдія этой драмы. Въ 1870 году разыгралось первое ея дѣйствіе, состоявшее изъ ужаснаго поединка въ присутствіи нѣмыхъ свидѣтелей. Тогда Пруссія сумѣла объединить вокругъ себя остальныя нѣмецкія силы государства и повелѣвала ими, а благодаря ихъ безпрекословному послушанію она вышла побѣдительницей. Она терзала свою жертву для того, чтобы заставить обливаться кровью ея сердце, біеніе котораго она не могла задушить въ своихъ объятіяхъ. Жизненная сила безсмертной Франціи не была подорвана; ударъ былъ не смертельный, осталось только зіяющая рана. Дѣйствіе кончается апоѳеозомъ объединенной Германіи, пассивнымъ подчиненіемъ королевствъ и княжествъ.

trice resta silenceuse. Pour elle, avec la constitution du nouvel Empire d'Allemagne, avait surgi un danger.

En 1914 commence le second acte sur la scène, non plus seulement de l'Europe, mais on peut dire du monde entier. Il débute par l'imposion de la guerre à l'Europe pacifique, par la destruction des traités, par la violation de neutralités, par des actes de la barbarie la plus féroce. C'est l'Allemagne prussifiée qui entre ainsi en scène, incarnant le génie du mal. Ses vassaux obéissent à sa voix et participent à son oeuvre. La voilà l'Allemagne prussifiée tout entière complice de son macabre maître et tyran; elle s'élance à l'assaut de la civilisation. Et anxieux, nous assistons à ce grand et dernier acte du drame, nous attendons son dénouement.

Cette guerre de légitime défense s'est transformée en guerre de libération. Notre France figure sur la scène non plus isolée comme précédemment, mais unie aux puissances résolues à mettre un frein à l'orgueil et à l'ambition sans bornes de cette Allemagne moderne pervertie au point de célébrer ses crimes et de s'en montrer fière. N'oublions pas, n'oublions jamais, quel fut Celui qui tira la France de son isolement et la prépara ainsi à partager avec la Russie le rôle le plus beau qu'une nation puisse jouer: celui de soutien du droit, de la liberté et de l'honneur. L'Empereur Alexandre III, précurseur de l'Alliance Franco-Russe, a compris le danger pour l'Europe d'une Allemagne omnipotente. Appréciateur avisé des qualités de la France, grand facteur des idées généreuses et instruit des errements de l'Allemagne, Il a inauguré une politique loyale et fait surgir une réciproque sympathie qui rapprocha l'Occident de l'Orient. Sa conception élevée trouva un écho chaleureux en France.

L'Auguste Fils d'Alexandre III transforma le rapprochement en une féconde Alliance. L'Angleterre, revendiquant l'honneur de sauvegarder le droit attaqué, se joignit à nous et le Japon voulut, lui aussi, se montrer le champion de la civilsation moderne. Se joignant à cette croisade pour la justice, l'héroique Belgique s'est sacrifiée pour sauver les alliés et par eux cette noble victime doit être et sera vengée.

Cette union est le rempart de l'Europe contre la catastrophe qui la menace d'une épouvantable ruine. Le monde ému attend le dénouement de ces scènes terribles où le carnage des batailles est accompagné d'immolations de victimes innocentes et éclairé des lueurs d'incendies sacri-

Прошлое, исторія и индивидуальность этихъ государствъ были принесены въ жертву для того, чтобы осуществить мечту Бисмарка: Пруссія полная владычица Германіи. Децентрализація Германіи, принесена въ жертву Пруссіи. Въ концѣ этого дѣйствія падаетъ занавѣсъ изъ траурнаго крепа. А Европа осталась безмолвной зрительницей. Съ образованіемъ новой Германской Имперіи для нея возникла опасность.

Въ 1914 году начинаетъ разыгрываться второе дѣйствіе, и не только на европейскихъ подмосткахъ, а можно сказать на подмосткахъ всего свѣта. Оно открывается вспышкой войны въ мирной Европѣ, уничтоженіемъ договоровъ, нарушеніемъ нейтралитетовъ, самыми явными звѣрствами. Такимъ образомъ, пруссификованная Германія, проявляется на сценѣ, воплощая въ себѣ генія зла. Ея вассалы идутъ на ея призывъ и принимаютъ участіе въ ея дѣлѣ. Вотъ она, пруссификованная Германія, сообщница своего повелителя, убійцы и тирана: она приступомъ идетъ на цивилизацію. И мы съ тревогой присутствуемъ при великомъ и послѣднемъ дѣйствіи этой драмы, мы ждемъ ея развязки.

Эта законно оборонительная война превратилась въ войну освободительную. Наша Франція выступаетъ на сцену не въ одиночествѣ, какъ это было раньше, но въ союзѣ съ государствами, рѣшившими положить конецъ безграничному высокомѣрію и заносчивости современной Германіи, до того развращенной, что она способна прославлять свои преступленія и гордиться ими. Не забудемъ, никогда не забудемъ Того, кто вывелъ Францію изъ ея одиночества и, такимъ образомъ, приготовилъ ее, вмѣстѣ съ Россіей, сыграть самую прекрасную роль, которая когда либо выпадала на долю націи; а именно, быть опорою права, свободы и чести. Императоръ Александръ III, предвѣстникъ Франко-Русскаго Союза, понялъ, какъ опасна Европѣ всемогущая Германія. Тонкій цѣнитель достоинствъ Франціи, большой знатокъ гуманныхъ идей и германскихъ заблужденій, онъ держался законной политики и вызвалъ взаимную симпатію, сблизившую Западъ съ Востокомъ. Такой возвышенный образъ мыслей встрѣтилъ во Франціи живой откликъ.

Это сближеніе Августѣйшій Сынъ Александра III преобразовалъ въ плодотворный Союзъ. Отстаивая честь попранныхъ правъ, Англія присоединилась къ намъ, а Японія тоже пожелала показать себя борцомъ за современную цивилизацію. Присоединившись къ этому крестовому походу въ защиту правды, героическая Бельгія принесла себя въ жертву, чтобы спасти союзниковъ и они должны отомстить и отомстятъ врагу за это благородное самопожертвованіе.

lèges. Cet acte non achevé, le drame de 1914—1915 a déjà prouvé à quel degré de décadence morale et de retour à la sauvagerie l'Allemagne prussifiée est descendue.

Pour bien saisir cette défiguration de l'Allemagne subjugée par la Prusse, il ne s'agit pas de défendre individuellement les différentes puissances qui formaient la confédération de l'Allemagne du Nord formée en 1867 de 21 Etats qui déjà ne conservaient qu'une apparence d'autonomie mais dont la réalité du pouvoir appartenait à la Prusse. Des lors ces Etats perdirent leurs caractères, leurs tendances individuelles abandonnant leur destinée à des mains peu sûres. Après les évenements de la guerre de 1870, à la constitution de la confédération de l'Allemagne du Nord, la Prusse fît succéder le 1-r Avril 1871, la constitution de l'Empire Allemand qui lui assurait le gouvernement de l'Allemagne tout entière.

Maintenant il faut démontrer que 1914 est un centenaire et comme une préface à l'action constante qui, après les phases de 1867 et de 1871, a conduit au bouleversement actuel. C'est en 1814 que s'affirme devant l'Europe la volonté prussienne de s'imposer au reste de l'Allemagne pour se l'assimiler, lui imposer sa „Kultur“ et étouffer toute indépendance.

Pour bien saisir l'omnipotence du militarisme prussien, devenu le militarisme allemand, il faut connaître son processus et c'est sur ce point que je désire insister. De 1808 à 1814 les universités allemandes rompirent avec la culture françaises pour préconiser une „Kultur“ uniquement germanique.

En 1814 un correspondant de Vienne écrivait à Madame de Staël: „On entrevoit bien des choses à craindre et l'on apprend à se consoler d'être français en tremblant pour les Allemands.“ Evidemment ce correspondant craignait pour l'Allemagne la domination de la Prusse. Il ajoute: „ce qui me paraît plus rassurant, c'est la division de l'Allemagne en petits Etats qui peuvent rompre l'unanimité révolutionnaire et surtout le caractère du peuple qui paraît ami de l'ordre et de la tranquilité. Cependant ce peuple peut devenir terrible: il est moins facile à agiter que le nôtre; mais aussi est-il moins facile à calmer.[1])“ La révolution en question s'est l'unification de l'Allemagne par la Prusse; la sauvegarde de l'Allemagne s'est sa division en petits Etats.

[1]) A. Chuquet. L'année 1814, p. 463.

Для Европы союзъ является оплотомъ противъ катастрофы, грозящей ей гибельнымъ разрушеніемъ. Потрясенный міръ ждетъ развязки этихъ ужасныхъ сценъ, когда опустошенія во время боя сопровождаются убійствомъ невинныхъ жертвъ и освѣщаются заревомъ кощунственныхъ пожаровъ. Послѣднее дѣйствіе еще не кончено, а драма 1914—1915 гг. уже показала, до какой степени нравственнаго паденія и возврата къ дикости дошла пруссификованная Германія.

Чтобы какъ слѣдуетъ усвоить себѣ измѣненіе, происшедшее въ Германіи подъ давленіемъ Пруссіи, недостаточно знать, что нужно охранять отдѣльно каждое изъ 21-го государства, образовавшихъ союзъ въ 1867 году. Они сохранили лишь внѣшніе признаки самоуправленія, а на самомъ дѣлѣ власть надъ ними принадлежала Пруссіи. Съ тѣхъ поръ эти государства утратили свой характеръ, свои особыя свойства, и отдали свою судьбу въ ненадежныя руки. Послѣ военныхъ событій 1870 года, когда былъ учрежденъ сѣверо-германскій союзъ, 1-го Апрѣля 1871 года Прусія явилась наслѣдницей вновь образованной Германской Имперіи, давшей ей власть надъ всей Германіей.

Теперь слѣдуетъ указать, что 1914 годъ является годовщиной, и какъ на предисловіе къ создавшемуся положенію укажемъ на перемѣны 1867 и 1871 гг., которыя и повели къ теперешнему потрясенію. Именно въ 1814 году въ Европѣ утвердилась прусская власть, взявшая на себя первую роль, чтобы подчинить себѣ всю остальную Германію, предписать ей свою „Kultur“ и задушить всякую независимость.

Чтобы усвоить себѣ всемогущество прусскаго милитаризма, ставшаго германскимъ милитаризмомъ, нужно знать, какъ онъ сложился, и я хочу остановиться именно на этомъ вопросѣ. Съ 1808 до 1814 г. нѣмецкіе университеты порвали всякую связь съ французской культурой для того, чтобы провозгласить исключительно германскую „Kultur“.

Въ 1814 году одно лицо пишетъ изъ Вѣны къ Г-жѣ де Сталь: „Въ будущемъ можно многаго опасаться, но можно успокоиться, чувствуя себя Французомъ и трепетать за Нѣмцевъ“. Очевидно это лицо боялось за Германію, имѣя въ виду господство Пруссіи. Оно прибавляетъ: „что меня утѣшаетъ, такъ это раздѣленіе Германіи на мелкія государства, которыя сумѣютъ сломить революціонное единогласіе, а особенно характеръ народа, повидимому любящаго порядокъ и спокойствіе. Но все таки этотъ народъ можетъ сдѣлаться страшнымъ: его нельзя такъ легко взволновать, какъ нашъ, но зато его нельзя такъ скоро успокоить“. [1]) Революція, о которой идетъ рѣчь, есть объеди-

[1]) А. Шюкэ. 1814 годъ. Стр. 463.

Le danger prussien apparaît avec une admirable clareté dans les instructions que Louis XVIII remit à Talleyrand pour les Ambassadeurs du Roi au Congrès de Vienne. Elles sont très suggestives et pleines de prévoyance. En voici un passage: „En Italie, c'est l'Autriche qu'il faut empêcher de dominer; en Allemagne, c'est la Prusse. La construction physique de sa monarchie lui fait de l'ambition une sorte de nécessité. Tout prétexte lui est bon. Nul scrupule ne l'arrête. La convenance est son droit. C'est ainsi que dans un cours de soixante trois années, elle a porté sa population de moins de quatre millions de sujets à dix millions, et qu'elle est parvenue à se former, si l'on peut ainsi parler un cadre de monarchie immense, acquérant çà et là, des territoires épars, qu'elle tend à réunir en s'incorporant ceux qui les séparent. La chute terrible que lui a attirée son ambition ne l'en a pas corrigée. En ce moment, ses émissaires et ses partisans agitent l'Allemagne, lui peignant la France comme prête à l'envahir encore, la Prusse comme seule en état de la défendre et demandant qu'on la lui livre pour la préserver. Elle aurait voulu avoir la Belgique. Elle veut avoir tout ce qui est entre les frontières actuelles de la France, la Meuse et le Rhin. Elle veut de Luxembourg. Tout est perdu si Mayence ne lui est pas donné. Elle ne peut avoir de sécurité si elle ne possède pas la Saxe. Les alliés ont, dit-on, pris l'arrangement de la replacer dans le même état de puissance où elle était avant sa chûte, c'est à dire avec dix millions de sujets. Qu'on la laissat faire, bientôt elle en aurait vingt et l'Allemagne tout entière lui serait soumise. Il est donc nécessaire de mettre un frein à son ambition, en restreignant d'abord, autant qu'il est possible, son état de possession en Allemagne, et ensuite en restreignant son influence par l'organisation fédérale.“ [1])

Les visées de la Prusse sont démasquées dans ce factum de 1814 et c'est en 1914 que le Roi de Prusse, Empereur d'Allemagne, tente le couronnement des projets ambicieux ci dessus énoncés.

Les ambassadeurs de Louis XVIII au Congrès de Vienne adressèrent au Ministre des Affaires Etrangères à Paris un aperçu fort instructif qui indique ce qu'était la caste militaire de Prusse en 1814.

„Il y a une autre considération qui nous détermine à engager le Roi à refuser sa sanction et à faire offrir des secours efficaces pour empêcher l'anéantissement de la maison de Saxe et la réunion de ce pays à la Prusse. Cette considération est puisée dans l'esprit révolution-

[1]) Mémoires du Prince de Talleyrand., II., p. 243.

неніе Германіи подъ властью Пруссіи; спасеніе Германіи—это раздѣлъ ея на мелкія государства.

Прусская опасность съ поразительной ясностью выступаетъ въ указахъ Людовика XVIII, переданныхъ Талейрану для представителей короля на вѣнскомъ конгрессѣ. Они очень поучительны и полны предусмотрительности. Вотъ одинъ отрывокъ: „въ Италіи нужно препятствовать господству Австріи; въ Германіи Пруссіи. По внѣшнему устройству этой державы властолюбіе является для нея своего рода необходимостью. Ей годится всякая отговорка. Ее не остановитъ никакое сомнѣніе. Выгода ея право. Такимъ образомъ въ теченіе 63 лѣтъ она увеличила свое населеніе меньше чѣмъ съ 4 милліоновъ до 10 милліоновъ подданныхъ, и ей удалось составить, если можно такъ выразиться, планъ обширной монархіи, то тамъ, то здѣсь пріобрѣтающей разрозненныя территоріи, которыя она стремится объединить, присоединяя къ себѣ раздѣляющія ихъ области. Ужасное крушеніе, къ которому привело ее такое властолюбіе, не исправило ее. Въ настоящую минуту ея развѣдчики и добровольцы возбуждаютъ Германію, изображая Францію почти завоеванной, а Пруссію ея единственной защитницей, и просятъ отдать Францію въ руки Пруссіи для ея же спасенія. Ей хотѣлось завладѣть Бельгіей. Она хочетъ имѣть все, заключающееся между теперешними границами Франціи, Маасомъ и Рейномъ. Она хочетъ имѣть Люксембургъ. Все будетъ потеряно, если ей не дадутъ Майнца. Она не успокоится, если не будетъ владѣть Саксоніей. Говорятъ, союзники рѣшили вернуть ее къ той самой власти, которая у нея была до ея паденія, а именно—къ десяти милліонамъ подданныхъ. Пусть ее предоставятъ самой себѣ, и скоро ихъ будетъ двадцать и вся Германія ей подчинится. Значитъ, прежде всего нужно обуздать ея властолюбіе, на сколько возможно сокративши ея владычество въ Германіи, а затѣмъ ограничивъ ея вліяніе посредствомъ союзныхъ организацій“ [1]).

Намѣренія Пруссіи были разоблачены событіями 1814 г., а въ 1914 г. король Пруссіи, императоръ германскій пытается увѣнчать успѣхомъ вышеупомянутые честолюбивые замыслы.

На вѣнскомъ конгрессѣ представители Людовика XVIII представили министру иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ очень поучительный обзоръ, показывающій, чѣмъ была военная каста въ 1814 году.

„Мы по другому соображенію рѣшаемся предложить королю отказаться отъ своего согласія и предложить дѣйствительную помощь для того, чтобы помѣшать уничтоженію саксонскаго дома и присоеди-

[1]) Мемуары кн. Талейрана, II, стр. 243.

naire que nous observons en Allemagne et qui porte un caractère tout particulier. Ici ce n'est point la lutte du tiers état avec les classes privilégiées, qui fait naître la fermentation. Ce sont les prétentions de l'amour-propre d'une noblesse militaire et autrefois indépendante, qui, préparant le foyer et les éléments d'une révolution, préférait obtenir une existence dans un grand Etat et ne pas appartenir à des pays morcelés et à des souverains qu'elle regarde comme des égaux. A la tête de ce parti se trouvent tous les princes et nobles médiatisés; ils cherchent à fondre l'Allemagne en une seule monarchie, pour y entrer dans le rôle d'une grande représentation aristocratique. La Prusse qui a fort habilement flatté tout ce parti, l'a rattaché à son char, en lui faisant espérer une partie des anciens privilèges dont il jouissait. On peut donc être persuadé que si la Prusse parvenait à réunir la Saxe et à s'approprier de côté et d'autre des territoires isolés, elle formerait, en peu d'années, une monarchie militaire fort dangereuse pour ses voisins; et rien, dans cette supposition, ne la servirait mieux que ce grand nombre de têtes exaltées qui, sous le prétexte de chercher une patrie, la créeraient par les plus funestes bouleversements. Il est du plus grand intérêt d'empêcher ces projets et de seconder l'Autriche pour pouvoir s'y opposer avec succès. Cette détermination de la part du Roi aidera encore à faire rompre à l'Autriche, à la Bavière, les liens qui les tiennent attachées à la coalition, et cette considération est bien importante dans la situation actuelle de la France.“ [1])

En méditant aujourd'hui ces lignes qui datent de cent ans, on éprouve le sentiment que le danger se montrait dès lors sans dissimulation et dans toute son étendue. Maintenant la Prusse a formé cette monarchie militaire dangereuse pour ses voisins et le grand nombre de têtes exaltées existe toujours, mais avec des ambitions agrandies. Jadis les Teutons pronostiquaient ce que Bülow affirmait récemment à savoir: „La Prusse est le soubassement de l'Empire allemand... elle est l'Etat national allemand.“

L' Europe a laissé en 1870 et depuis se parachever l'oeuvre qu'elle est obligée de combattre actuellement. L'Europe entière était sournoisement soumise à une infiltration méthodiqne d'éléments dissimulés sous toutes les formes de l'espionage. Cette oeuvre c'est le règne absolu de la force brutale armée contre le droit et la civilisation. Pour cela, tout est mis au service d'une ambition démesurée ayant atteint un tel degré que dans ses manifestations, elle dégénère en folie.

[1]) Mémoires du Prince de Talleyrand, II. p. 360.

ненію къ Пруссіи этой страны. Это соображеніе основывается на революціонномъ духѣ, наблюдаемомъ нами въ Германіи и носящемъ совершенно своеобразный характеръ. Здѣсь броженіе порождаетъ вовсе не борьба третьяго сословія съ привиллегированными классами. Это честолюбивые замыслы когда то независимой, военной аристократіи, которая, готовя очаги и элементы революціи, предпочла бы существованіе въ великомъ государствѣ жизни въ разрозненной странѣ государей, которыхъ она считаетъ себѣ равными. Во главѣ этой партіи стоятъ всѣ принцы и присоединившаяся къ государству знать; они стараются сковать Германію въ единую монархію, чтобы играть въ ней роль великихъ представителей аристократіи. Пруссія, сумѣвшая ловко льстить всей этой партіи, привлекла ее къ своей побѣдной колесницѣ, давъ ей возможность надѣяться на возстановленіе старинныхъ привиллегій, которыми она когда то пользовалась. Значитъ можно быть увѣреннымъ въ томъ, что если бы Пруссіи удалось присоединить Саксонію и съ двухъ сторонъ овладѣть разрозненными территоріями, она въ нѣсколько лѣтъ образовала бы очень опасную для сосѣдей военную монархію; а допуская это, ничто не могло бы лучше служить ей, какъ такое большое количество горячихъ головъ, которыя, подъ предлогомъ поисковъ родины, путемъ самыхъ печальныхъ переворотовъ создали бы эту монархію. Поэтому представляется большой интересъ въ томъ, чтобы разрушить эти планы и помочь Австріи, чтобы имѣть возможность успѣшно бороться съ нею. Такое рѣшеніе короля еще разъ поможетъ Австріи и Баваріи порвать узы, соединяющія ихъ съ коалиціей, и это рѣшеніе очень важно при современномъ положеніи Франціи“.[1])

Въ наши дни, размышляя объ этихъ строкахъ, которымъ исполнилось ровно сто лѣтъ, чувствуешь, что и тогда мерещилась опасность, непритворная и въ полномъ своемъ объемѣ. Теперь Пруссія основала опасную для сосѣдей военную монархію, а большое количество горячихъ головъ существуетъ и теперь, но съ повышеннымъ честолюбіемъ. Когда то тевтоны предрекли то, что недавно утверждалъ Бюловъ, а именно: „Пруссія есть фундаментъ германской имперіи.... она есть національное нѣмецкое государство.“

Въ 1870 г. у Европы осталась задача, которую она обязана завершить и за которую борется въ настоящее время. Вся Европа была втайнѣ подчинена послѣдовательной инфильтраціи элементовъ, скрытыхъ подъ всѣми видами шпіонства. Эта задача есть безграничная власть вооруженной грубой силы надъ правомъ и цивилизаціей. По-

[1] Мемуары кн. Талейрана, II, стр. 360.

Cet état moral a été très bien défini par M. André Beaunier:[1]) „Eh! bien, tandis qu' Ostwald et Lasson proclament éperdument la sur-humanité germanique et se démênent au service d'une sauvage absurdité, nos philosophes examinent très posément ce cas d'aliénation mentale, cet accident psychologique et historique: un peuple entier, depuis son empereur jusqu'au dernier de ses négociants, pris de déraison et qui devient le fléau du genre humain tant qu'on ne l'a pas maîtrisé."

Comme l'a si bien exprimé M. Charles Benoist, membre de l'Institut et député de Paris, il y a un lien intime entre le cerveau qui dicte et la main qui agit sous son impulsion, l'un et l'autre obéissant à un fanatisme malfaisant. Les intellectuels d'outre Rhin, dit-il, ne se trompent pas et ne trompent plus personne quand ils racrochent la Kultur allemande au militarisme allemand et l'identifient avec lui."[2])

La Kultur allemande est la docile servante, l'humble esclave du militarisme allemand qui, dès le temps de paix ou dès le premier jour de la guerre, pour le succès de ses plans, mobilise tout, ses espions comme ses cuistres. Ceux-ci entrent dans nos académies comme ceux la dans nos cuisines, obséquieux et l'échine pliée.

Il faut ajouter que cette „Kultur" allemande a été prussifiée; elle fait corps avec le militarisme allemand prussifié; elle a obéi parceque le roi de Prusse, Empereur d'Allemagne, le désirait, son ami Harnack le demandait, l'Etat major l'exigeait et si pour tous Guillaume II est le maître, pour tel ou tel, il est, de plus, le bienfaiteur.

Après avoir crée l'hégémonie de l'Allemagne, celle-ci voudrait organiser l'Europe, c'est M. Ostwald qui le déclare. Comme l'Europe rétrograde, selon lui, n'entend pas se laisser organiser par elle, l'Allemagne est bien obligée de lui imposer l'organisation par la force et c'est pour cela qu'elle a crée de toutes pièces son colossal militarisme que M. Ostwald, ce soi disant pacifiste, ne désavoue pas, bien au contraire, puisqu'il le proclame l'instrument nécessaire pour atteindre le but visé par sa patrie.

Nous savons par les derniers mois de guerre ce que cache ce mot: organiser. Nous connaissons les actions criminelles multipliées par les armées allemandes et nous connaissons par les cerveaux allemands la pensée, l'idéologie allemande.

---

[1]) Nos intellectuel et les leurs. Figaro. 14 Déc. 1914.

[2]) Charles Benoist. 93 intellectuels d'Outre-Rhin. (Echo de Paris).

этому все должно служить безграничному властолюбію, достигшему такой степени развитія, что въ томъ, какъ она проявляется, она вырождается уже въ безуміе.

Это нравственное состояніе очень хорошо опредѣлилъ Андрэ Бонье: [1]) „Такъ вотъ, когда Оствальдъ и Лассонъ страстно проповѣдуютъ сверхъ-человѣчность германизма и посвящаютъ себя служенію дикому безсмыслію, наши философы степенно изучаютъ этотъ случай умоизступленія, этотъ историко-психологическій случай; цѣлый народъ, начиная съ императора и кончая послѣднимъ торговцемъ, впадаетъ въ безуміе и становится бичемъ рода человѣческаго до тѣхъ поръ, пока не удастся его побѣдить.“

По удачному опредѣленію Шарля Бенуа, члена института и депутата Парижа, существуетъ тѣснѣйшая связь между мозгомъ, направляющимъ руку и исполняющею его приказанія рукою, когда и тотъ, и другая дѣйствуютъ подъ вліяніемъ зловреднаго фанатизма. Онъ говоритъ, что „находящіеся по ту сторону Рейна интеллигенты не обманываются и никого больше не обманутъ, когда пристегиваютъ нѣмецкую Kultur къ нѣмецкому милитаризму и отождествляютъ ихъ.“ [2])

Нѣмецкая Kultur—это скромная служанка, покорная раба нѣмецкаго милитаризма, она какъ въ мирное время, такъ и въ первые же дни войны для успѣшнаго выполненія своихъ плановъ мобилизуетъ все, начиная со шпіоновъ и кончая училищными сторожами. Рабски-почтительно сгибая спины, первые проникаютъ въ наши академіи, а послѣдніе—въ наши кухни.

Нужно прибавить, что эта нѣмецкая „Kultur“ была пруссифицирована; она срослась съ прусифицированнымъ нѣмецкимъ милитаризмомъ; она подчинялась, потому что этого хотѣлъ прусскій король, императоръ Германіи, потому что объ этомъ просилъ другъ его, Гарнакъ, а генеральный штабъ требовалъ этого, и если для всѣхъ Вильгельмъ II есть государь, то для иныхъ онъ, кромѣ того, еще и благодѣтель.

Германія, создавшая эту гегемонію, захотѣла перестроить Европу, а Оствальдъ заявилъ объ этомъ открыто. Такъ какъ, по его мнѣнію, отсталая Европа сама не допускаетъ этого переустройства, Германія вынуждена силой заставить ее принять это его переустройство, и для этого то она и создала изъ отдѣльныхъ своихъ государствъ тотъ чудовищный милитаризмъ, котораго не отрицаетъ и Оствальдъ, этотъ мнимый пасифистъ; онъ, наоборотъ, открыто считаетъ милита-

---

[1]) Наши и ихъ интеллигенты, Фигаро, 14 Дек. 1914.

[2]) Ш. Бенуа. 93 интеллигента изъ-за Рейна (Echo de Paris).

Ces intellectuels ont déchaîné les atrocités de la présente guerre; ils ont empoisonné l'esprit public allemand. Cette théorie que „la force crée le droit" est le produit de l'enseignement des universités allemandes comme la théorie du „droit de nécessité" d'où découle cette odieuse maxime „que la guerre ne saurait être conduite d'une manière contraire à ses fins."

Le docteur Eliot, l'éminent président honoraire de l'université Harvard, a fort bien fait ressortir dans le „New-York Times" que pendant quarante ans les directeurs de l'éducation allemande ont mis en valeur cette idée que la force était la source de toute grandeur personnelle et nationale. L'objet de l'adoration de l'Allemagne devint: la force, le courage, l'énergie; que les faibles périssent, que les doux et les humbles s'inclinent devant les forts et les orgueilleux. Le monde est toujours avec le plus fort; le plus fort doit être le maître.

A la religion de la force tout allemand doit une obéissance absolue et le sacrifice de sa liberté individuelle. L'allemand moderne est toujours controlé, dirigé, commandé et aspire à son tour à commander et à discipliner ceux qui sont plus faibles que lui.

Et le D-r Eliot termine en estimant que toutes les nations doivent souhaiter la défaite de l'Allemagne en lui enlevant le désir de dominer le monde.

De cette collaboration de la caste militaire et de la caste enseignante est né l'état moral de nos ennemis. Les générations actuelles ont été formées dans cet esprit. En somme, un bienêtre matériel, protégé par une force armée puissante, semblait caractériser la situation de l'Allemagne qui avait étendu partout son activité dévorante. Etant donné cette prépondérance commerciale et industrielle, nous nous demandions qu'elle était la signification de la guerre actuelle. M. Henri Bergson dans la séance publique de l'Académie des sciences morales, a magnifiquement dépeint cette signification. Dans un magistral exposé, il montre ce qui s'est passé depuis un demi siècle au de là du Rhin et il constate que „le jour où le militarisme prussien devenu militarisme allemand fût allé rejoindre l'industrialisme, c'étaient l'industrie et le commerce de l'ennemi, sources de sa richesse, que la guerre devait viser en même temps que sa puissance militaire." Et le philosophe d'ajouter: nous avons sous les yeux une barbarie scientifique et une barbarie systématique qui s'est renforcée en captant les forces de la civilisation.

ризмъ необходимымъ орудіемъ для достиженія цѣлей, намѣченныхъ родиной.

Въ послѣдніе мѣсяцы войны мы поняли, что скрывается подъ словомъ „переустроить“; мы знаемъ множество преступленій, совершенныхъ германскими полчищами и знаемъ нѣмецкій образъ мыслей, нѣмецкую идеологію.

Эти-то интеллигенты и выпустили на свободу всѣ дикости теперешней войны; они отравили нѣмецкое общественное мнѣніе. Теорія, по которой „сила создаетъ право“, возникла, какъ послѣдствіе преподаванія въ нѣмецкихъ университетахъ, вмѣстѣ съ теоріей „права необходимости“, изъ которой вытекаетъ ужасающее правило: „что война не можетъ быть ведена способами, противорѣчащими ея цѣлямъ.“

Въ „New-Iork Times' ѣ“ докторъ Эліотъ, знаменитый почетный предсѣдатель Гарвардскаго университета, очень хорошо опредѣлилъ, что руководители нѣмецкаго воспитанія въ теченіи сорока лѣтъ больше всего настаивали на той мысли, что сила является источникомъ всякаго личнаго и національнаго величія. Въ Германіи сила, храбрость, энергія становятся предметами поклоненія; пусть слабые погибнутъ, пусть нѣжные и кроткіе преклонятся передъ сильными и гордыми. Жизнь остается за сильнѣйшими, господствовать долженъ сильнѣйшій.

Этой то религіи силы каждый нѣмецъ долженъ нести полное послушаніе и жертвовать ей свою личную свободу. Современнаго нѣмца всегда провѣряютъ, направляютъ, имъ руководятъ и требуютъ, чтобы и онъ въ свою очередь направлялъ и подчинялъ тѣхъ, кто слабѣе его.

Д-ръ Эліотъ кончаетъ, предполагая, что всѣ народности должны желать пораженія Германіи, отнявъ у нея желаніе властвовать надъ міромъ.

Отъ такой совмѣстной работы военнаго класса и класса преподавателей и сложился нравственный обликъ нашихъ враговъ. Современныя поколѣнія развились въ этомъ направленіи. Въ итогѣ отличительной чертой современнаго положенія Германіи, повсюду распространившей свою всепоглащающую дѣятельность, является матеріальное благосостояніе, защищаемое могущественной вооруженной силой. Указавъ на это торговое и промышленное преимущество, спрашивается, каково же значеніе современной войны. На публичномъ засѣданіи Академіи нравственныхъ наукъ Анри Бергсонъ великолѣпно опредѣлилъ это значеніе. Въ своемъ поучительномъ сообщеніи, дѣлая обзоръ того, что произошло по ту сторону Рейна за послѣдніе полстолѣтія, онъ указываетъ, что „въ тотъ день, когда прусскій милитаризмъ, ставшій милитаризмомъ германскимъ, заключилъ союзъ съ торговлей и промышленностью врага, этими источниками его богатства, вотъ что

Puis il pose cette question: Que serait une humanité où la force brutale tiendrait lieu de force morale? Et il y répond.

„Pour tenterl'expérience, il y avait un peuple prédestiné. La Prusse avait été militarisée par ses Rois: l'Allemagne avait été militarisée par la Prusse: une nation puissante était là, marchant à la mécanique. Mécanisme administratif et mécanisme militaire n'attendaint que l'application du mécanisme industriel pour se combiner avec lui. La combinaison une fois faite, une machine formidable se dresserait. Elle n'aurait qu'à se déclencher pour entraîner les autres peuples à la suite de l'Allemagne, assujettis au même mouvement, prisonniers du même mécanisme. Telle serait la signification de la guerre, le jour où l'Allemagne se déciderait à la déclarer."

„Elle s'y décida; mais le résultat fut bien différent de ce qui avait été prévu. Car les forces morales qu'il s'agissait de soumettre aux puissances les plus voisines de la matière se révélèrent subitement créatrices de force matérielle. Une simple idée, la conception heroïque qu'un petit peuple s'était faite de l'honneur, lui permettait de tenir tête à un puissant empire. Au cri de la justice outragée, on vit sortir de terre, dans un pays qui s'était reposé sur sa flotte, un million, deux millions de soldats. Miracle plus grand encore: dans une nation qui s'était crue mortellement divisée avec elle-même, du jour au lendemain tous étaient redevenus frères."[1])

L'Allemagne prussifiée s'est trompée. Elle a rêvé pour l'Europe une ère de despotisme sous sa férule et l'Europe lutte pour son salut.

L'Allemagne moderne pour les Anglais, pour les Russes, pour les Italiens, pour les Américains, pour nous, était, á cette date de 1914, une nation laborieuse et lourde, dissiplinée et grossière que des hasards heureux, merveilleusement utilisés par un homme de génie, avaient conduite à une hégémonie toute guerrière. Il y a eu de grands écrivains, de grands artistes, des penseurs de premier ordre outre-Rhin avant l'Empire. Mais de son triomphe, l'Allemagne n'a tiré que des résultats d'ordre matériel. M. Paul Bourget, après avoir montré cette décadence morale des Allemands d'aujourd'hui, ajoute: „quel étonnement quand nous avons découvert l'étrange arrogance dans la quelle vivaient ces demi-barbares et qu'ils prenaient leur vigoureuse mais brutale puissance

[1]) Le Figaro du 13 Décembre 1914.

стало цѣлью войны наравнѣ съ военнымъ ея могуществомъ." И философъ прибавляетъ: „на нашихъ глазахъ происходитъ научное варварство, варварство планомѣрное, достигшее большого развитія, поглотивъ всѣ культурныя силы."

Затѣмъ онъ ставитъ такой вопросъ: Что будетъ съ человѣчествомъ, если грубая сила займетъ мѣсто силы нравственной? И отвѣчаетъ на вопросъ этотъ:

„Провѣрка этого опыта была предназначена одному народу. Пруссія была милитаризована королями: Германія была милитаризована Пруссіей: тамъ была сильная нація, дѣйствовавшая механически. Миханизмы—административный и военный ждали лишь примѣненія промышленнаго механизма для того, чтобы дѣйствовать согласованно. Разъ это сліяніе создалось, передъ нами воздвигалось значительное сооруженіе. Ему оставалось только открыть двери, чтобы увлечь вслѣдъ за Германіей другіе народы, подчиненные тому же движенію, находящіеся въ плѣну у того же самаго механизма. Таково будетъ значеніе войны въ тотъ день, когда Германія рѣшится ее объявить.

„На это она рѣшилась; но послѣдствія были совсѣмъ не такія, какъ она предполагала. Ибо внезапно возстали нравственныя силы, которыя требовалось подчинить матеріальной власти, и сами создали эту матеріальную силу. Простая мысль, героическое понятіе о чести у маленькаго народа, дала ему возможность сопротивляться могущественной имперіи. На призывъ оскорбленнаго правосудія въ странѣ, опирающейся на одинъ флотъ, словно изъ подъ земли выросъ милліонъ, два милліона солдатъ. Еще бо́льшее чудо: въ странѣ, гдѣ повидимому, всѣ навѣки отвернулись другъ отъ друга, въ одинъ день всѣ вновь стали братьями."[1])

Пруссификованная Германія ошиблась. Подъ своимъ началомъ она мечтала создать въ Европѣ эру деспотизма, но Европа борется за свое спасеніе.

Для Англичанъ, для Русскихъ, Итальянцевъ, Американцевъ, для насъ въ 1914 году современная Германія была націей трудолюбивой, но тяжелой, выдержанной и грубой; благодаря счастливымъ случайностямъ, которыми прекрасно воспользовался геніальный человѣкъ, она достигла чисто военнаго главенства. До имперіи по ту сторону Рейна были великіе писатели, великіе актеры, первоклассные мыслители. Но послѣ своихъ побѣдъ Германія дала результаты только матеріальнаго характера. Показавъ нравственное паденіе современныхъ нѣмцевъ, Поль Бурже прибавляетъ: „Какъ мы удивились, открывъ

[1]) Фигаро 13 Дек. 1914.

pour un type nouveau de civilisation!" Sa conclusion est telle: „Les Allemands ont rêvé une hégémonie non plus européenne mais mondiale. Il n'abdiqueront leur rêve que mâtés par une force qu'ils devront avouer supérieure."[1])

Pour lui imposer cette hégémonie mondiale les Allemands ont pensé que l'Europe courberait la tête et serait mâtée par leurs forces invincibles. Pour substituer leur Kultur à celles qui n'étaient pas la leur, ils ont détruit pour anéantir ce qui n'était pas d'eux; ils ont volé pour s'approprier et soumettre à leur bon vouloir ce qui, par la beauté de son origine étrangère à eux, ne devait subsister que comme conquêtes ou trophées.

Le cambriolage aves effraction, à main armée, a été l'accompagnement voulu des massacres et des incendies. Ici une satisfaction sadique de la bestialité; là une opération avantageuse au point de vue profit.

„Nous savons maintenant, dit M. Montorgueil,[2]) que cette armée allemande où rien n'est livré au hasard a tout organisé même la barbarie de la guerre: qu'elle est suivie de fourgons pour les cambriolages et d'équipes d'incendiaires; qu'elle a rétabli l'antique et cruelle loi des captifs; qu'elle méconnait le caractère sacré des blessés; qu'elle place devant le front de ses armées pour s'en couvrir devant le feu de l'ennemi, des femmes et des enfants. Et maintenant les Allemands ne nient plus, ils se glorifient de ce qui fait leur honte."

Les témoignages abondent de la volonté préventive des barbares d'imprimer à leur guerre un caractère conforme à leurs instincts.

M. S. Pichon[3]) l'affirme: „Ce qu'il y a de spécialement abominable dans ces manifestations de le barbarie germanique, c'est la préméditation et la méthode avec les quelles elles sont organisées. Elles ne surgissent pas de l'exaltation passagère de la bataille et de la surexitation des soldats dévoyés par la violence du combat, elles sont le produit d'un état d'âme, résultant d'un mot d'ordre, elles ont été soigneusement préparées, et pourvues des moyens d'action sans lesquels elles ne pourraient s'épanouir et se multiplier à ce degré.

---

[1]) Paul Bourget. Les leçons de la guerre. XVII. L'Erreur Allemande. (Echo de Paris).
[2]) L'Eclair du 14 Décembre 1914.
[3]) Les preuves de la préméditation (Petit Journal).

странную надменность, въ которой жили эти полудикари, считая свое сильное, но грубое государство за новый видъ цивилизаціи!“ Его выводъ таковъ: „Нѣмцы мечтали не о европейскомъ, а о всемірномъ владычествѣ. Они откажутся отъ своей мечты только склонившись передъ силой, которую должны будутъ признать высшей.“ [1])

Нѣмцы полагали, что по достиженіи этой всемірной гегемоніи Европа преклонится передъ ними и что они сокрушатъ ее своими непобѣдимыми силами. Чтобы насадить свою Kultur тамъ, гдѣ ее нѣтъ, они разрушили и уничтожили то, что имъ не принадлежало; для того, чтобы пріобрѣсти, они воровали то, что въ силу своей красоты, столь чуждой имъ, должно было существовать только какъ добыча или трофей.

Кража со взломомъ и съ оружіемъ въ рукахъ была желанной принадлежностью убійствъ и пожаровъ. Здѣсь—садическое удовлетвореніе животныхъ чувствъ; тамъ предпріятіе, удачное съ точки зрѣнія его выгодности.

„Теперь, говоритъ М. Монторгейль [2]), мы, знаемъ, что въ германской арміи, гдѣ ничто не предоставляется случайности, создались всѣ жестокости войны; что за нею ѣдутъ фургоны для награбленнаго и всѣ приспособленія для поджоговъ; что она возродила древніе жестокіе законы для плѣнныхъ; что она отрицаетъ священныя права раненыхъ; что для прикрытія отъ непріятельскаго огня она ставитъ на фронтѣ своихъ армій женщинъ и дѣтей. И теперь нѣмцы ужъ не возмущаются, они гордятся тѣмъ, что составляетъ ихъ позоръ.“

Есть безчисленныя доказательства того, что варвары умышленно придаютъ этой войнѣ характеръ, свойственный ихъ природнымъ задаткамъ.

С. Пишонъ [3]) утверждаетъ: „Что особенно ужасно въ проявленіяхъ германскаго верварства, такъ это та обдуманность и стройность, съ которыми оно проводится въ жизнь. Оно не возникаетъ подъ вліяніемъ вызваннаго битвой мимолетнаго возбужденія или чрезмѣрнаго напряженія силъ солдатъ, отдавшихся насилію сраженія, нѣтъ, оно является продуктомъ душевнаго состоянія, вызваннаго приказомъ, оно тщательно подготовлено, иначе такой образъ дѣйствій никогда не могъ бы развиться и умножиться до такой степени.

---

[1]) П. Бурже. Уроки войны. XVIII. Ошибка Германіи. (Echo de Paris).

[2]) L'Eclaire, 14 Дек. 1914.

[3]) Доказательства преднамѣренности. (Petit journal).

„On sait que les soldats allemands sont porteurs de tous les instruments de destruction nécessaires pour exécuter leur oeuvre de dévastation et de carnage: récipients de pétrole, bombes incendiaires, etc... On sait que toutes les mesures ont été prises par les officiers qui les commandent et les autorités qui les gouvernent pour assurer le pillage systématique des habitations privées, des magasins, des usines, et le transport en Allemagne des objets volés."

Rien n'ayant été fait dans cette guerre sans ordre de la volonté suprême de Guillaume II, il demeure le grand inspirateur de tous ces actes criminels en général et des pillages en particulier. Sa famille s'est distinguée dans cet ordre d'idées. Des Princes pillards au XX-e siècle! Quel anachronisme! Tel est le résultat de la prussification. Que cette famille impériale des Hohenzolern, qui s'est appropriée militairement le bien d'autrui, méconnaissant les droits de la propriété et les lois de la guerre, abandonne sa devise: suum cuique—„à chacun son bien." Quand on fait mentir sa devise, on n'en est plus digne. Des richesses d'art ont été pillées en Belgique, en Pologne, en France et tous ceux qui en ont été dépouillés crient aux spoliateurs: suum cuique!

Aux yeux de l'Univers: Belges, Anglais, Français, Russes et Serbes étroitement unis contre le militarisme allemand prussifié, représentent *la conscience de l'humanité*, selon l'expression éloquente de l'Académicien Emile Faguet. [1])

Nous vivons de l'adhésion des consciences humaines et de l'espérance dont le rayonnement, comme une couronne triomphale, brille au front de chacun des champions de la civilisation et du droit.

Baron de Baye.

[1]) Honnêtes gens par Emile Faguet.—Le Gaulois du 27 Décembre 1914.

„Извѣстно, что у всѣхъ нѣмецкихъ солдатъ есть всѣ необходимыя орудія для разрушенія и грабежа: сосуды съ керосиномъ, бомбы для поджога и т. д.... Извѣстно, что отдающими приказанія офицерами и ихъ высшими начальниками были приняты всѣ мѣры для того, чтобы обезпечить планомѣрный грабежъ частныхъ жилищъ, магазиновъ, фабрикъ и переправлять въ Германію награбленныя вещи.“

Въ этой войнѣ ничто не было сдѣлано безъ приказа отъ высшей власти—Вильгельма II, онъ остается великимъ руководителемъ всѣхъ этихъ преступныхъ дѣлъ вообще, а въ частности—грабежей. Его семья отличилась въ этомъ направленіи. Въ XX вѣкѣ—принцы-грабители! Какой анахронизмъ! Таковы послѣдствія пруссификаціи. Пусть императорская фамилія Гогенцоллерновъ, военнымъ путемъ присвоившая себѣ чужое добро, поправшая законы собственности и правила войны, откажется отъ своего девиза: suum cuique—„каждому свое.“ Когда девизъ становится лживымъ, люди ужъ не достойны носить его. Сокровища искусствъ были награблены въ Бельгіи, въ Польшѣ, во Франціи, и всѣ ограбленные взываютъ къ грабителямъ: suum cuique!

На глазахъ всей Вселенной Бельгійцы, Англичане, Французы Русскіе и Сербы, въ тѣсномъ союзѣ противъ германскаго пруссифицированнаго милитаризма, представляютъ изъ себя, по краснорѣчивому опредѣленію академика Эмиля Фугэ, *человѣческую совѣсть*.[1])

Мы живемъ, не отступая отъ человѣческой совѣсти, и надежда, какъ побѣдный вѣнецъ, блеститъ на челѣ у каждаго борца за цивилизацію и право.

Баронъ де Бай.

[1]) Честные люди, Эмиля Фугэ—Le Gaulois 27 Декабря 1914.

Рескриптъ о сохраненіи персидскаго нейтралитета въ войнѣ съ Турціей, 1769 года*)

Секретно.

Божіею милостію Мы, Екатерина вторая, імператрица и Самодержица Всероссійская, и проч., и проч., и прочая.

Нашему астраханскому губернатору генералъ-маіору Бекетову.

Обстоятельство войны настоящей между нашею Имперіею и Портою Отоманскою производитъ нужду мыслить, чтобы Турки не предуспѣли какихъ либо предосудительныхъ видовъ произвесть буде не въ разсужденіи цѣлой Персіи, по крайней мѣрѣ, въ разсужденіи живущихъ при Турецкихъ или при здѣшнихъ границахъ, сего государства подданныхъ.

Персія сама по себѣ терзаема своевольствами, обыкновеннымъ безъ начальства слѣдствіемъ, кажется, неудобна къ важнымъ предпріятіямъ.

Изъ полученнаго въ нашей Коллегіи иностранныхъ дѣлъ отъ находящагося въ Зинзилинскомъ Каспійскаго моря портѣ консула

*) Не смотря на вѣроисповѣдныя столкновенія и вѣковую вражду Персіи съ Турціей, камнемъ преткновенія которой служили расположенныя между ними страны Арменіи, Грузіи и Имеретіи, — Османское правительство при всѣхъ своихъ воинственныхъ съ Россіей дѣйствіяхъ обращало взоры на сосѣднихъ Персовъ и путемъ подговоровъ посылаемыхъ туда агентовъ (какъ это дѣлаетъ она и въ нынѣшнюю войну) старалось настроить ихъ враждебно противъ Русскихъ, хотя попытки эти не всегда удавались. Впервые такія дѣйствія были обнаружены въ первую Екатерининскихъ временъ войну съ Турціей, что и вызвало посылку настоящаго рескрипта, отысканнаго въ дѣлахъ Астрах. губ. архива. — П. Ю.

Боголюбова, отъ 15-го Октября прошлаго года, доношенія видно, что нынѣшней Персидской такъ называемой верховной повелитель, или Векиль-Керимъ-Ханъ, довольно упражненъ быть можетъ и дома усмиреніемъ мятежниковъ.

Между тѣмъ и самое положеніе границъ нашихъ съ Персіею непреодоленныя полагаетъ препятствія въ произведеніи съ персидской стороны войны формальной: отъ Кизляра до Царицынской линіи простирается пустыня, по Волгѣ селеній очень немного, но всѣ по большей части укрѣпленныя, отъ завладѣнія которыми, причитая къ тому и Кизляръ съ Гребенскими городками, никакого пріобрѣтенія для Персіянъ быть не можетъ, но удержаніе которыхъ и черезъ короткое время трудно. Астрахань—одинъ въ сей сторонѣ городъ, отъ котораго пожитку имѣть было бъ можно въ разсужденіи тамошняго купечества, окружены водою въ лѣтнее время, когда осаду производить надлежало бъ и персіяне не имѣютъ такихъ судовъ, чтобъ, не смотря на сопротивленіе войти въ устье Волское.

Но какъ неустройство Персіи дѣлаетъ сообщеніе ея съ Портою, при нынѣшней нашей войнѣ, не только невѣроятнымъ, но и невозможнымъ, а предворительное удостовѣреніе о худыхъ успѣхахъ и въ всякое время для персидскаго владѣтеля, каковъ бы онъ беспокоенъ и предпріимчивъ ни былъ и сколько бы въ произведеніи внѣшней войны собственной своей пользы и безопасности ни находилъ,—великимъ предудержаніемъ вступать съ нами въ разрывъ и по причинамъ, составляющимся изъ взаимныхъ между нашею Имперіею и Персіею дѣлъ, а только паче для угодности посторонней державы, что все и дѣйствительно въ 1743-мъ году доказалось, безплоднымъ черезъ нѣкоторое время стояніемъ близко Кизляра съ сильнымъ войскомъ Персидскаго шаха Надира, который, наконецъ, однакожъ, дальновидные свои замыслы оставить принужденъ былъ, несмотря, что противу его почти горсть здѣшнихъ войскъ выставлена была. Такъ теперь Порта, не имѣя уже ни малѣйшей нужды поступки свои относительно Персіи располагать, но уваженіе ко двору нашему, но получа всю свободность пользоваться настоящимъ сего государства смущеніемъ и малымъ тамошнему правителю подчиненіемъ, а въ протчемъ натуральнымъ образомъ должна будучи и всѣ способы употреблять къ благоуспѣшному съ своей стороны войны произведенію, статься можетъ, что и соблазнитъ подущеніями своими изъ персидскихъ подданныхъ, которые живутъ въ сосѣдствѣ турецкихъ границъ, вступить въ свое подданство, а живущихъ въ сосѣдствѣ здѣшнихъ границъ и къ дѣйствительному

принятію въ войнѣ участія, потому что, начиная отъ Дербента до самого Кумыцкаго народа, въ здѣшнемъ подданствѣ считающагося и живущаго блиско Кизляра,—пребываютъ не Персіяне, но персицкіе только подданные Дагестанцы, къ хищеніямъ склонные, никогда въ точномъ персидскомъ послушаніи, по крѣпости горъ, не бывшіе, а въ законѣ съ Турками безъ всякаго изъятія единогласные и по сей причинѣ къ нимъ и къ крымскимъ Татарамъ склонные.

Пріобрѣтеніе Турками нѣкоторыхъ персидскихъ начальниковъ съ принадлежащими имъ мѣстами, предполагаемое не инако жъ, но по достовѣрнымъ ея свѣдѣніи, что она не наведетъ на себя хлопотъ отъ Керимъ-Хана и отъ всѣхъ отечеству своему доброжелательныхъ Персіянъ, могущихъ съ ними согласиться въ сопротивленіи ея замысламъ, есть такой случай, которой со здѣшной стороны, при настоящемъ состояніи дѣла, отвратить, однако же, нѣтъ способовъ. Совсѣмъ тѣмъ оной нисколько и дѣйствовать не будетъ въ нашей съ Портою войнѣ.

Ежели одинъ знатный Персіянинъ другого вступленіемъ своимъ въ Турецкое подданство и соблазнилъ бы, и Порта потому предуспѣла бы и нѣсколькихъ къ себѣ преклонить, и Керимъ-Ханъ, смотря на такія происшествія, остался бы спокойнымъ по небреженію или по невозможности, но по крайней мѣрѣ Персіянъ въ свою службу Порта тотчасъ употребить не могла бы, а должна была бъ и свои въ тамошней сторонѣ войска, когда не умножить, для содержанія новыхъ подданныхъ въ порядкѣ, то, которые нынѣ тамъ, оставить неподвижными.

Такимъ образомъ, сколько ни важно для будущаго времени распространеніе турецкаго владѣнія въ Персію, въ сторонѣ отъ нашей Имперіи и отдаленной; но теперь не составляетъ еще сіе обстоятельство такой работы, какая настоитъ въ разсужденіи могущаго быть отъ нея другого покушенія—склонить Дагестанцевъ, непосредственное по горамъ сообщеніе имѣющихъ съ Кубанскими народами, къ способствованію къ хану крымскому, тѣмъ больше, что по доношенію въ нашу Коллегію иностр. дѣлъ кизлярскаго коменданта ген.-м. Потапова отъ 20-го Генваря сего года и *дѣйствительно нарочной отъ Порты къ нимъ чрезъ хана Крымскаго уже отправленъ.*

Въ Дагестаніи знатнѣйшіе владѣльцы: Тарковскій шеѳкалъ, Хайдатской усмей и еще нѣкоторые, а народовъ множество, и всѣ храбрые.

Сіи владѣльцы буде бы способны были согласиться между собою въ планъ общаго движенія, и имѣли всѣ дагестанскіе народы въ без-

прекословномъ подчиненіи; они по множеству ихъ, по крѣпкому ихъ состоянію, и по природной ихъ храбрости, великія дѣла произвести могли бъ; но несообразимость ихъ напротивъ того служитъ какъ бы оплотомъ всѣмъ важнымъ предпріятіямъ. Владѣльцы легкомысленны, въ намѣреніяхъ непостоянны, одинъ предъ другимъ кичливы, недовѣрчивы и собственную свою пользу всему предпочитающіе. А народы тамошніе отдаютъ послушаніе владѣльцамъ ограниченное собственнымъ своимъ произволеніемъ, или только древностію утвержденное, несмѣя владѣлецъ съ своимъ подчиненнымъ новаго и прежде небывалаго предпріять, храбрость ихъ терпѣніемъ не сопровождается, но истощается отложеніемъ случая. А языки въ Дагистаніи употребляются разные; ибо многіе народы внутри горъ находятся, хотя и въ близости между собою живущіе, но другъ друга неразумѣющіе.

Нѣтъ потому причины опасаться, чтобъ и дагестанцы въ угодность туркамъ составили порядочное войско и ополчась пошли производить осаду нашимъ пограничнымъ крѣпостямъ, а по полученіи перваго успѣха устремились совокупно и къ дальнѣйшимъ подвигамъ и предпріятіямъ, однимъ словомъ произвели и нанесли съ своей стороны войну не въ мелочи состоящую, они не такъ предуготовлены и не такъ расположены,—но весь плодъ турецкихъ подъущеній и дѣйствіе къ нимъ и татарамъ ихъ усердія, не смотря на внушенную дагестанцамъ и магометанскимъ закономъ къ христіанамъ ненависть, въ томъ состоять можетъ, что они шайками на помочь къ Кубанскимъ и Горскимъ на Кубанѣ же живущимъ народамъ ходить будутъ, и сверхъ того и подъ здѣшнія мѣста для воровства подбѣгать, ежели только кумыки—потому что жилищъ и мѣстъ ихъ, производя дагестанцамъ послѣднее намѣреніе, миновать можно,—въ томъ имъ не воспрепятствуютъ.

Кумыки, хотя и магометане, но пріобыкшіе издавна считать себя Россійскими подданными, довольно спокойны были въ послѣднюю турецкую войну; равнымъ образомъ и вообще всѣ Дагестанцы въ оной отнюдь не участвовали, но едва ли тогда Порта Отоманская и мыслила приводить первыхъ въ развратъ противъ здѣшней стороны, а послѣднихъ въ подвижность въ свою пользу.

Трудно повѣрить, не смотря на всѣ турецкіе происки, чтобъ и нынѣ кумыки явнымъ образомъ оказали себя противными, пока въ тамошней сторонѣ дѣла оставаться будутъ небольше, какъ только въ равновѣсіи съ обоихъ сторонъ. Положеніе ихъ жилищъ, блиско Кизлярской крѣпости, отнюдь не дозволяетъ имъ поступать всѣмъ вообще

по намѣреніямъ здѣшняго непріятеля, когда находится оной въ состояніи привести ихъ на всегда въ безопасность отъ послѣдующаго потомъ за нарушенія вѣрности возмездія, но желательно, чтобъ они неспособствовали ему ни въ чемъ и непосредственнымъ образомъ, и чтобъ и дегестанцы, по прежнему, остались безъ сообщенія съ живущими на Кубани турецкими подданными, ибо сперва поползновенность къ тому и немногихъ дагестанцовъ, которые на Кубанѣ безъ сумнѣнія будутъ ласкаемы и всевозможные способы имъ доставляемы къ полученію добычи отъ нашихъ подданныхъ,—можетъ, наконецъ, какъ нѣкоторая прилипчивость, и множество изъ нихъ заразить и собрать на Кубань въ подкрѣпленіе тамошнихъ народовъ.

Дано уже повелѣніе отъ нашей коллегіи иностр. дѣлъ еще 30-го Ноября прошлаго 1768-го года обоимъ, находящимся въ Персіи консуламъ, Боголюбову и Сулякову освѣдомлятся и сюда доносить объ отзывахъ Персіянъ по случаю происходящей у насъ съ Портою войны и о получаемыхъ съ Турецкихъ границъ извѣстіяхъ; а поступки кумыкъ и дагестанцевъ остается наблюдать Кизлярскому коменданту, посылая къ тѣмъ и другимъ время отъ времени подъ причными предлогами нарочныхъ для развѣдываніевъ, и утверждая первыхъ въ должной вѣрности, а послѣднихъ сколько возможно стараясь содержать къ нашей сторонѣ въ доброжелательствѣ и хотя черезъ посредство нѣкоторыхъ изъ надежнѣйшихъ кумыкъ отводить, чтобъ они съ Кубанцами блиско не познакомились.

Вы сообщите съ сего рескрипта коменданту для исполненія точную копію, а при томъ и консуламъ, по содержанію онаго, повторите о всемъ томъ, чтобъ ни происходило при Турецкихъ границахъ, или въ блискихъ мѣстахъ отъ нашихъ. Сія самая должность равнымъ образомъ лежитъ и на васъ, по колику въ Астрахани отъ пріѣзжающихъ туда о чемъ либо также увѣдомляться будетъ можно.

Данъ въ Санктъ Петербургѣ 28-го Марта 1769-го года по Ея І. В-ва указу: гр. Н. Панинъ, к. А. Голицынъ.

Нападеніе русскихъ шлюпокъ на турецкую эскадру

(Эпизодъ изъ русско-турецкой войны 1877-78 гг.)

Въ великую историческую эпоху, переживаемую нами, считаемъ не безполезнымъ вспомнить подвиги нашихъ моряковъ въ послѣднюю войну нашу съ Турціей. Нижеприводимыя данныя намъ кажутся достойными вниманія не только потому, что опубликовываются впервые, но и по личности руководителя нападенія на турецкую эскадру, генералъ-адъютанта Дубасова [1]), бывшаго тогда простымъ лейтенантомъ. Впечатлѣніе неустрашимости, съ коей Дубасовъ рѣшился на обыкновенныхъ шлюпкахъ атаковать непріятельскую эскадру, усиливается еще какъ увидитъ читатель, тѣмъ обстоятельствомъ, что турки предусматривали это нападеніе, принявъ противъ него своевременно всѣ возможныя мѣры. Нижеописываемое событіе интересно еще и потому, что даетъ представленіе о томъ, какъ нужно пользоваться минами— не употреблять ихъ безъ разбора, что мы наблюдаемъ въ настоящей войнѣ, гдѣ онѣ направляются даже противъ странъ нейтральныхъ, а только противъ непріятеля, и притомъ только вооруженнаго. Даемъ описаніе атаки со словъ самого Дубасова въ рапортѣ его главнокомандующему [2]).

„Планъ атаки, объявленный мною участникамъ экспедиціи былъ таковъ. Всѣмъ 4 катерамъ по вступленіи въ Мачинскій рукавъ (Дуная)

---

[1]) Извѣстнаго участника Парижской слѣдственной комиссіи по улаженію Гулльскаго инцидента на Доггеръ-банкѣ. Его самоотверженная и искусная защита русскихъ интересовъ въ столь тяжелое для насъ время еще ждетъ своего обнародованія; матеріалы, содержащіяся въ Петроградскомъ морскомъ архивѣ проливаютъ яркій свѣтъ на эту дѣятельность Дубасова.

[2]) Центральный Черноморскій Военно-морской Архивъ, дѣла Николаевской призовой комиссіи, вязка № 12, стр. 10 слѣд.

идти строемъ кильватера (т. е. другъ за другомъ) подъ берегомъ, пока не увидятъ непріятеля. Порядокъ строя былъ слѣдующій. Катеръ „Царевичъ"—я, впереди, за нимъ катеръ „Ксенія"—лейтенантъ Шестаковъ, далѣе „Джигитъ"—мичманъ Персонъ, и послѣднимъ „Царевна"—мичманъ Баль. Въ моментъ, когда, увидѣвъ непріятеля, я уменьшу ходъ и нѣсколько отойду отъ берега на середину рукава, катера переставляются въ строй колонны, по два въ рядъ Впереди „Царевичъ" и „Ксенія", позади „Джигитъ" и „Царевна".

Отъ самаго устья рукава и до момента атаки приказано было идти малымъ ходомъ, для того, чтобы довести до минимума шумъ отъ машины и отъ воды. По приближеніи къ непріятелю я прибавляю ходъ и нападаю первымъ; поддерживаетъ нападеніе Шестаковъ; Персонъ оказываетъ помощь въ случаѣ несчастія съ нападающей шлюпкой и Баль остается въ резервѣ.—Если первое атакуемое судно послѣ взрыва окажется для насъ безвреднымъ, то лейтенантъ Шестаковъ, не ранѣе впрочемъ, какъ получивъ мое согласіе, нападаетъ на второе судно; мичманъ Персонъ тогда поддерживаетъ нападеніе; Баль подаетъ помощь и я остаюсь въ резервѣ.

Послѣ второго удачнаго взрыва такимъ же образомъ атакуетъ третье судно, мичманъ Персонъ, поддерживаетъ нападеніе мичманъ Баль, подаю помощь я, и находится въ резервѣ Шестаковъ. Ночь съ 13-го на 14-ое Мая была хотя и облачная, но не совсѣмъ темна, т. к. луна почти во все время экспедиціи находилась надъ горизонтомъ; легкій вѣтерокъ дулъ отъ насъ, и такимъ образомъ, относя шумъ движущихся шлюпокъ по направленію къ непріятелю—скорѣе вредилъ, чѣмъ содѣйствовалъ успѣху дѣла. Катера впрочемъ подвигались впередъ безъ всякаго шума и только мнѣ приходилось въ этомъ отношеніи испытывать большія затрудненія.—На катерѣ „Царевичъ" (взятымъ отъ румынскаго правительства) отработавшій паръ, проведенный въ теплый ящикъ служитъ частью для питанія котла, частью же выпускается въ дымовую трубу и усиливаетъ этимъ тягу въ топку; выходя въ трубу, онъ, какъ и всегда, при подобнаго рода устройствѣ, довольно громко вторитъ движеніямъ поршня парового цилиндра и черезъ то производитъ хорошо извѣстный шумъ. Есть возможность пріостанавливать этотъ шумъ, на нѣкоторое время прекращая доступъ пара въ дымовую трубу, но тогда паръ въ котлѣ быстро падаетъ, и чтобы поднять его, нужно, или останавливать машину, или снова, чтобы усилить тягу пустить въ трубу отработавшій паръ.—Еще засвѣтло, 13-го числа, мы хорошо осмотрѣли съ береговыхъ высотъ положеніе непріятеля. Прибли-

зившись къ предполагаемому мѣсту ихъ стоянки, я приказалъ прекратить выпускъ пара въ дымовую трубу—и сталъ подвигаться впередъ безъ всякаго шума, но паръ скоро упалъ до 32 фунтовъ, и я вынужденъ былъ на время остановить машину.—Впослѣдствіи, уже увидѣвъ турецкія суда, я вынужденъ былъ останавливать машину еще четыре раза, и т. к. эти задержки могли возбудить вниманіе и вообще вызвать весьма вредныя послѣдствія, то послѣ послѣдней остановки, во время которой я объявилъ Шестакову, что начинаю нападеніе, я приказалъ пустить отработавшій паръ въ трубу, прибавить ходу и пошелъ на ближайшій изъ турецкихъ мониторовъ, истребленіе котораго было нашей главнѣйшей задачей. Разстояніе отъ него было въ это время приблизительно до 60-ти сажень, но несмотря на шумъ моей машины окликъ часового послѣдовалъ не ранѣе какъ на разстояніи 35-ти сажень. Я теперь узналъ, что отвѣтъ мой былъ сдѣланъ неправильно, и что военныя шлюпки на окликъ часового отвѣчаютъ совершенно иначе, такъ что появленіе мое тотчасъ же вызвало тревогу.—Прислуга отъ орудій спала, очевидно, на верхней палубѣ и поднялась на ноги тотъ часъ же послѣ перваго сигнальнаго выстрѣла изъ ружья. Я подозрѣваю, что наша экскурсія въ предшествующую ночь была замѣчена, и что на всѣхъ трехъ турецкихъ судахъ еще съ вечера была пробита полная тревога. Справедливость этого предположенія подтверждается еще тѣмъ, что всѣ три судна, какъ оказалось впослѣдствіи, передвинулись отъ обыкновеннаго мѣста своей стоянки, уже послѣ того, какъ стемнѣло, значительно ближе къ Мачину. Слѣдовательно нападеніе наше, если не ожидалось, то, во всякомъ случаѣ, допускалось. Мониторъ стоялъ подъ парами, и замѣтивъ насъ, могъ нанесть больше всего вреда огнемъ своихъ кормовыхъ орудій, стоящихъ на верхней палубѣ. Я рѣшился поэтому нанести ему ударъ въ кормовую часть и тѣмъ лишить его одновременно двигателя и возможности наносить намъ вредъ. Взявъ направленіе на его лѣвую кормовую раковину, я направилъ ударъ правой носовой шестовой мины[1]) нѣсколько выше этой раковины, т. е. ближе къ серединѣ судна. Проводники отъ автоматическаго замыканія я приказалъ примкнуть къ батареѣ, а проводники для взрыва по желанію имѣть въ рукѣ и быть готовымъ замкнуть токъ во всякій моментъ. Разсчетъ мой скоро оправдался:—почти вслѣдъ за сигнальнымъ выстрѣломъ послѣдовалъ выстрѣлъ изъ кормового орудія, но произошла осѣчка, за первой осѣчкой послѣдовала вторая и третья; послѣ третьей я уже нанесъ монитору ударъ и

[1]) Мины старой конструкціи, бывшія въ употребленіи до изобрѣтенія самодвижущихся торпедъ Уайтхеда.

кормовая часть его была взорвана. Взрывъ послѣдовалъ отъ автоматическаго замыканія цѣпи, и мина, очевидно, ударилась о подводную часть, около киля, впереди передняго ахтеръ-штевня.—Обнаженіе кормовой подводной части монитора, очевидно, способствовало всплеску воды вверхъ и этимъ всплескомъ катеръ залило.—Черный столбъ дыма и мелкихъ обломковъ поднялся приблизительно до высоты 20 фут. Мелкіе обломки мебели попавшіе въ катеръ, очевидно, свидѣтельствовали, что пороховые газы прорвались вверхъ сквозь обшивку судна и всѣ палубы.—Команда монитора быстро бросилась съ кормы на носъ, и дифферентъ его сталъ быстро измѣняться.—Я сначала принялъ мѣры къ спасенію своихъ людей, но убѣдившись, что катеръ не погружается болѣе того, какъ онъ сѣлъ въ первый моментъ послѣ взрыва—я приказалъ употребить всѣ старанія, чтобы дать задній ходъ—и пустить въ ходъ паровой эжекторъ для выкачиванія воды. Въ это время, поврежденный мониторъ, сдѣлалъ выстрѣлъ изъ одного изъ башенныхъ орудій; тогда я предложилъ лейтенанту Шестакову нанести ему второй ударъ.—Давши тотчасъ же полный ходъ впередъ—онъ нанесъ этотъ ударъ почти противъ самой башни, нѣсколько позади ея, и одновременно со вторымъ выстрѣломъ, сдѣланнымъ опять изъ башеннаго орудія. Лейтенантъ Шестаковъ взорвалъ свою мину по желанію и подвелъ ее, какъ нужно предположить, подъ самый киль, т. к. носомъ своимъ онъ уперся въ бортъ монитора, и мина находясь отъ форштевня катера на разстояніи 20-ти фут., была какъ разъ подъ половиною ширины судна. Результатомъ взрыва былъ такой же сильный прорывъ газовъ, какъ и въ первомъ случаѣ; доказательствомъ того могло послужить паденіе вмѣстѣ съ прочими обломками каютнаго щита, упавшаго тотчасъ же за кормою катера „Ксенія“.—Послѣ второго взрыва мониторъ не могъ уже продолжать артиллерійскій огонь и тѣмъ съ большей энергіей продолжалъ ружейную стрѣльбу такъ, что ни мой, ни Шестакова катера не могли быстро отойти отъ него:—у Шестакова запутался въ обломкахъ винтъ, а мой катеръ былъ полонъ воды; я обратилъ всю команду на откачиваніе воды ведрами, покамѣстъ не пустили въ ходъ парового эжектора, и потому всѣмъ велѣлъ положить ружья; Шестаковъ же—во все время работы съ винтомъ и до самаго момента погруженія въ воду башни монитора, поддерживалъ противъ непріятеля самый дѣятельный ружейный огонь. Съ прочихъ судовъ, т. е. съ другого монитора и съ парохода, огонь начался одновременно съ тѣмъ, какъ его открылъ мониторъ, избранный нами для потопленія.—На пароходѣ, очевидно, поставлены только однѣ гладкостѣнныя пушки и прислуга его не особенно бойко управляется у орудій. Артиллерійскій огонь его былъ весьма слабый, быть можетъ, еще и потому, что онъ

стоя ближе къ намъ, нежели второй мониторъ (около 60-ти сажень) и имѣя палубу значительно болѣе поднятую надъ водою, не могъ хорошо наводить на насъ орудіе.—Второй мониторъ занималъ относительно насъ положеніе очень выгодное и батарея его могла обстрѣливать насъ безъ всякаго затрудненія; орудія ихъ, очевидно, были наведены заранѣе, т. к. въ то время, когда мы находились у самаго взорваннаго монитора, снаряды ложились у насъ большею частью за кормовою, а потомъ, когда теченіемъ насъ отнесло нѣсколько назадъ, то они перелетали надъ самыми головами нашими.—Ружейный огонь съ обоихъ судовъ былъ тоже чрезвычайно дѣятельный и очень можетъ быть, что онъ своимъ принесъ больше вреда, чѣмъ намъ, такъ какъ пули ложились около погибшаго монитора въ то время, когда мы не могли отойти отъ него".

В. Голубевъ.

ДВА ИМАНА ИЛИ ИСТРЕБЛЕНІЕ ДОМА АВАРСКАГО

(Историческое повѣствованіе о Кавказѣ).

I.

Такъ вотъ судьба твоихъ сыновъ,
О Римъ, о громкая держава!
Пѣвецъ любви, пѣвецъ боговъ,
Скажи мнѣ, что такое слава?
Могильный гулъ, хвалебный гласъ,
Изъ рода въ роды звукъ бѣгущій....

А. Пушкинъ.

Послѣдній часъ 1831-го года былъ на исходѣ. Наступилъ 1832-й годъ. Отрядъ лѣваго фланга Кавказской линіи былъ расположенъ по тремъ горнымъ ступенямъ, на которыхъ раскинутъ огромный Ауховскій аулъ, такъ называемый *Араксу Аухъ*.

Сакли, покинутыя жителями, служили кровомъ нашимъ воинамъ; по всѣмъ улицамъ лежали замерзшіе трупы туземцевъ; аулъ взятъ на копье; по всѣмъ окрестностямъ, въ кустахъ, скрывался непріятель. Въ продолженіи цѣлаго дня русское войско занималось прибираніемъ убитыхъ и раненыхъ своихъ соотчичей.

Въ 9 часовъ утра, генералы, штабъ и оберъ офицеры стали съѣзжаться къ саклѣ, занятой отряднымъ начальникомъ для поздравленія съ наступившимъ новымъ годомъ. Иные не доѣхали, будучи свалены дорогою съ коней мѣткими пулями скрывавшагося непріятеля; другіе уже на сборномъ мѣстѣ падали отъ вражескихъ выстрѣловъ. Раненыхъ тотчасъ уносили въ полковые лазареты.

Чуденъ былъ нарядъ съѣхавшихся съ поздравительнымъ визитомъ. На сюртукахъ иныхъ видѣлись свѣжіе слѣды крови, у другихъ—пороховой сажи; у нѣкоторыхъ они были истерты и даже изодраны отъ трудныхъ походовъ, либо прожжены у бивуачныхъ огней; эполетъ ни на комъ не было; многіе вмѣсто сапогъ носили безобразную войлочную обувь, которая доказывала, что ноги ихъ пострадали отъ морозовъ во время прокладыванія тропъ по нетоптаннымъ снѣгамъ.

Отворилась дверь отряднаго начальника, и Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ вышелъ. Снявъ свою кабардинскую шапку, онъ всѣмъ поклонился и сказалъ: „Благодарю покорно, господа, и я васъ также поздравляю съ новымъ годомъ! Кто со мною проходитъ этотъ годъ, тотъ вѣкъ меня не забудетъ!“ Послѣ того онъ надѣлъ шапку и вошелъ опять въ саклю.

Начались толки между присутствующими.

„Видно онъ намѣренъ насъ поводить нынѣшній годъ!“—говорилъ одинъ.

— Э, братъ!—отвѣчалъ бѣлоусый старый капитанъ, служившій уже 90 лѣтъ на Кавказѣ—страшенъ сонъ, милостивъ Богъ! Кашу масломъ не испортишь, а солдата походомъ, давай только во́рону крови, на то созданы!

„Жены или дѣти у насъ что ли? Волкъ меня зарѣжь!“ воскликнулъ пятидесятилѣтній плѣшивый маіоръ.

— Ну да, все прекрасно!—замѣтилъ одинъ полковой командиръ: „да, больно холодно, пора бы выпить водки.“

„Правда, правда ваша!“—закричали новые голоса. „Мы идемъ къ вамъ выпить водки, у насъ вся вышла.“

— Милости просимъ, господа, сколько можетъ васъ помѣстить моя сакля, прошу пожаловать.—

„Я ручаюсь что у него нѣтъ мѣста и для трехъ“, замѣтилъ насмѣшливо одинъ артиллерійскій полковникъ. „У этого хлѣбосола есть особый даръ находить клѣтку вмѣсто сакли, строить одиночный себѣ балаганъ; а о палаткѣ нечего ужъ и говорить,—чудо, какъ онъ въ нее влѣзаетъ.“

— Ну да, да, господа! Я держусь пословицъ: скупость не глупость; въ походѣ хлѣбъ соль пополамъ, а табачокъ и водочка врозь.

„Хорошо вамъ шутить, господа!“ замѣтилъ другой, высокій, рѣдковолосый, женатый полковой командиръ: „а право пора на линію, хотя бы на нѣсколько дней, люди совсѣмъ оборвались, босые, провизіи истощены, даже сухарей остается очень мало.“

— А дѣло-то въ томъ—прибавилъ казачій полковникъ, курляндскій уроженецъ—что у нѣкоторыхъ жены на линіи скучаютъ.

„Полно шутить, старый гусаръ“, отвѣчалъ женатый полковникъ: „не объ женахъ идетъ рѣчь, а о солдатахъ.“

— Все пустое!—возразилъ Курлянецъ—въ чемъ бѣдны люди? Можетъ ли положеніе быть хуже линейнаго казака: вѣчно на конѣ, бурка ему и кровъ, и палатка, и шуба. А спросите моихъ орловъ, они скажутъ вамъ, что нѣтъ жизни лучше походной, мяса вкуснѣе отбитой баранты.

„Ну такъ!“ сказалъ скупой командиръ полка: „гусару легко плакать надъ положеніемъ своего казака; а посмотрите-ка на пѣхотнаго солдата, хоть, напримѣръ, на часоваго отряднаго начальника, жалость да и только!“

Всѣ обратились къ указываемому солдату, на головѣ котораго была полусгорѣвшая кабардинская мохнатая шапка, а на амуниціи накинутъ въ видѣ бурки старый, изодранный коверъ, отнятый у непріятеля; два войлочные мѣшка съ дырьями, подвязанные сыромятными ремнями, составляли обувь этого продрогшаго часового. Онъ ходилъ съежившись взадъ и впередъ очень шибко, дабы быстротою движенія сохранить должную теплоту въ замерзающихъ членахъ.

Всѣ молчали, одинъ толстый докторъ, завернутый въ пушистую енотовую шубу, покрытую тонкимъ сукномъ, скоро прервалъ это молчаніе.

„Воля ваша, господа!“—сказалъ онъ: „а мнѣ право кажется, что вы любите преувеличить трудности походовъ. Правду сказать, я уроженецъ сѣверной Германіи, а потому и не боюсь морозовъ. Вы всѣ жалуетесь на теперешнюю стужу, а по мнѣ, такъ температура прекрасная и здоровая; вотъ вамъ примѣръ я самъ: до похода я вынужденъ былъ отказывать себѣ въ двухъ любимыхъ вещахъ—кюнель-вассеръ и голландскія сельди. Теперь всякое утро я съѣдаю цѣлую селедку и выпиваю по чаркѣ кюнель-вассера; между тѣмъ, благодаря Бога, чувствую себя прездоровехонькимъ.“

— Да, да, потому что ты Нѣмецъ—возразилъ съ замѣтною досадою скупой полковникъ.

„Прошу не забываться“ отвѣчалъ ему докторъ: „иначе я пожалуюсь отрядному начальнику, онъ васъ арестуетъ.“

— Ахъ ты негодный! Какъ смѣешь клеветать на Алексѣя Александровича — съ жаромъ произнесъ полковой командиръ, подходя ближе къ доктору и сжимая кулаки.—Развѣ ты забылъ, что онъ Русскій, а не Нѣмецъ, твой братъ? Понимаешь!—

Въ эту минуту провизжала пуля; одинъ офицеръ упалъ раненый. Нашъ эскулапъ, нагнувшись отъ визга пули поскользнулся и запутавшись въ шубѣ упалъ. Увидѣвъ кровь, текущую изъ раны офицера, онъ обезумѣлъ и отчаяннымъ голосомъ кричалъ собранію: „помогите, помогите, я раненъ.“ Всѣ хохотали, даже и самъ раненый. Однако испуганнаго доктора подняли на ноги. Вечеромъ по отряду пронесся слухъ, будто его поднимая преизрядно пощипали, даже поколотили.

День кончился, какъ обыкновенно водится, на стоянкахъ, карточною игрою и разговорами. Всѣ повторяли слова отряднаго начальника: „кто со мной проходитъ нынѣшній годъ, тотъ вѣкъ меня не забудетъ!“ Многіе старались разгадать загадку этихъ словъ: думалъ ли онъ положить конецъ войнѣ въ этомъ краю, или предвѣщалъ неслыханные труды и небывалое еще кровопролитіе? Кто готовился погибнуть въ бояхъ того года, а кто быть изувѣчену; но къ чести отряда замѣтимъ, что никто и не думалъ перетолковать словъ начальника въ свою пользу, т. е. что подчиненные его не забудутъ за награды, которые онъ намѣренъ въ этотъ годъ имъ доставить. Правда, всѣ знали разборчивость и справедливость Алексѣя Александровича Вельяминова, да при томъ всякій зналъ что не отстанетъ отъ товарищей при случаѣ отличиться.

Послѣ неимовѣрныхъ трудовъ отрядъ, перенесшій всѣ ужасы зимняго похода: стужу, голодъ, всякаго рода лишенія, ознакомясь съ мясомъ кошекъ и собакъ, блуждавшихъ по покинутымъ жителями ауламъ, въ половинѣ марта отрядъ сталъ переправляться на лѣвый берегъ Терека. Несмотря на все это, веселость и безпечность русскаго кавказскаго солдата ни на минуту его не покидала; самыя жестокія лишенія не измѣнили его характера. Цѣлые батальоны, втаскивая артиллерію на крутизну горъ, покрытыхъ облаками, по глубокимъ

снѣгамъ, увѣряли, что отрядный начальникъ хочетъ вести ихъ ближе къ Богу. Проведя нѣсколько дней не ѣвши, въ числѣ солдатъ находились такіе, которые шли переходы, приплясываючи, увѣряя товарищей, что они сдѣлались такъ легки, что иначе не могутъ идти—и батальоны хохотали. Возвратясь изъ столь труднаго похода, эти истинно праведныя созданія изливали свою радость волокитствомъ, ухаживали за казачками, выѣзжавшими къ нимъ съ чихиремъ, булками и пр. Каждый наперерывъ старался разсмѣшить другихъ какимъ либо острымъ двусмысленнымъ словомъ или пошлостію, сказанною булошницамъ и чихирницамъ; но эти рѣдко отвѣчали воинамъ веселою улыбкою, большею частію они ворчали и прятали деньги, получаемыя за сбытый товаръ.

Наконецъ истомленныя роты расположились по квартирамъ въ станицахъ. Кто можетъ себѣ представить блаженство уцѣлѣвшихъ воиновъ, незнавшихъ отдыха, согрѣтыхъ теперь въ теплыхъ домахъ горячими объятіями милыхъ, привѣтливыхъ терекскихъ казачекъ? Не разбирая чиновъ, всякій стремился къ одной и той же цѣли, правда, незамысловатой и немудреной, не требующей ни познаній, ни ума, однако необходимой для рода человѣческаго!

„Кому ума не доставало....“

говоритъ нашъ покойный Грибоѣдовъ.

Сначала нѣкоторыя казачки вооружились твердостію и цѣломудріемъ; но это продолжалось только съ недѣлю или много двѣ; а потомъ когда появились на станичныхъ львицахъ новые наряды и украшенія—это потрясло всю рѣшительность степенныхъ дочерей Тєрека! Таковы женщины! Та, которую не поколеблетъ и стремленіе сердца, ни жаръ полуденной крови, ни честолюбіе, словомъ никакія страсти души и сердца, та не можетъ устоять противъ искушеній новаго наряда. Увы! такова женская добродѣтель! разумѣется, я говорю о добродѣтели казачьихъ женъ и дочерей.

Былъ великій постъ. Унылый торжественный колоколъ ежедневно сзывалъ православныхъ къ молитвѣ и покаянію. Сколь глубоки впечатлѣнія, производимыя заунывнымъ, великопостнымъ звономъ, особливо, когда долгое время его не слышишь! Пробужденный христіанинъ невольно крестился; въ душѣ его отзывалось какое-то глубокое, сильное чувство. Творецъ, молитва, покаяніе, будущая жизнь—все это роится въ мысляхъ его и наполняетъ душу кроткимъ смиреніемъ. Онъ знаетъ,

что этотъ звукъ пробуждаетъ во всѣхъ одно и то же чувство; онъ любитъ ближнихъ своихъ, какъ братьевъ, какъ дѣтей единаго Отца; даже бремя существенной жизни дѣлается ему сноснымъ, почти легкимъ.

Однако распущенному отряду не удалось и поговѣть. Проскакала какъ вихрь тройка. Она мчалась такъ быстро, что колокольчикъ едва звенѣлъ. Молодой офицеръ подскакивалъ къ квартирамъ военнаго и станичнаго начальниковъ, выбѣгалъ, опять садился на свѣжую тройку и въ станицѣ все кипѣло, все суетилось. Гдѣ-бъ солдаты ни были, что бы ни дѣлали, были ли въ церкви или спали дома, ихъ поспѣшно выгоняли; всюду слышалось магическое приказаніе: „скорѣй, выходи!“ и прибавлялось:—въ походъ! Станичные начальники съ атаманами своими и десятниками выгоняли солдатскій провіантъ. Велѣно идти форсированнымъ маршемъ.

Въ одинъ день дорога вверхъ по Тереку, на протяженіи болѣе ста верстъ, оживилась множествомъ войскъ, загромоздилась пушками съ ихъ ящиками, повозками съ провіантомъ и пр. Адъютанты неслись на курьерскихъ сломя голову, безъ нужды и цѣли.

Причина всей тревоги была та, что Газы-Мулла, собравъ многочисленныя толпы, пошелъ на Низрановское племя, которое не соглашалось принять его таригата [догмата вѣры] и оставалось вѣрнымъ Русскимъ. Онъ хотѣлъ силою увлечь за собою Низрановцевъ; но встрѣтилъ съ ихъ стороны неожиданный отпоръ. Племя это мужественно боролось съ многочисленнѣйшимъ непріятелемъ, поджидая помощи отъ нашихъ войскъ. Отрядъ долженъ былъ спѣшить къ нему на выручку.

Газы-Мулла съ полчищами отступилъ, когда увидѣлъ приближеніе русскаго войска. Терекскому отряду только оставалось возвратиться, хотя на короткое время, на свои квартиры, гдѣ ему необходимо было обшиться и обуться.

II.

Son Dieu était la volonté! La puissance son idéal! La force son élement de vie!

Spiridion de Georges Sand.

По переправѣ русскаго отряда на лѣвый берегъ Терека, Газы-Мулла не отдыхалъ. Этотъ предпріимчивый Мулла, воинъ и законодатель не терялъ времени. Онъ раздувалъ мятежъ, разжигалъ фанатизмъ дикихъ племенъ Кавказа, призывалъ ихъ къ *козаветту* [священной

войнѣ] и независимости. Между тѣмъ онъ порабощалъ умы, заковывая ихъ страхомъ казней, страхомъ будущей жизни и неизбѣжной, неумолимой кары Божіей; обольщалъ ихъ корыстолюбіе льстивыми обѣщаніями, сулилъ имъ имущества *муртатовъ*,[1]) падшихъ во власть *мюридовъ*[2]), распространяя это и на женъ муртатовъ, ведущихъ хлѣбъ соль съ гяурами. Однимъ словомъ онъ созидалъ себѣ державу, избравъ главнымъ мѣстомъ пребыванія крѣпость *Агачь-Калу*.[3])

Газы-Мулла посвящалъ дни свои проповѣдыванію новаго ученія, молился торжественно Творцу вселенной, предсказывалъ будущее и тѣмъ заслужилъ въ суевѣрномъ мнѣніи народа почетныя прозвища: *муршата* [учителя], *имана* [апостола] и *пегамбара* [пророка]. Этого мало, онъ творилъ судъ и расправу въ подвластныхъ ему племенахъ, издавалъ законы, безпрестанно писалъ къ горнымъ обществамъ, наставлялъ ихъ мятежу и возстанію противъ Русскихъ, распредѣлялъ мѣста подъ укрѣпленія, укрѣплялъ ихъ, чтобы предупредить всякое покушеніе русскихъ отрядовъ, посылалъ наказывать деревни, отказывающіяся отъ его *тариата*, штрафовалъ цѣлыя общества, казнилъ и рѣзалъ головы провинившимся, и когда краснорѣчіе его не убѣждало, тогда прибѣгалъ къ огню и мечу, обращалъ все въ пепелъ и потоки крови; однимъ словомъ, бралъ силою то, чего не могъ покорить убѣжденіемъ. Случалось, что Газы-Мулла внезапно исчезнетъ; всѣ поиски останутся тщетны; но вскорѣ онъ вдругъ, нежданно появится съ новыми нравственными силами, съ новою твердостію, съ новою предпріимчивостію и часто съ новыми идеями. Это заставляло народъ

---

[1]) *Муртатъ*, вѣроотступникъ, rénégat.

[2]) *Мюридъ*, ученикъ. Газы-Мулла называлъ такъ послѣдователей своего ученія.

[3]) *Агачь-Кала* была первой крѣпостію Газы-Муллы и первымъ пріютомъ мюридовъ. Она находилась на вершинѣ Каранайскаго хребта, по дорогѣ отъ крѣпости Темиръ-Ханъ-Шуры къ укрѣпленію Зирани и была окружена высокими деревянными стѣнами. Въ 1832 году крѣпость эта была взята съ боя русскимъ войскомъ и уничтожена. Происшествіе это сливается съ горестнымъ воспоминаніемъ о смерти храбраго полковника Миклашевскаго, который вскочилъ первый на стѣны, желая подать примѣръ мужества командуемому имъ полку. Онъ погибъ въ цвѣтѣ лѣтъ, оплакиваемый тѣми, которые его знали и уважали. Щадимый въ послѣднихъ войнахъ гибельныхъ климатомъ Персіи и кровопролитными боями Турціи, онъ легъ наповалъ на деревянныхъ стѣнахъ Агачь-Кала, въ дремучихъ лѣсахъ Дагестана. Храбрый мужъ! ты разстался съ жизнію въ порывѣ мужества, не чувствуя предсмертной тоски! Но что осталось послѣ тебя? По дорогѣ этой ежедневно проѣзжаютъ путешественники, проходятъ цѣлые отряды,—и проводникъ—Дагестанецъ, указывая пальцемъ на остатки рва, говоритъ зѣвая: „вонъ тамъ была Агачь-Кала, крѣпость Газы-Муллы!“ Но никто не скажетъ: „тутъ погибъ Миклашевскій съ горстію храбрыхъ!“ Остались ли, по крайней мѣрѣ, въ рядахъ твои сподвижники, свидѣтели твоего геройства? Увы! вотъ слава Кавказа!..

думать, что *Иманъ* бесѣдовалъ съ Аллахомъ или по крайней мѣрѣ съ Магометомъ. Чѣмъ сильнѣе были его отлучки, тѣмъ сильнѣе вкоренялись баснословныя вѣрованія посреди этихъ суевѣрныхъ племенъ, тѣмъ таинственнѣе дѣлался характеръ *Имана*.

По возвращеніи съ одной изъ этихъ отлучекъ, *Иманъ* объявилъ, что Аллахъ повелѣлъ ему воздвигнуть въ горахъ первопрестольный храмъ, гдѣ духовенство, поставленное этою мечетью, одно будетъ признано истиннымъ, правовѣрнымъ; что всѣ прочіе—лжецы, обманщики, богоотступники, что Аллахъ повелѣваетъ каждому мюриду, правовѣрному истреблять, умерщвлять муртатовъ, и въ награду даетъ имъ все имущество убіенныхъ. Этотъ храмъ былъ заложенъ въ Ново-Андреевской деревнѣ; но въ зимній походъ 1832-го года генерала Вельяминова былъ срытъ и стѣны его опрокинуты. Газы-Мулла покинулъ на нѣкоторое время намѣреніе закладывать новую первопрестольную мечеть; но въ настоящую пору—его положеніе измѣнялось, власть увеличилась, онъ видѣлъ себя властелиномъ, у него было имущество. Иману нужна была уже не ничтожная крѣпость Агачь-Кала; но мѣсто, гдѣ было бы защищено, какъ отъ поисковъ русскихъ войскъ, такъ и отъ кичливости его соотчичей, нетвердыхъ въ преданности своей, необузданныхъ дѣтей горъ. Для этого онъ избираетъ селеніе Гимры, лежащее въ неприступныхъ тѣснинахъ горъ; единственную тропу ведущую къ владѣніямъ Русскихъ заграждаетъ тремя рядами огромныхъ, каменныхъ, заваловъ, вѣнчанныхъ заостреннымъ частоколомъ; упираютъ эти завалы въ отвѣсныя скалы Кавказа, и вооружаетъ ихъ укрѣпленными башнями. Окончивъ это, онъ перевозитъ въ Гимры свои сокровища, своихъ плѣнныхъ и плѣнницъ. Да, у него есть и плѣнницы; но онъ мало объ нихъ помышляетъ; одна лишь Армянка служитъ исключеніемъ. Оторванная отъ богатаго семейства въ Кизлярѣ, съ перваго дня плѣна, она отдѣлена отъ прочихъ, не раздѣляла звѣрскаго насилія, не служила насыщеніемъ грубымъ, сластолюбивымъ похитителямъ своимъ подобно подругамъ, которыя клянутъ жизнь, сберегаемую врагами для насыщенія звѣрскихъ страстей своихъ, даже родная сестра ея не ушла отъ общей участи, отъ общаго позора. Взятая юною дѣвой, Армянка дѣва и теперь; она оплакиваетъ разлуку съ родными, плѣнъ, окруженный нѣгою, покуда другія въ рубищахъ истомляются въ самыхъ трудныхъ домашнихъ и полевыхъ работахъ. Окруженная многочисленной прислугой, она видитъ лишь угожденіе и любовь окружающихъ ее. Газы-Мулла къ ней не ходитъ: одинокъ и цѣломудренъ, онъ презираетъ наслажденіе плоти, по крайней мѣрѣ, такова народная молва; однако онъ часто спрашиваетъ объ Армянкѣ, испол-

няетъ всѣ ея просьбы, доходящія до нея чрезъ посланцевъ; народъ только дивится его набожности. Молодая плѣнница знаетъ кумыкскій языкъ, какъ и всѣ кизлярскіе ея единовѣрцы; *Иманъ* приставилъ къ ней кумыкскаго стараго Алла, боязливаго муллу, который преподаетъ ей коранъ, и старается обратить армянку въ правовѣріе, однако все напрасно. Она остается непоколебима и тверда даже на всѣ доводы и убѣжденія одного краснорѣчиваго старика, русскаго отступника и бѣглеца, который представляетъ ей, что никакой выкупъ не возвратитъ ее семейству, что ей не видать болѣе страны родной, слѣдовательно, и не почерпать никогда утѣшенія въ обязанностяхъ своей церкви. Между тѣмъ Газы-Мулла отправляется въ походъ, причинившій тревогу въ станицахъ, описанную въ предыдущей главѣ.

Иманъ въ землѣ Назрановцевъ, въ своемъ станѣ, ведетъ ту же дѣятельную жизнь, какъ и дома. Лазутчики непрестанно привозятъ ему извѣстія о движеніи русскихъ войскъ, о готовности такихъ-то племенъ присоединиться къ нему, о нерѣшительности и сомнѣніи другихъ, объ упорствѣ третьихъ. Газы-Мулла все слушаетъ важно; его лицо пребываетъ неизмѣнно, какъ у истаго азіатца, между тѣмъ онъ разсылаетъ во всѣ стороны гонцевъ съ приказаніями, убѣжденіями, наставленіями и письмами къ разнымъ кадіямъ; послѣ того принимается за чтеніе корана и молитву.

Однажды, ночью, Иманъ сидѣлъ въ своемъ шатрѣ, посреди спящаго стана; открытый коранъ лежалъ передъ нимъ, освѣщенный огнемъ костра; его вѣрный, неразлучный слуга, Кара-Иса, вошелъ къ нему съ полузаспанными глазами и объявилъ, что какой-то Гимріецъ пріѣхалъ къ *Иману*. Его вводятъ, но прежде чѣмъ впустить пріѣзжаго, вошли два часовые съ ружьями на изготовѣ, съ возведенными курками: пріѣзжій былъ совершенно обезоруженъ. Газы-Мулла узнаетъ въ немъ одного изъ своихъ домочадцевъ; тогда отпустивъ караулъ и Кара-Ису, онъ спрашиваетъ: „что новаго въ Гимрахъ?“ Послѣ подробнаго отчета во всемъ ему порученномъ для передачи Муршату, домочадецъ Имана объявилъ, что армянская дѣва готова принять правовѣріе. Необычайный, неизъяснимый лучъ радости прояснилъ строгое чело Газы-Муллы, онъ не смѣетъ вѣрить этому извѣстію, заставляетъ домочадца повторять его нѣсколько разъ, и наконецъ убѣдясь въ истинѣ, восклицаетъ: „великъ Аллахъ, многомилостивъ къ рабу своему!“ Послѣ того Иманъ, наградивъ пріѣзжаго, отпустилъ его отдыхать, а самъ принялся опять за чтеніе корана; но глубокая, трепетная дума наполняла его смущенную душу.

Около шатра муршата былъ поставленъ высокій треножникъ, служившій минаретомъ. На разсвѣтѣ на него взбирается муэззинъ и плаксивымъ, протяжнымъ голосомъ провозглашаетъ на весь станъ: „Ла иль Алла, Мухметъ риулъ-иль Алла, вставайте правовѣрные на Ирти-Намазъ Джюнги[1]), молитва бо есть лучше сна!“ Это воззваніе застало Газы-Муллу еще бдящимъ. Онъ всталъ съ своего мѣста, совершилъ домашнее омовеніе и вышелъ къ треножнику. Ему постлали бурку, тутъ онъ разулся, умылъ ноги, руки и бороду, потомъ сталъ торжественно на колѣни и началъ читать въ полголоса молитвы. Старѣйшины и духовенство повторяли молитвы, стоя также на колѣняхъ на своихъ буркахъ въ нѣсколько рядовъ позади первосвященника; прочіе слѣдовали ихъ примѣру, но у своихъ ложбищъ, по всему стану. Молитва продолжалась долго, съ разными тѣлодвиженіями. Правовѣрные кланялись усердно въ землю, неоднократно вставали на ноги, чтобы опять пасть на колѣни, словомъ сказать, не упускали ни одного наружнаго признака, обыкновенно сопровождающихъ молитву магометанъ. Наконецъ ирты-намазъ кончился; всѣ обулись, надѣли свои черкески и важно, по азіатски, поздоровались съ Иманомъ. Газы-Мулла, отдавъ имъ поклонъ, торжественно произнесъ слѣдующую рѣчь: „Правовѣрные! да утвердитъ васъ Аллахъ на путяхъ своихъ! Сообщаю вамъ, что нынѣшнюю ночь Всемудрый ниспослалъ на меня, покорнаго раба своего, вдохновеніе. Возрадуйтеся милостямъ, посылаемымъ Всесвятымъ на избраннаго своего! Хвала имени Его! Хвала щедротамъ Всемилосердаго! Да, правовѣрные! Покуда вы покоились среди ночной тиши благодѣтельнымъ сномъ, я былъ углубленъ въ чтеніе премудрой книги. Внушенный Всевѣдущимъ я предавался слѣдующимъ размышленіямъ: по истинному ученію, многоженство ненавистно Аллаху, тѣмъ паче ненавистенъ тотъ, кто предастся наложницамъ[2]); а потому отвратясь отъ пола радостей, я велъ самую строгую, цѣломудренную жизнь, и въ гордости своей думалъ идти по стезямъ, угоднымъ Всемудрому; но это была лишь надмѣнная самонадѣянность. Могу ли я, твореніе ничтожное, идти противъ законовъ природы? Могу ли я быть премудрѣе Создавшаго меня? Аллахъ создалъ насъ для того, чтобы мы плодили землю и населяли ее, меня также какъ и другихъ. Для этого Аллахъ учредилъ бракъ и далъ обоимъ поламъ взаимныя желанія, итакъ человѣку должно, необходимо жениться! Таково было мнѣ внушеніе Всевышняго нынѣшнюю ночь, когда я получилъ извѣстіе, что моя Кизлярская плѣнница освѣщена лучемъ Аллаха и жаждетъ при-

---

[1]) *Джюнга*, пятница, празднуемая магометанами вмѣсто нашего воскресенія.

[2]) Это одно изъ главныхъ правилъ мюридства.

нять правовѣріе. Изъ этого я вижу, что она предназначена мнѣ въ жены; покорный велѣнію Всемогущаго, прошу васъ избрать между себя трехъ духовныхъ особъ, въ присутствіи которыхъ кизлярская Армянка, нареченная супруга Газы-Муллы приметъ правовѣріе Великаго Пророка!“

Между тѣмъ русскія войска приближались; Назрановцы оказывали лишь сильнѣйшій отпоръ; съѣстные припасы горцевъ истощались; Газы-Мулла рѣшился распустить свои полчища и возвратиться въ Гимры. Тутъ онъ засталъ свою Армянку уже мусульманкою; въ присутствіи трехъ почетныхъ эфенди, она поклялась на раскрытомъ коранѣ, держанномъ гимрійскимъ кадіемъ, что отрекается отъ вѣры предковъ своихъ и вступаетъ въ магометанство. Газы-Мулла этого только и ждалъ: онъ назначилъ день для брака, разослалъ повсюду въ горы сзывать народъ на свадебный пиръ и отрядилъ нѣсколько отрядовъ барантовать сосѣдственныя русскія области, чтобы имѣть нужное количество скота для угощенія ожидаемыхъ гостей. Въ горахъ распространился слухъ о дивномъ обращеніи Армянки въ мусльманство; изъ устъ въ уста переходили баснословные разсказы о великолѣпныхъ приготовленіяхъ Имана къ брачному пиру, вещь еще дотолѣ неслыханная въ краю, гдѣ стоическіе нравы не освящали обыкновеніемъ своимъ таковыя празднества.

Разныя племена съѣзжались. Газы-Мулла привѣтствовалъ всѣхъ съ необычайнымъ радушіемъ; льстилъ старѣйшинамъ и людямъ почетнымъ, только лишь на каѳедрѣ мечети, когда послѣ молитвы, онъ проповѣдывалъ коранъ, Иманъ являлся прежнимъ строгимъ, угрюмымъ, непоколебимымъ мужемъ. Страшны были въ его устахъ угрозы въ мести Аллаха, ужасны были его проклятія на тѣхъ, которые дерзнутъ измѣнить святому ученію, ими нынѣ принятому! Въ эти торжественныя минуты, Иманъ говорилъ, что близокъ часъ отчаянной борьбы съ Русскими: счастливъ тотъ, кто погибнетъ за святое дѣло; вѣнецъ безсмертія, вѣчныя радости и безпрестанныя наслажденія будутъ его наградою въ высшемъ небѣ. Тутъ Газы-Мулла самъ сознавался, что самъ жаждетъ славной смерти боевой, и говорилъ, что, когда его не станетъ, онъ избираетъ по себѣ преемникомъ первосвященства, одного изъ двухъ своихъ мюридовъ: Аварскаго ченку[1]) Гамзатъ Искендера или Гимрійца Шамиля, что Аллахъ долженъ указать, кото-

[1]) *Ченка,* родившійся отъ брака исправныхъ состояній. Это среднее положеніе между сыномъ законнымъ и побочнымъ. Когда отецъ *Уздень* (дворянинъ), а мать простая поселянка или мать княжна, а отецъ Уздень, и такъ далѣе, тогда сыновья *ченки.*

рому изъ двухъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе. Иманъ увѣщавалъ народы къ покорности его наслѣднику.

Это было раннею весной. По всему берегу Аварскаго Кой-су, въ окрестностяхъ Гимръ, лежали группами горцы и съ свойственной имъ лѣнью, машинально, смотрѣли на бѣшеный потокъ, который крутился, вздувался отъ потоковъ, стремящихся съ выси горъ, гдѣ таяли снѣга и взворачивалъ въ шумномъ руслѣ своемъ громады камней. Въ окрестныхъ садахъ соловьи своими трелями вторили ропотному журчанью водъ; пташки въ кустахъ пересказывали другъ другу взаимную любовь, горлицы нѣжно ворковали, гуляя по юной муравѣ, испещренной цвѣтами; могучіе орлы перекликались на вершинахъ скалъ; но горцы не обращали вниманія на эту дивную картину природы: одна мысль наполняли умы, одинъ разговоръ занималъ всѣхъ— это Газы-Мулла! Въ частныхъ бесѣдахъ разсыпались хвалами Иману, дивились его привѣтливости, гостепріимству, мудрости, святости. однимъ словомъ, Газы-Мулла никогда не былъ такъ могучъ и силенъ, какъ въ эту пору. Прежде страшились его казни, теперь его привѣтствіе побѣждало всѣ сердца.

III.

Je viens après mille ans changer ces lois grossières
Il faut un nouveau culte, de nouveaux fers,
Il faut un nouveau Dieu pour l'aveugle univers.

Mahomed de Voltaire.

Чѣмъ скрытнѣе человѣкъ, чѣмъ молчаливѣе онъ въ кругу людей, тѣмъ необходимѣе ему изрѣдка изліяніе чувствъ, совершенная откровенность: онъ отдыхаетъ, сбросивъ съ себя личину, въ которую облекается въ обществѣ. Но къ чему же эта личина, спросите вы? Причины, побуждающія носить ее столько же различны, сколько и свойства людей. Иной носитъ ее изъ желанія казаться умнѣе, чѣмъ есть; другой хочетъ скрыть подъ ней свои пороки; третій изъ робости не желаетъ показывать отвращенія или презрѣнія, которое чувствуетъ къ ближнимъ своимъ, къ ихъ пошлостямъ или низостямъ; четвертый боится быть смѣшнымъ и надѣваетъ личину; но цѣль ея всегда одна—заслужить уваженіе себѣ подобныхъ и пользоваться преимуществами этого уваженія.

Личина эта у людей просвѣщенныхъ бываетъ разнообразна и зависитъ отъ склонностей, воспитанія, ума и даже круга, въ кото-

ромъ человѣкъ живетъ. Необразованные, грубые азіатцы скрываютъ всѣ стремленія необузданныхъ страстей своихъ подъ личиною важности и глубокаго молчанія. По законамъ вѣры и обычаямъ, магометанинъ долженъ находиться въ вѣчной борьбѣ съ самыми сильными влеченіями каждаго человѣка. Переступивъ изъ за домашняго порога, мусульманинъ долженъ забыть даже о существованіи другого пола, кромѣ его собственнаго; всякое возвышенное чувство какъ напримѣръ: сыновняя или родительская любовь, нѣжность къ супругѣ или сестрѣ— все это слабость, позоръ, преступленіе для кавказскаго магометанина; а пуще всего позорны для него порывы человѣколюбія. Чтобы заслужить общее уваженіе въ горахъ, онъ долженъ казаться суровымъ, жестокимъ и совершенно одинокимъ на свѣтѣ, быть чуждъ всякаго рода привязанности. А потому, кавказскій мусульманинъ, опасаясь обнаружить какія либо чувства и тѣмъ измѣнить собственному характеру, носитъ непроницаемую маску суровости и притворнаго, глубокаго молчанія. Чѣмъ искуснѣе онъ разыгрываетъ эту роль, тѣмъ необходимѣй для него отдыхъ. Перейдя за высокія стѣны своего дома, гдѣ ни одно окно не пробито на улицу, онъ запираетъ крѣпко свои двери, разоблачается тѣлесно и нравственно, ласкаетъ жену, дѣтей, становится разговорчивъ, чувствителенъ, веселъ и только сохраняетъ отъ внѣшней личины своей непреклонное самовластіе, нетерпящее противорѣчія. Такая двоякая роль дѣлаетъ его ревнивымъ, какъ физически, такъ и нравственно: ему страшно и подумать, что жена его, полюбивъ другого, раскроетъ любовнику настоящій нравъ своего мужа. Вотъ причина, внушившая магометанамъ мысль запирать женскій полъ. Но это нисколько не дѣлаетъ женщинъ несчастными, какъ полагаютъ европейскіе филантропы: онѣ имѣютъ свои радости, свои наслажденія, правда, непонятныя для образованныхъ дамъ, однако не менѣе того существенныя; даже власть ихъ на мужей, хотя скрытнѣе, но не менѣе сильна европейскихъ женъ.

Газы-Мулла былъ магометанинъ, и по принятому имъ на себя характеру, долженъ былъ носить личину, еще болѣе непроницаемую, чѣмъ другіе его единовѣрцы, которыхъ онъ имѣлъ цѣлью обманывать. Поэтому понятно, что онъ нуждался въ женѣ и предпочелъ взять ее изъ плѣнницъ, не имѣвшихъ около себя никого близкаго, кому бъ передать тайны мужа; понятно также и счастіе Газы-Муллы, когда бракъ его совершился.

Пиршества долго не прекращались; Иманъ являлся передъ народомъ все по прежнему: его жизнь, повидимому, ничѣмъ не измѣнилась.

Покорный обычаямъ горцевъ, онъ засыпалъ поздно ночью въ своей кунакской, наполненной старѣйшинами, учеными и людьми духовными, которые расходились тогда только, когда Газы-Мулла послѣ дневныхъ трудовъ своихъ, предавался сну.

Едва уходили всѣ, какъ Иманъ переходилъ потаенною дверью въ комнату жены, гдѣ наслаждался всѣмъ счастіемъ, которое мусульманинъ можетъ найти въ бракѣ.

Покой, куда Газы-Мулла являлся любовникомъ и мужемъ, была довольно пространная, продолговатая комната, въ углубленіи которой, на богатыхъ коврахъ, лежали перины, служившія постелью и покрытыя парчевыми одѣялами, стеганными на ватѣ; въ изголовьи были огромныя пуховыя подушки въ штофныхъ чехлахъ. Неподалеку отъ постели, въ другой стѣнѣ, находился каминъ, гдѣ всегда горѣлъ веселый огонь; у противоположной стѣны, четвероугольные каменные столбы, суживающіеся кверху, поддерживали полки, закладенныя тюфяками, подушками, коврами и тому подобнымъ; на столбахъ висѣли зеркала и разная луженая посуда, между ими на полу стояли большіе, пестрые тюменскіе сундуки; позади одного изъ нихъ скрывалась потаенная дверь, въ которую входилъ каждую ночь Газы-Мулла. Комната эта была выкрашена бѣложелтоватою краскою, а каминъ и столбы, желтою вохрою. Кругомъ камина, столбовъ, наружной двери и единственнаго окна, залѣпленнаго бумагою, натертою жиромъ, были проведены широкія черныя полосы, въ видѣ украшеній; окно запиралось на ночь дубовыми створчатыми ставнями. На день постель прибиралась и на этомъ самомъ мѣстѣ, на разостланныхъ богатыхъ коврахъ, посреди роскошныхъ подушекъ, въ богатомъ нарядѣ, жена Газы-Муллы, окруженная почетнѣйшими женами Гимрійскими, ткала позументы и принимала старѣйшинъ и людей заслуженныхъ. На ночь все запиралось кругомъ, и она предавалась тайнымъ наслажденіямъ первыхъ брачныхъ ночей.

Спустя нѣсколько дней послѣ свадьбы, ужасная буря стонала ночью извнѣ, врываясь вихремъ въ щели дверей и окна брачнаго покоя. Иманъ всталъ съ ложа, совершилъ омовеніе, надѣлъ бешметъ и подпоясалъ его поясомъ, на которомъ висѣлъ кинжалъ, заткнулъ пистолетъ сбоку и сѣлъ противъ камина, гдѣ горѣлъ яркій огонь, освѣщавшій всю комнату. Армянка вѣроотступница лежала бокомъ на синемъ парчевомъ одѣялѣ, подложивъ подъ локоть круглую подушку, крытую краснымъ штофомъ. Она поддерживала рукою лицо; большіе

и выразительные глаза ея, полные истомы наслажденій, съ любовью покоились на Иманѣ. Двадцать четыре тоненькія черныя косы, сплетенныя на затылкѣ, небрежно падали по плечамъ; спереди, волоса ея были обстрижены коротко и ровно, какъ у русскихъ мужиковъ; на головѣ находился маленькій платочекъ яркаго цвѣта; въ ушахъ блестѣли алмазныя серьги, а бѣлую шею обвивала нитка крупнаго жемчуга—добыча Кизляра. Вся одежда ея состояла изъ длинной, бѣлой рубашки, застегнутой у воротника небольшою, бирюзовою запонкой; рукава широкіе къ низу обнажали совершенно ея руки; рубашка въ прихотливыхъ складкахъ лежала по недавно еще дѣвственному, юному тѣлу; изъ подъ нея розовые ноготки ногъ выглядывали наружу. Армянка не была красавица, но необычайная свѣжесть и огненное, пламенное выраженіе глазъ, дѣлало изъ нея существо, привлекательнѣе самихъ красавицъ. Газы-Мулла, проведя важно рукою по бородѣ и пробормотавъ обыкновенное ежечасное призваніе *Ла иль Алла*, зѣвнулъ протяжно и сказалъ:

„Я нарочно днемъ выспался, чтобы долѣе съ тобою побесѣдовать.“ —Мнѣ самой не хочется спать—отвѣчала Армянка. Потомъ, послѣ нѣкотораго молчанія, прибавила:—Чѣмъ больше смотрю на тебя, тѣмъ тверже вспоминаю твои черты; я гдѣ то тебя встрѣчала. Сдержи, *джана* (мой милый, мой другъ), свое обѣщаніе, раскажи, гдѣ мы съ тобою впервые встрѣтились?

Иманъ задумался, нахмурилъ брови, взглянулъ нѣсколько разъ на жену, потомъ сказалъ: „разсказать тебѣ это, значитъ открыть всю жизнь мою; но знай, что я ввѣряю тебѣ тайну важную—вотъ это будетъ мнѣ порукою въ твоемъ молчаніи.“ И Газы-Мулла, сведя опять брови, указалъ на кинжалъ. Немного спустя, онъ продолжалъ:

„Слушай же, что каждую ночь просишь тебѣ расказать. Родители назначали меня въ духовное званіе, а потому и отдали учиться арабской грамотѣ. Окончивъ ученіе, я былъ посвященъ въ Муллы и отправился въ Кизляръ, гдѣ открылъ школу, въ татарскомъ предмѣстіи, для дѣтей правовѣрныхъ; но это доставляло мнѣ лишь скудныя средства къ пропитанію; между тѣмъ дѣятельность моего нрава съ каждымъ днемъ развивалась болѣе, я жаждалъ трудовъ, кровь во мнѣ бушевала, избытокъ жизни томилъ, чтеніе арабскихъ книгъ возмущало воображеніе: жаждалъ чего-то и самъ не зналъ, что мнѣ нужно, сдѣлался несносенъ самъ себѣ, скучалъ всѣмъ, тосковалъ, между тѣмъ какая-то невѣдомая потребность всюду меня преслѣдовала, сама жизнь

была мнѣ въ тягость. Въ это время, потерявъ терпѣніе надъ собою, я рѣшился истомою тѣла заглушать непонятныя терзанія души. Послѣ двухъ-лѣтняго степеннаго управленія школою, я вдругъ предался распутству, промоталъ и пропилъ все, что имѣлъ для существованія. Родители моихъ учениковъ, оскорбленные моимъ соблазнительнымъ поведеніемъ, отняли у меня дѣтей, тогда я вынужденъ былъ искать дневное пропитаніе въ трудахъ поденщика, подъ именемъ Муллы-Магмета..."

—Мулла-Магметъ!—прервала вѣроотступница:—мнѣ что-то памятно это имя.—

„Да, Мулла-Магметъ нанимался днемъ у кизлярскихъ Армянъ работать въ ихъ виноградникахъ, а вечеромъ, на заработанныя деньги, съѣдалъ укромный кусокъ хлѣба и напивался пьянъ. О, какъ горьки были мнѣ эти деньги! Не удивительно, что я искалъ въ пьянствѣ средство усыпить огорченное самолюбіе. Мало того, что я зарабатывалъ ихъ по́томъ лица своего, но еще когда приходилъ часъ расплаты, надменные кизлярскіе Армяне, разными неправдами, хитростями удерживали одну часть слѣдующихъ мнѣ денегъ, а остальную выдавали съ дерзкимъ презрѣніемъ. Просить на нихъ было бы глупо; я очень хорошо зналъ, что все кругомъ имъ предано изъ корыстолюбія; а потому безпрерывно переходилъ отъ одного къ другому. Наконецъ я попалъ къ отцу твоему: онъ былъ еще хитрѣе своихъ единовѣрцевъ, но обходился ласково съ работниками; я работалъ у него уже два мѣсяца."

—Такъ это тамъ я тебя видала?—спросила жена Газы-Муллы.

„Да, ты меня видала въ саду отца своего; я часто издали любовался тобою, ты мнѣ нравилась: съ этой поры я сталъ тебя желать."

—Желать, а не любить?—замѣтила армянка.

„Да, желать" отвѣчалъ Иманъ, нахмуря брови. Послѣ короткаго молчанія, онъ опять провелъ по бородѣ и продолжалъ: „наконецъ утро окончательнаго разсчета настало; отецъ твой безсовѣстно меня обсчиталъ; я заспорилъ и онъ ударилъ меня. Я было кинулся на него; но онъ, ударомъ палки по головѣ, повергъ меня безъ чувствъ на землю. Товарищи меня вынесли, обмыли холодною водой, и я опомнился: месть, ужасная месть кипѣла во мнѣ, насилу дождался я вечера. Когда смерклось, съ кинжаломъ у пояса, я пошелъ къ дому отца твоего съ намѣреніемъ его убить, а тебя украсть и изнасильствовать.

Если же ты не согласишься бѣжать со мною въ горы, то умертвить и тебя. Ночь была темная; дождь ливмя лилъ, кое-когда перемежаясь градомъ; я стоялъ около крыльца вашего дома; собаки всѣ укрылись отъ непогоды, а если-бъ и бѣгали по двору, то они меня знали; терзанія души моей были ужасны въ этѣ минуты. Продрогъ я отъ мокроты, но меня оживляло чувство страха, если меня поймаютъ на преступленіи; жажда мести надъ твоимъ отцомъ и наслажденія съ тобою противоборствовали холоду осенней ночи и согрѣвали мою кровь. Я зналъ, что въ вашемъ большомъ домѣ, кромѣ твоего отца, матери, сестры твоей и тебя, никого не было, стало быть, умертвивъ главу семьи внезапно, нетрудно было бы довершить и остальное. Наконецъ дождь пересталъ; но темнота ночи еще болѣе усилилась; небо было черно и страшно; громы вдали перекатывались и лишь изрѣдка красная полоса молніи пересѣкала нависшія тучи. Колоколъ пробилъ девять разъ; загремѣли солдатскіе барабаны; дверь крыльца отворилась и предметъ моей мести вышелъ. Я далъ ему сдѣлать нѣсколько шаговъ; потомъ вдругъ закрылъ ему крѣпко шапкою ротъ, и лезвее остраго кинжала, настоящаго Базалая,[1]) пронзила ему сердце. Онъ упалъ на землю; молнія блеснула и что же увидѣлъ я? Не отца твоего я зарѣзалъ, но какого-то неизвѣстнаго мнѣ армянина.“

—О! я помню какъ это всѣхъ насъ перепугало! —прервала армянка:—но никто не могъ отгадать убійцы.—

Газы-Мулла молчалъ. Досада, злость выразились на лицѣ его. Немного спустя онъ продолжалъ:

„Дѣлать мнѣ въ Кизлярѣ уже было нечего; оставаться въ этомъ городѣ, гдѣ никто не понялъ бы, что я не могъ иначе поступить послѣ нанесенной мнѣ обиды—было опасно; я воспользовался темнотою ночи и пошелъ прямо къ Тереку; переплывъ черезъ эту рѣку, вышелъ на Казы-юртскую дорогу, шелъ по ней, днемъ скрываясь въ камышахъ, а ночью продолжая путь. Такимъ образомъ я добрался до деревни Мятли, гдѣ нашелъ гостепріимство и пріютъ у кунака (пріятеля, друга); тутъ уже никакая опасность не грозила мнѣ. Я сталъ помышлять о томъ, что бы мнѣ предпринять: съ одной стороны, я видѣлъ необходимость обезпечить свое существованіе, не имѣя ровно ничего; съ другой, я не могъ покинуть замысла мести надъ отцомъ твоимъ, не могъ и отказаться навсегда отъ тебя. Подстрекаемый этими чувствами, я

[1]) *Базалай*, славный оружейникъ въ Дагестанѣ, извѣстный по всему Кавказу.

рѣшился пристать къ извѣстной шайкѣ абрековъ Ичкиринской земли; но прежде всего захотѣлъ побывать въ Гимрахъ, на родинѣ своей. Когда пришелъ туда, во мнѣ родилось новое желаніе повидаться съ учителемъ моимъ, славнымъ Алимомъ[1]) Казіемъ-Магометомъ-Муллою; но это было не легко. Всѣ знали, что онъ живъ и живетъ отшельникомъ въ какой-то пещерѣ; но гдѣ именно, никто не могъ указать: это еще болѣе подстрекнуло мое желаніе. Я отправился въ верхній Табасарань, къ одному Муллѣ, бывшему нѣкогда любимымъ ученикомъ нашего наставника и нашелъ въ немъ строгаго блюстителя ученія Великаго Пророка, во всемъ смыслѣ праведнаго мужа. Онъ принялъ меня радушно; я разсказалъ ему о намѣреніи своемъ пристать къ абрекамъ и о желаніи видѣться прежде съ нашимъ учителемъ; просилъ его помочь въ послѣднемъ: онъ ничего на это не отвѣчалъ. На слѣдующій день, поздно вечеромъ, онъ меня разбудилъ и спросилъ, все ли я желаю видѣть Муршата Магметъ-Муллу; я отвѣчалъ утвердительно; тогда онъ велѣлъ мнѣ встать и идти за собою. Мы навьючили двухъ ословъ пищею и отправились безъ дорогъ и тропъ, по ужаснымъ чащамъ, то взбираясь на крутую гору, то карабкаясь на скалу, по каменьямъ и розсыпямъ. Наконецъ къ полуночи, мы взобрались съ большимъ трудомъ на превысокую гору, имѣющую съ одной стороны отвѣсную скалу; въ полускалѣ было отверстіе, мы спустились туда по аркану и очутились въ пространной, высокой пещерѣ. Въ одномъ углу сидѣлъ худой и строгаго вида старецъ, который передъ огнемъ варилъ себѣ кушанье; неподалеку отъ него, разостланный на камнѣ коверъ, бурка и деревянная колода въ изголовьѣ, составляли его постель. Въ стѣнѣ пещеры, выходя изъ трещины, журчала водяная струя и уходила въ другую трещину. Магметъ-Мулла принялъ меня строго, но благосклонно: онъ объявилъ, что я долженъ пробыть съ нимъ нѣсколько времени. Мы спустили также съѣстные припасы; я прибралъ ихъ; тогда мой спутникъ простился съ нами, вышелъ изъ пещеры, подобралъ арканъ и пошелъ назадъ въ свое селеніе. Я же остался съ Муршатомъ, который началъ меня испытывать: мое испытаніе продолжалось всю эту луну. Наконецъ, въ одно утро, послѣ ирты-намаза, Магметъ-Мулла объявилъ, что онъ избираетъ меня въ проповѣдники исправительнаго таригата, въ служители Аллаха, которому поклоненіе страшно упадаетъ среди нашихъ горныхъ племенъ; но что прежде этого, онъ долженъ еще посвятить меня въ великія тайны. Такимъ образомъ прошелъ годъ: этотъ муд-

[1]) *Алимъ*, всякій человѣкъ, извѣстный своей ученостію и пользующійся особеннымъ уваженіемъ народа.

рецъ пояснялъ мнѣ смыслъ правовѣрія, открывалъ тайны таригата, разсуждалъ о предметахъ шаріата, о способѣ привлекать, убѣждать и повелѣвать соотчичами. Бывало, по зорямъ, мы сиживали у отверстія пещеры и смотрѣли въ ущелье. Уединеніе, отшельническая жизнь, заставляла Магметъ-Муллу обращать на все окружающее созерцательное вниманіе—это обратилось ему въ привычку и потребность: онъ видѣлъ во всѣмъ символы, силясь читать ихъ смыслъ [1]) и старался научить меня тому же. Съ какою любовью къ природѣ онъ смотрѣлъ на оленя, ходившаго по зеленой полянѣ, на пташекъ, перелетавшихъ съ дерева на дерево, покуда дикій котъ коварно подкрадывался къ нимъ; иногда хищный волкъ или хитрая лисица, сторожившіе добычу, обращали вниманіе мудраго старца, то орлы, парившіе въ синевѣ небесъ, то медвѣдь, карабкавшійся на скалу и занимавшійся паденіемъ столкнутыхъ имъ камней, летѣвшихъ на дно пропасти; то медвѣдица, кормившая своихъ птенцовъ, иногда ласково ихъ облизывая, а иногда прихотливо дававшая имъ оплеухи богатырскою лапой. Но больше всего, его занимали облака, когда, спустившись на уровень пещеры, они изрыгали молніи и громъ разражался на окрестныхъ горахъ, раскидывая кругомъ обломки вѣковыхъ гранитовъ, а молніи огненными шарами клубились внизъ по скаламъ. Муршатъ вслушивался въ перекаты грома, въ ревъ бури и силился понять языкъ перуновъ. Вечеромъ, когда закатъ солнца производилъ тѣни, то старецъ, указывая на нихъ, повторялъ 50-й стихъ XVI-й главы Корана: *все созданное Аллахомъ наклоняетъ тѣнь свою направо и налѣво, дабы поклониться Ему и повернуться предъ Нимъ.* Когда же въ тихую, лѣтнюю ночь, свѣтила луна и пѣлъ соловей, онъ уныло внималъ его трелямъ, задумывался, и порою слеза выкатывалась изъ потускнѣвшихъ глазъ мудреца: онъ будто понималъ говоръ буль-буля и оплакивалъ грѣхи человѣческаго рода, лишившіе его правъ говорить чистымъ, благозвучнымъ языкомъ пернатаго пѣвца и небожителя. Кромѣ товарища моего, который привелъ меня къ Магметъ-Муллѣ и который доставлялъ намъ изрѣдка по ночамъ пищу и дрова, никто насъ не посѣщалъ. Иногда онъ бесѣдовалъ съ нами по нѣскольку часовъ, отдавалъ Муршату подробный отчетъ во всемъ, что происходило въ нашемъ отечествѣ; для этого онъ разсылалъ повсюду вѣрныхъ людей, которые доставляли ему нужныя свѣдѣнія. Однажды ночью, среди зимы, наставникъ мой сидѣлъ задумчиво у входа пещеры, свѣтъ луны ослѣпительно отражался на высяхъ горъ, покрытыхъ снѣгомъ, отвердѣ-

[1]) *Пчела* (заглавіе XVI главы Корана) гласитъ, что каждая вещь въ природѣ имѣетъ свое значеніе.

лыхъ отъ сильнаго мороза; наконецъ Магметъ-Мулла, пересѣвъ къ камину, углубился совершенно въ чтеніе Корана, а я между тѣмъ заснулъ. Настала полночь; я проснулся отъ непонятнаго шума: скалы ужасно трещали, все подо мной колебалось; смотрю въ страхѣ кругомъ себя и что же вижу я? Передо мной стоитъ Муршатъ, окруженный дивнымъ блескомъ; сѣдая борода его блестѣла какъ ледъ, а глаза сверкали страннымъ огнемъ; онъ держалъ въ одной рукѣ Коранъ, другую простеръ ко мнѣ, и твердымъ, громкимъ голосомъ, который ясно отдѣлялся отъ подземнаго гула, произнесъ: *Именемъ Аллаха, подвизаю тебя на священную войну за правовѣріе и да будешь ты нареченъ Газы*[1])*-Муллою!* Я повергся къ его стопамъ и съ трепетомъ слушалъ страшное пророчество вдохновеннаго мудреца. Наконецъ онъ умолкъ и я поднялъ голову; передо мной стоялъ уже не вдохновенный прорицатель, но старецъ, изнемогающій отъ истомы душевной. Послѣ того онъ лежалъ цѣлый мѣсяцъ обезсиленный; между тѣмъ товарищъ мой по прежнему посѣщалъ насъ, снабжая скудными съѣстными припасами: онъ приносилъ намъ извѣстія, что русскіе отряды сбираются, а горцы ополчаются. „Все предвѣщаетъ борьбу близкую, долгую, кровопролитную!“ говорилъ мудрецъ.

Послѣ одного такого посѣщенія товарища моего, когда мы остались одни, Магметъ-Мулла сказалъ мнѣ:—Ступай, Газы-Мулла, стань главою своихъ соотчичей, такова воля Аллаха! Проповѣдывай Его ученіе, прославляй Его, и оправдай имя Газы, данное тебѣ Его святымъ внушеніемъ. Будь справедливъ, твердъ, какъ левъ, проворенъ и лукавъ, какъ барсъ, и да рука Аллаха пребываетъ надъ тобою! Веди соотчичей на брань за правовѣріе; управляй ими по шаріату и тариґату, и избери вѣрнаго слугу, котораго могъ бы присылать ко мнѣ, когда понадобится тебѣ мой совѣтъ; но самъ рѣдко посѣщай меня.— Нѣсколько дней спустя, къ намъ явился опять мой товарищъ, и я обвязавъ мѣхъ своей шапки бѣлою чалмой, вышелъ съ нимъ изъ пещеры, гдѣ столь долгое время скрывался. Намѣреніе пристать къ абрекамъ я совершенно покинулъ и сталъ ходить изъ одного селенія въ другое, проповѣдуя по джонгамъ въ мечетяхъ новое ученіе. Народъ любилъ меня слушать, а муллы не враждовали на меня, потому что я представлялъ имъ всѣ денежные сборы, самъ довольствуясь однимъ пропитаніемъ. Между тѣмъ все готовилось къ борьбѣ съ гяурами: русскій отрядъ сбирался; горцы также стекались.—вся надежда соотчичей лежала на Бикъ-Булатѣ, Чеченцѣ, давно уже прославившемся

[1]) *Газы*, ведущій священную войну, сражающійся за правовѣріе.

въ бояхъ; но онъ былъ изувѣченъ ранами, удрученъ годами и къ тому-жъ предавался пьянству; а что хуже всего, онъ жилъ съ нѣкотораго времени въ мирѣ съ Русскими, стало быть, лишился довѣренности единовѣрцевъ; сподвижникъ его, Аукъ-Мулла, искусный убѣждать народы къ возстанію, не имѣлъ дара управлять ими и предводительствовать ихъ на войнѣ. Я явился въ станъ; молва о моемъ проповѣдованіи быстро разнеслась по ополченіямъ; первую джонгу, послѣ молитвы, я сталъ проповѣдывать свое ученіе, и весь станъ стекся слушать меня. Съ этой поры началась истинная власть моя; удачное дѣло Атлубуюма покорило мнѣ весь народъ, рядъ военныхъ успѣховъ, болѣе или менѣе значительныхъ, пріобрѣлъ мнѣ довѣренность соотчичей, а даръ предсказанія вселилъ въ нихъ благоговѣніе къ моей особѣ. Всѣ надѣли бѣлыя чалмы въ доказательство, что они сдѣлались мюридами. Нуждаясь въ средоточіи для своего мюридства, я избралъ мѣсто Агачь-Кала, окружилъ его высокими, крѣпкими, деревянными стѣнами и поселился тамъ съ избранными своими учениками. Тутъ мы были укрыты отъ нападеній враговъ, отъ покушеній подкупленныхъ убійцъ. Наши враги были гяуры, противъ которыхъ мы подвизались на брань. Дагестанскіе властелины, которыхъ мы изобличали въ порокахъ и несправедливостяхъ, муллы, которые уличены были въ непростительномъ корыстолюбіи, и наконецъ муртаты, которыхъ мы преслѣдовали за вѣроотступничество. Я самъ дивился, какъ все предсказанное въ страшную ночь Магметъ-Муллою сбывалось; и помышлялъ объ исполненіи его приказанія, выбрать себѣ двухъ преемниковъ. Выборъ мой палъ на мюридовъ Гамзатъ-Искендера, уроженца хутохскаго и Шамиля: первый преисполненный честолюбія—ченка богатой и сильной семьи Аварскихъ Бековъ; онъ пріобрѣлъ большую славу и извѣстность въ горахъ своей храбростію, дикою предпріимчивостію и наконецъ воинскимъ счастіемъ во время его набѣговъ на Кахетію. Другой, простой, бѣдный Гимріецъ, мой родной племянникъ: онъ замѣчателенъ своимъ умомъ, ученостію и лукавствомъ; на него я имѣю большія надежды; онъ наслѣдуетъ первому. Гамзатъ силою меча воцаритъ мое ученіе; но Шамиль, послѣ него, своимъ умомъ и витійствомъ убѣдитъ народы въ томъ, чему слѣдовали они дотолѣ изъ страха, и тогда Мюридство пуститъ уже настоящіе, надежные корни; племя за племенемъ будетъ присоединяться къ нему, и послѣднее предсказаніе Муршата сбудется. Хвала Аллаху! Премудрому, Всевѣдущему, Всесильному Аллаху! Я былъ могучъ, богатъ, счастливъ; смотря на это, я все помнилъ о дерзскомъ поступкѣ отца твоего и кипѣлъ местію, помнилъ тебя и желалъ. Все это вмѣстѣ подстрекнуло меня на смѣлое предпріятіе напасть на Кизляръ: я не отмстилъ отцу твоему, но получилъ тебя;

желалъ видѣть въ тебѣ правовѣрную, и Аллахъ просвѣтилъ тебя лучемъ свѣта. Великъ Аллахъ въ премудрости своей!"

Иманъ умолкъ. Послѣ короткаго молчанія, онъ продолжалъ: „теперь мое единственное желаніе умереть славно, съ оружіемъ въ рукахъ—смертію, достойною *Газы*. Я такъ полонъ счастія, что страшусь впасть опять въ бѣдствія; мое счастіе не можетъ продолжаться долго: я первый властелинъ среди горцевъ; они теперь находятся подъ вліяніемъ новизны и моихъ успѣховъ; но при первой неудачѣ, они опомнятся и захотятъ стряхнуть иго, которое, съ помощью Аллаха, я на нихъ наложилъ,—и тогда всѣ труды мои обратятся въ прахъ. Не то ожидаетъ Гамзата: наслѣдуя мнѣ, онъ будетъ пользоваться моимъ опытомъ и избѣгать ошибокъ, которыя я дѣлалъ по невѣдѣнію, онъ станетъ главою народа не по прихоти обстоятельствъ, какъ я, но обдуманно и согласно съ моей волей, нѣкоторымъ образомъ уже священной для горцевъ. Шамилю будетъ еще легче,—тогда народы привыкнутъ уже къ нововведенію и къ власти Имановъ!"

Газы-Мулла опять замолкъ и погрузился въ глубокое размышленіе. „О, власть, святая власть!" воскликнулъ онъ потомъ: „единое благо на землѣ! Ты даешь богатство, радости, уваженіе ближнихъ. счастіе! Ты мнѣ дала и эту милую жену!" Тутъ онъ прилегъ къ вѣроотступницѣ и сталъ ее ласкать; но она полусвоенравно, полу-нехотя оттолкнула его. „Ты меня желалъ, а не любилъ"—сказала она—„оставь, не трогай меня." Глаза Имана засверкали звѣрскимъ гнѣвомъ; ставъ на колѣни, онъ поднялъ надъ ней руку, вооруженную кинжаломъ. „Слушай!"—возопилъ онъ: „дочь собаки, гяура! не забывай, что сказано въ премудрой книгѣ *„жены ваши—ваше поле! Орите поле свое, когда и какъ хотите*[1])." Руки армянки въ мигъ очутились кругомъ шеи Газы-Муллы: „джана, джана!" произнесла она голосомъ нѣжнымъ и умоляющимъ... Въ эту минуту послышался ударъ въ потаенную дверь; вѣроотступница вздрогнула; Иманъ вкладывая спокойно кинжалъ въ ножны, спросилъ: кто тамъ! „Твой вѣрный Кара-Иса", отвѣчали ему за дверью.

Когда Иманъ вышелъ: Армянка заслонила потаенную дверь сундукомъ, завернулась въ одѣяло и преспокойно заснула, не помышляя вовсе о лезвеѣ кинжала, только-что сверкавшемъ надъ нею. Таковы всѣ женщины на Терекѣ и Кубани! Онѣ родились среди безпрерывно

[1]) Коранъ, глава II, Корова. Стихъ 223.

грозящихъ имъ опасностей; первыя впечатлѣнія ихъ дѣтства—впечатлѣнія ужасныя, кровавыя; среди ихъ онѣ растутъ, свыкаются съ ними, и, потомъ возмужавъ, тогда только трепещутъ, когда опасность въ ихъ глазахъ; лишь она миновалась, онѣ и не думаютъ о ней. Впрочемъ не таковъ ли вообще женскій нравъ! Не готова ли большая часть женщинъ жертвовать всѣмъ изъ тщеславія; а Армянка не была ли женою славнаго Газы-Муллы! кровавое оружіе, которое грозило ей на ложѣ радости, было только возданіемъ за почетный титулъ жены Имана, которымъ она дорожила выше всего.

Возвратясь въ свой покой, Газы-Мулла прочелъ письмо, поданное ему Кара-Исою отъ Магметъ-Муллы, къ которому онъ былъ тайно посланъ. Старецъ извѣщалъ ученика о приготовленіяхъ Русскихъ къ экспедиціи и передавалъ ему подробно всѣ свѣдѣнія, полученныя имъ. Иманъ задумался, потомъ приказалъ Кара-Исѣ пробыть скрытно весь слѣдующій день, такъ, чтобы никто не могъ и подозрѣвать его присутствія; самъ же легъ въ постель и заснулъ.

Муэззинъ на минаретѣ сзывалъ правовѣрныхъ къ молитвѣ; народъ стекался со всѣхъ сторонъ въ нагольныхъ тулупахъ, накинутыхъ на плеча, и въ туфляхъ на высокихъ каблукахъ. Муллы важно шли въ мечеть въ длинныхъ кафтанахъ, съ длинными тростями въ рукахъ и мѣдными персидскими чернильницами, заткнутыми за поясъ. Явился и Гимрійскій кади съ нѣсколькими эфендіями; одинъ Иманъ не шелъ. Изъ мечети послали къ нему почетныхъ лицъ просить приказанія, не начинать ли службу безъ него? Посланные застали Газы-Муллу посреди пространнаго двора, приникшаго головою къ землѣ и молящагося: открытый коранъ лежалъ передъ нимъ, онъ изрѣдка въ него смотрѣлъ и потомъ опять предавался молитвѣ, возвращаясь къ прежнему положенію тѣла. Старѣйшины объявили, что Имана не возможно оторвать отъ молитвы и разсказали, какъ его застали; народъ превозносилъ его набожность: старшій эфенди началъ службу; по окончаніи ея, всѣ собрались на дворъ Имана; Газы-Мулла все продолжалъ молиться не внимая ничему, что происходило вокругъ него. Приверженцы его разсказывали между тѣмъ присутствующимъ, что это бываетъ съ Имамомъ каждый разъ, когда Аллахъ раскрываетъ передъ нимъ занавѣсъ будущаго, говорили, что должно ожидать изъ устъ его пророчества. Народъ благоговѣлъ передъ властелиномъ своимъ и въ торжественномъ молчаніи ожидалъ. Наконецъ Газы-Мулла вздохнувъ тяжело приподнялъ голову и, стоя на колѣняхъ, лицомъ къ югу, съ зажмуренными глазами, началъ говорить тихо, протяжно и внятно слѣдую-

щее: „Я, Аллахъ Всевѣдующій и Всесильный, глаголю Газы-Муллѣ, Иману моему—молитва да крѣпитъ человѣка, возвѣсти это Правовѣрнымъ! Имъ нужна сила и крѣпость, гяуры стекаются отовсюду и готовятся на брань; даже Сардарь[1]) съ многочисленными ратями поднялся уже на снѣги горъ—это ополченіе враговъ идетъ на меня и избранныхъ моихъ, любимыхъ племенъ! Мужайтесь и вооружитесь, борьба сильная предстоитъ! Счастливъ тотъ, кто погибнетъ въ страшной брани! Ему вѣчное ликованіе въ небѣ моего Пророка! Но не всѣ останутся вѣрны мнѣ; многіе будутъ обольщены гяурами и покинутъ меня, и твое знамя, мой Избранный Иманъ! Да ляжетъ на нихъ проклятіе, твоя и преемниковъ твоихъ кара! Послѣ многихъ бѣдствій, ужасныхъ кровопролитій, они возвратятся къ тебѣ: истина бо лучше лжи!“

Газы-Мулла умолкъ. Вся толпа съ благоговѣніемъ въ полголоса повторила: „Ла иль Алла, Мухметъ резуль Алла, Газы-Мулла Иманъ Гагазамъ![2])“

Иманъ послѣ того всталъ и обратясь къ народу сказалъ: „Правовѣрные! Вы слышали голосъ Аллаха! Враги собираются, они многочисленны и сильны; но мы сильнѣе, потому что Аллахъ съ нами. Вы знаете, что гласитъ вамъ пророкъ въ истинной книгѣ о помощи Всесильнаго своимъ воинамъ: горсть побѣждала многочисленныя рати невѣрныхъ, незримыя полчища небожителей были ихъ союзниками. Молитесь и надѣйтесь. Ступайте теперь въ свои деревни, вооружайте ихъ и будьте готовы идти, куда я васъ поведу. Помните, что проклятіе Аллаха, кара моя и моихъ преемниковъ ляжетъ на измѣнниковъ—такова воля Премудраго! Прежде чѣмъ разойтись, поклянитесь мнѣ и другъ другу не измѣнять, быть вѣрну святому дѣлу.“ Тутъ Иманъ громко закричалъ: „Шамиль! Знамя на крышу моего дома!“ И въ мигъ оно развѣвалось въ воздухѣ на кровлѣ дома Газы-Муллы. Увидѣвъ этотъ призывъ къ брани, весь народъ закипѣлъ воинскимъ рвеніемъ и воздухъ огласился клятвами всѣхъ присутствующихъ.

Послѣ того всѣ разошлись и стали сбираться, чтобы ѣхать каждый во свояси.

---

[1]) Такъ называютъ горцы командира отдѣльнаго Кавказскаго корпуса.

[2]) *Иманъ Гагазамъ*, святой, великій, мудрый апостолъ.

IV.

No uselejs coffin emlosed his breast
Not in sheet or in shroud we wound him,
But he lay like a warrior taking his rest,
With his martial cloak around him.

(On the death of Sir John Moore.)

Со всѣхъ концовъ Кавказа и Закавказа войска сходились въ Чечню: русскій отрядъ весело готовился къ бою въ этомъ роскошномъ краю. Горцы съ своей стороны сбѣгались къ извѣстному знамени Имана Газы-Муллы; но не долго оставались въ сборѣ: муршатъ, наставивъ ихъ, какимъ образомъ вести отечественный коззаветъ (священную войну), распустилъ по домамъ. Онъ училъ ихъ, какъ пользоваться лѣсами, горами и сражаться въ одиночку, нападать преимущественно во время фуражировокъ и частныхъ поисковъ Русскихъ; но строго запретилъ толпами выходить на брань съ гяурами, предупредивъ, что, когда настанетъ тому пора, онъ извѣститъ всѣ племена,—и тогда, согласно предписанію Корана, всякій, могущій нести оружіе долженъ явиться къ назначенному сборному мѣсту. Самъ же Газы-Мулла съ горстію избранныхъ не возвратился въ Гимры; но, шатаясь вокругъ русскаго отряда, слѣдилъ за всѣми его дѣйствіями и предпріятіями, заводилъ при всякомъ удобномъ случаѣ перестрѣлки, или, усиливъ мгновенно свой отрядъ, являлся внезапно въ предѣлахъ линіи, грабилъ, рѣзалъ, истреблялъ все, попадающееся ему, и еще скорѣе, чѣмъ пришелъ, возвращался къ себѣ, скрывая свои слѣды въ лѣсныхъ трущобахъ отъ преслѣдованія линейныхъ казаковъ. Съ обѣихъ враждующихъ сторонъ, подвиги и предпріимчивости ознаменовали каждый день. Къ числу ихъ принадлежитъ славная смерть полковника Волженскаго, шестидесятилѣтняго почтеннаго старца, русскаго витязя на Кавказѣ. Съ горстію храбрыхъ казаковъ Гребенскаго полка, онъ ворвался въ Шавдонскую деревню Ичкиринскаго племени; вытѣсненный оттуда, онъ былъ опрокинутъ на пространное поле и тамъ окруженъ толпами горцевъ, предводительствуемыхъ самимъ начальникомъ кавалеріи Газы-Муллы—Костековскимъ; ханомъ Актоллоивомъ, бывшимъ поручикомъ храбраго 43-го егерскаго полка. Во время общаго волненія умовъ посреди Кавказцевъ, произведеннаго ученіемъ Газы-Муллы, Актоллоивъ покинулъ русскія знамена и присоединился къ мюридамъ. Волженскій, окруженный горцами, бралъ съ боя каждую пядь земли, по которой отступалъ; посреди неустрашимыхъ казаковъ своихъ, онъ хладнокровно распоряжался однимъ линейнымъ казачьимъ орудіемъ, бывшимъ у него, и не

обращалъ вниманія на двѣ ружейныя раны, которыя только-что получилъ: одна пуля пробила ему насквозь спину и грудь, другая ударила на вылетъ въ обѣ щеки, этѣ раны не были даже перевязаны. Между тѣмъ ряды казаковъ ежеминутно рѣдѣли; у орудія оставалось только двѣ лошади; но горсть храбрыхъ не унывала. Вдругъ одна изъ этихъ двухъ лошадей падаетъ убитая; непріятель, увидѣвъ это, испускаетъ дикіе, радостные крики и бросается на казаковъ въ штыки; эти твердо его встрѣчаютъ. Волженскій не потерялся: онъ своеручно изрубаетъ трехъ горцевъ, подбѣжавшихъ къ нему одинъ за другимъ; три мюрида нападаютъ на него, однимъ ударомъ шашки раскраиваетъ правое плечо старика—и рука отваливается, шашка выпадаетъ. Полковникъ дѣлаетъ шагъ къ орудію, лѣвою рукою перекидываетъ чрезъ единорогъ висящую руку свою и обнимаетъ орудіе. Въ эту минуту его изрубаютъ до смерти: на немъ насчитали сорокъ четыре раны. Сподвижники его всѣ погибли; сѣча была ужасная; съ обѣихъ сторонъ утрата людей значительная, но ни раненаго, ни плѣннаго не было ни единаго, какъ у Русскихъ, такъ и у горцевъ; трупы нашихъ оставались нѣсколько дней добычею волковъ и орловъ. Недалеко отъ этого поля, въ станицѣ Червленной оставался старикъ, денщикъ Волженскаго, который всюду сопутствовалъ господину своему въ продолженіе всей долгой и трудной боевой его жизни. Вѣсть о погибели полковника доходитъ до него, денщикъ со слезами отчаянія молитъ найти трупъ Волженскаго, но никто не берется его доставить; онъ самъ рѣшается идти за нимъ, но его не пускаютъ. Ужасная мысль приводитъ въ содраганіе всѣ чувства благочестиваго старика: полковникъ не будетъ отпѣтъ священникомъ, его тѣло не ляжетъ въ освященную землю, между тѣмъ зной Августа мѣсяца великъ, тѣло скоро истлѣетъ, такъ что его и не узнаешь; да вотъ и орлы летятъ уже къ роковому полю: ужели трупъ храбраго и достойнаго полковника достанется въ пищу хищнымъ птицамъ и звѣрямъ, которые, сюря между собой, станутъ рвать эту благородную грудь и разбросаютъ кости? Нѣтъ, это не должно быть! Этого не будетъ! Денщикъ не допуститъ! И дряхлый старикъ пошелъ считать деньги, которыя онъ въ продолженіе тридцати лѣтъ грошами и копейками накоплялъ—это была вся его надежда на будущее существованіе, когда удрученнаго годами и трудами, его выпустятъ въ отставку на родину, гдѣ, бездомный, онъ найдетъ лишь могилы тѣхъ, которые могли бы и захотѣли его призрѣть. Онъ засыпалъ всякую ночь спокойно, зная, что у него есть, по крайней мѣрѣ, чѣмъ прокормиться съ годъ, не скитаясь по міру. Но теперь онъ пересчиталъ свои деньги; у него пятьдесятъ рублей серебромъ собственныхъ, да двѣсти рублей серебромъ Волженскаго; на послѣдніе онъ не

имѣетъ права, притомъ надо полковника похоронить и поминки ему справить. Деницкъ идетъ къ лавочнику-Армянину и проситъ его уговорить какого-нибудь мирнаго чеченца ѣхать за тѣломъ убитаго. Послѣ долгаго торга, одинъ молодой горецъ взялся за пятьдесятъ рублей серебромъ исполнить просьбу вѣрнаго слуги. Онъ отправился на мѣсто, гдѣ погибъ храбрый воинъ, смѣло выдержалъ нападеніе волковъ и чекалокъ, съ остервенѣніемъ оспаривавшихъ добычу, побѣдилъ ихъ съ помощію непріятельскаго разъѣзда, который стерегъ, не поѣдетъ ли гяуръ за какимъ-нибудь валявшимся тѣломъ, и къ свѣту привезъ изрубленный, изгрызенный трупъ Волженскаго благородному, чувствительному денщику. Этотъ, полный благодарности, обнимаетъ Чеченца и выдаетъ ему тотчасъ деньги; потомъ бросается, обнимаетъ тѣло храбраго полковника, приговаривая: „Ну, Ваше Высокоблагородіе, Иванъ Дмитріевичъ, слава Богу, васъ теперь отпоютъ и положатъ съ честію въ святую землю, похоронятъ съ народомъ и со всѣмъ причтомъ; мнѣ же не нажить другого такого отца!“ У Волженскаго не было другой родни на свѣтѣ, кромѣ старухи-сестры, которая жила гдѣ-то въ Курской губерніи помощію, получаемою отъ брата. Дошли ли до нея всѣ эти подробности? Едва ли... А если-бъ и дошли, то, вѣрно, теперь никто уже объ этомъ не помнитъ, или вовсе не знаетъ. И вотъ, человѣкъ, вся твоя слава, за которою ты гоняешься всю жизнь, для которой всѣмъ жертвуешь!... Ты сталъ холоднымъ трупомъ—и всѣ тебя забыли!—Счастливъ еще тотъ, кто умѣлъ заслужить любовь вѣрнаго слуги, который изъ привязанности пожертвуетъ всѣмъ достояніемъ своимъ, чтобы отдать тебѣ послѣдній долгъ!...

Да! въ подобныхъ простыхъ быляхъ гораздо болѣе поучительнаго для мыслящаго существа, чѣмъ въ вѣковыхъ скрижаляхъ или въ цѣлыхъ томахъ нравоучительныхъ преній, въ которыхъ всякій силится лишь блеснуть умомъ и витійствомъ. И что сталось со всѣми гордецами, проповѣдывавшими добродѣтели, которыя сами не всегда исполняли? Иныхъ и слѣдъ простылъ, а другихъ, какой-нибудь автоматъ—наборщикъ книгопечатанія, перепечатывая каталогъ гордой библіотеки, лишь набираетъ имена, вовсе не помышляя о людяхъ, ихъ носившихъ! Удивительно ли это? Но можно ли роптать на такую участь, когда даже всѣ бывшіе вѣнценосные витязи, благодѣтели своихъ народовъ или ихъ бичи, ихъ Набуходоносоры, когда Александръ Невскій, Димитрій Донской, Скопинъ Шуйскій, Батый, Мамай, ничто иное, какъ имена, которыя каждый образованный человѣкъ произноситъ разъ въ жизни, когда въ дѣтствѣ за школьнымъ столомъ, проходитъ Отечественную Исторію; между тѣмъ, какъ большая часть народа и не по-

дозрѣваетъ, что существовали когда-нибудь эти люди? Многіе ли изъ толпящихся въ Кремлѣ нашей Бѣлокаменной помышляютъ о томъ, что многія изъ этихъ зданій воздвигнуты Годуновымъ во время страшнаго голода, чтобы доставлять пропитаніе народу, не отучивая его пріобрѣтать хлѣбъ трудами? Кто, свѣсивъ всѣ дѣянія Годунова, сдѣлаетъ ему приговоръ въ своемъ мнѣніи? Вѣрно, никто. Что все прошлое на землѣ? Гордость и суета! Нравственное, духовное—вотъ одно истинное, существенное, приносящее плоды въ лучшемъ мірѣ, куда мы всѣ идемъ равно, гдѣ правосудіе и возмездіе по дѣяніямъ ожидаетъ насъ!...

Но не о томъ думалъ русскій отрядъ въ Чечнѣ: привычка и ежедневное упражненіе въ бояхъ научили его не знать опасностей; дни текли въ трудахъ и подвигахъ, въ воинственныхъ разсказахъ, какъ горстъ изувѣровъ, рѣшась не даваться гяурамъ, заперлась въ мечеть и отчаянно защищалась; потомъ съ засученными рукавами, съ обнаженной шашкою въ одной рукѣ и голымъ кинжаломъ въ другой, какъ они кидались посреди осаждающихъ батальоновъ, напѣвая стихи изъ корана и погибая мужественно, безъ стона, безъ вопля, на русскихъ штыкахъ, рубя встрѣчнаго и поперечнаго: подобныя-то повѣствованія занимали лагерь. Вечеромъ заревая ракета вздымалась высоко въ небо и въ то мгновеніе, когда она лопалась въ воздухѣ, раздавался выстрѣлъ заревой пушки, эхо перекатывалось еще въ горахъ, когда по всему обширному лагерю начинали бить вечернюю зарю. Печальные унылые звуки, особенно въ военномъ станѣ! Они будто оплакиваютъ погибшихъ въ этотъ день, а въ живыхъ рождаютъ мысль: „я живъ еще; но, быть можетъ, послѣднюю зарю слышу я!“ Заря пробита и весь лагерь прославляетъ единаго Бога на разныхъ языкахъ, многоразличными обрядами. И солдаты Рускаго Царя, набранные изъ всѣхъ областей исполинскаго государства, изъ Кавказскихъ и Закавказскихъ милицій, изъ чужестранцевъ, христіане, и мусульмане—всѣ вмѣстѣ молятся на столькихъ же языкахъ, сколько тутъ различныхъ племенъ. Но всѣ ли они искренни, всѣ ли дружны между собой? О, нѣтъ, далеко нѣтъ! Сколько тутъ противорѣчія въ—страстяхъ, убѣжденіяхъ, видахъ и расчетахъ! Посреди этой массы бушуетъ вражда кровная, вражда наслѣдственная, вражда религіозная! Вчера, быть можетъ, они рѣзались: нельзя поручиться, что и завтра не пойдутъ другъ на друга! Странно, подумать, сколько сѣмянъ раздора посѣяно въ родѣ человѣческомъ! И все это развиваетъ столь сильныя вражды, вражды непримиримыя! Странно, подумаешь, какъ человѣческій умъ напрягается, чтобы изобрѣсть средства истреблять себѣ подобныхъ! Какъ

будто бы мы не созданы безъ того для смерти и забвенія; какъ будто человѣку нѣтъ мѣста истлѣть тамъ, гдѣ онъ родился. Зачѣмъ искать другой смерти, чѣмъ той, которую опредѣлила сама природа, и могилу далеко отъ родины!...

Но теперь, среди стана, всѣ частныя ненависти молчатъ передъ властію Сардаря, передъ надеждой на чины, награды и добычу въ грабежѣ; всѣ ложатся спать, многіе въ послѣдній разъ! Лишь цѣпные часовые перекликаются между собой, да чекалки вдали имъ вторятъ, и сова, испуганная подкрадывающимся врагомъ или украдкою уходящимъ дезертиромъ, слетаетъ шумно съ вѣтви и разглашаетъ по воздуху зловѣщій крикъ свой. Часа два уже весь лагерь покоится сномъ; одинъ Сардарь сидитъ въ своей палаткѣ передъ столомъ, на которомъ раскинута карта, освѣщенная множествомъ свѣчъ; нѣсколько офицеровъ разныхъ чиновъ стоятъ передъ нимъ, въ числѣ ихъ находится избранный на эту ночь: онъ начальникъ отряда, посылаемаго въ набѣгъ. Сардарь отдалъ приказаніе—и всѣ выходятъ. По лагерю разсыпались ординарцы и адъютанты: они передаютъ шопотомъ приказаніе. Наряженные батальоны становятся въ ружье, къ нимъ присоединяется артилерія со спрятанными фитилями, съ подвернутыми цѣпями, и весь отрядъ, молча, выступаетъ; идетъ онъ такъ тихо, что даже птицы лѣсовъ, около которыхъ проходитъ, не пробуждаются; лишь собаки въ окрестныхъ аулахъ, чуя въ воздухѣ движеніе враговъ, протяжнымъ воемъ прерываютъ глубокую тишину природы.

Передъ разсвѣтомъ, отрядъ ложится въ скрытомъ мѣстѣ, недоходя до аула назначеннаго на истребленіе: идти далѣе ночной темнотою опасно; ну, какъ проводники измѣнили—вѣдь они иноземцы! Да и непріятель могъ открыть движеніе колонны и притаиться: дождаться свѣта всего вѣрнѣе, по крайней мѣрѣ, не попадешь въ засаду! Солдаты лежатъ съ ружьями своими, двадцатипятилѣтними неразлучными спутниками въ рукахъ и слушаютъ, сквозь дремоту, какъ поютъ пѣтухи въ аулѣ; многіе готовятъ свои желудки на одну лакомую добычу, которая должна будетъ доставить имъ на слѣдующій день вкусную пищу. Между тѣмъ кое-когда слышался лай собакъ и воины про себя занимались разгадываніемъ причинъ лая псовъ; воображеніе рисовало имъ: то вора, крадущагося по улицамъ деревни, то героя любовнаго приключенія, возвращающагося домой съ истомою наслажденія, или тщетнаго ожиданія. Наконецъ и заря стала заниматься. Шопотъ пронесся по рядамъ войскъ: „становись.“ Опытный солдатъ, вставая, смотритъ на полку своего ружья, не высыпался ли порохъ, и вытираетъ ее отъ ночной

росы. Вотъ колонна рушилась; войско идетъ полудремля; иному снятся разныя сновидѣнія,—но вдругъ раздался ружейный выстрѣлъ—и все пробудилось. Непріятельскій караулъ далъ знать о приближеніи опасности; неугомонный лай псовъ доказываетъ суету на улицахъ близъ лежащаго аула. Вотъ и лихіе, безстрашные линейные казаки понеслись обскакать деревню; артиллерія построилась противу нея и очищаетъ непріятельскіе завалы. Едва умолкла она, какъ батальонъ бѣжитъ уже на приступъ съ ружьемъ на перевѣсъ и съ дикими криками „ура!“ Между тѣмъ казаки доскакали; поднялась стрѣльба; враги встрѣтились; съ обѣихъ сторонъ валятся убитые и раненые, но Чеченцевъ болѣе, чѣмъ Русскихъ; они бѣгутъ, ихъ преслѣдуютъ. Казаки въ изступленіи не чувствуютъ себя, кровь ихъ кипитъ, лица побагровѣли—это сдѣлались не люди, а лютые звѣри, имъ нужна кровь, необходимы трупы! Линейцы рубятъ все что имъ попадается, всѣхъ кого могутъ догнать: здѣсь упалъ маститый старецъ, „смерть ему! онъ разжигалъ мятежъ въ сердцахъ юношей!“ Тутъ лежитъ женщина съ грудным ребенкомъ: „смерть обѣимъ! одна вскармливала врага, другой со временемъ сражался бы.“ Тамъ простертъ изрубленный юноша: „смерть ему! однимъ врагомъ на свѣтѣ меньше.“ Далѣе валяется прелестная дѣва: „смерть ей! она была бы матерью нѣсколькихъ враговъ.“ Но вотъ казакъ въ кровавомъ влеченіи своемъ пріостановился надъ нею: ея богатый уборъ прельстилъ его; онъ обдираетъ прекрасный этотъ трупъ. Въ аулѣ вторятъ битвѣ поля; но тамъ дерутся одни воины, здѣсь защищается все—мужчины, женщины и дѣти; всякой штыкъ колетъ, всякій прикладъ ломитъ; на улицахъ валяются трупы разныхъ половъ и возрастовъ, разбитые сундуки и разные пожитки. Когда не стало враговъ, не въ кого стрѣлять, тогда солдаты принялись истреблять съ тѣмъ же остервененіемъ домашнюю птицу на сучьяхъ садовыхъ деревъ.

Бой прекратился. Батальоны становятся на привалъ и варятъ въ котлахъ добычу. Окончивъ трапезу и отдохнувъ, бьется подъемъ; деревня зажигается, а колонна уходитъ назадъ, гоня передъ собою плѣнныхъ и баранту, забравъ своихъ раненыхъ и убитыхъ. Возвратясь уже поздно къ главному отряду, это войско располагается на ночной отдыхъ, а другое наряжается на подобный поискъ, если не предназначено движенія цѣлымъ отрядомъ.

На слѣдующее утро стоялъ парадъ. Изъ церковной ставки вынесли трупы убитыхъ наканунѣ и умершихъ отъ ранъ, зашитые въ боевыхъ плащахъ. Духовенство въ полномъ облаченіи пошло впередъ, поючи погребальныя молитвы; позади военная музыка уныло играла

похоронный маршъ; за нею весь парадъ слѣдовалъ безмолвно съ опрокинутыми ружьями. Раздались залпы, и храбрые легли въ землю: послѣднія почести отданы христіанину и воину. Музыка возвратилась назадъ и воздухъ наполнялся веселыми ея звуками. Никто въ лагерѣ не помнилъ болѣе о похороненныхъ, и къ чему бъ послужило это воспоминаніе? Умъ человѣческій, никакія познанія, никакое имущество не въ силахъ ихъ воскресить! Они совершили земное поприще, каждый по своимъ склонностямъ, убѣжденіямъ, страстямъ; слѣдственно они должны были покориться и послѣднему назначенію природы, служить пищею могильному червю, утучнить землю, въ которую легли.

Грустно, даже отвратительно помышлять о тлѣніи посреди нѣги и роскоши, изобрѣтенныхъ богатствомъ; но на Кавказѣ истинный воинъ видитъ въ смерти давно желанный отдыхъ отъ трудовъ и лишеній, непонятныхъ баловнямъ природы. Онъ не заботится о томъ, что станется съ его трупомъ; опытъ говоритъ ему, что рѣдкій возвращается изъ этого воинственнаго, кроваваго края, слѣдственно, ему все равно умереть сегодня или послѣзавтра. Когда же поразмыслитъ, то еще предпочитаетъ погибнуть сегодня, чтобы избѣгнуть завтрашнихъ трудовъ; поэтому, покорный долгу чести, если умѣютъ ему внушить это возвышенное чувство, онъ пренебрегаетъ опасностями и творитъ геройскіе подвиги безъ всякаго тщеславія. Чеченцу, въ свою очередь, досталась въ удѣлъ жизнь суровая, безъ радостей, полная нуждъ и лишеній, горестей, трудовъ и опасностей; вѣра въ предопредѣленіе непоколебима въ немъ; наконецъ, если погибнетъ онъ въ бою противъ гяуровъ, его ожидаетъ почесть, которой онъ цѣлою жизнью домогается: на его могилѣ поставится высокій шестъ съ развѣвающимся флюгеромъ—это служитъ ему наградою за земныя доблести и передаетъ въ потомство его геройскіе подвиги, свидѣтельствуетъ о немъ, какъ о вѣрномъ, ревностномъ мусульманинѣ—единственныя гражданскія добродѣтели, существующія посреди этихъ племянъ! Чтобы удостоиться такаго надгробнаго памятника, который долженъ передавать его имя изъ рода въ родъ, онъ совершаетъ при жизни изумительные примѣры мужества—вотъ тайна, изъ которой проистекаетъ неимовѣрная храбрость кавказскихъ природныхъ жителей.

Каждаго животнаго водятъ какою либо приманкой: волка—падалью, чеченца—надгробнымъ памятникомъ и такъ далѣе!!..

ОТЪ РОМАНОВСКАГО КОМИТЕТА

И иже аще напоитъ единаго отъ малыхъ сихъ чашею студены воды токмо, во имя ученика, аминь глаголю вамъ, не погубитъ мзды своея.
(Ев. отъ Матѳ. гл. 10, ст. 42).

Неслыханна по своей жестокости нынѣшняя война. Съ беззавѣтною храбростью чудо-богатыри наши отдаютъ свою жизнь на защиту родины отъ кровожаднаго врага. Много сиротъ остается послѣ нихъ въ деревняхъ и селахъ нашихъ.

Священный долгъ родины спасти этихъ сиротъ отъ физической и нравственной гибели и обезпечить имъ призрѣніе и воспитаніе.

Состоящій подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Покровительствомъ Романовскій Комитетъ уже остановилъ свое вниманіе на этой потребности. Къ земскимъ учрежденіямъ уже обращена просьба создать при его помощи сѣть воспитательныхъ учрежденій, приспособленныхъ къ крестьянскому быту, въ которыхъ осиротѣвшія вслѣдствіе войны дѣти могли бы получать необходимыя ремесленныя или сельско-хозяйственныя познанія, обезпечивающія имъ въ будущемъ хорошій заработокъ. Но изъ имѣющихся въ распоряженіи Комитета казенныхъ средствъ онъ можетъ оказывать созданію и содержанію подобныхъ заведеній лишь ограниченную помощь, въ размѣрѣ половины средствъ, предназначаемыхъ для сего мѣстными учрежденіями.

Чтобы создать нѣчто достойное Великой Россіи и дѣйствительно, а не только на словахъ, воздать хотя бы отчасти нашимъ храбрецамъ, въ лицѣ ихъ потомства, благодарность родины—нуженъ обильный притокъ доброхотныхъ пожертвованій.

Комитетъ вѣритъ, что таковыя притекутъ. Каждая, хотя бы и самая ничтожная, лепта будетъ принята съ горячею благодарностью, будетъ израсходована съ строгою бережливостью и въ ней будетъ отданъ публичный отчетъ.

ПОЖЕРТВОВАНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ:

1. Въ Канцеляріи Совѣта Министровъ (по Романовскому Комитету)—Петроградъ ул. Жуковскаго, 59, ежедневно отъ 1 до 5 часовъ дня.

2. Въ Конторахъ и отдѣленіяхъ Государственнаго Банка.

3. Во всѣхъ казначействахъ Имперіи.

Пожертвованія, отправленныя денежными переводами, адресуются на имя Романовскаго Комитета въ Петроградъ (ул. Жуковскаго, 59).

Открыта подписка на 1915 годъ

на ежемѣсячный литературно-политическій журналъ

РУССКАЯ МЫСЛЬ

Редакторъ-издатель **П. Б. Струве.**

Въ 1915 году журналъ будетъ издаваться по тому же плану и при участіи тѣхъ же литературныхъ силъ, что и въ предшествующіе годы.

Кромѣ беллетристическихъ произведеній, стихотвореній, литературныхъ, научныхъ и публицистическихъ статей, въ журналѣ постоянно печатаются слѣдующіе отдѣлы:

1. **Матеріалы по исторіи Русской литературы и культуры.**
2. **Въ Россіи и за границей.** (Обзоры и замѣтки). Отдѣлъ этотъ распадается на слѣдующія рубрики.

I. Политика, общественная жизнь и хозяйство. II. Литература и искусство. III. Философское движеніе. IV. Историческая наука. V. Правовѣдѣніе. VI. Религія и церковь. VII. Школа и воспитаніе. VIII. Естествознаніе. IX. Военное и морское дѣло. X. Некрологъ.

3. **Критическое Обозрѣніе.** (Библіографическій отдѣлъ). Къ Критическому Обозрѣнію прилагается **расположенный въ систематическомъ порядкѣ списокъ всѣхъ выходящихъ на Русскомъ языкѣ книгъ.**

Постоянное участіе въ Русской Мысли принимаютъ слѣдующія лица:

В. Я. Брюсовъ, В. И. Вернадскій, В. Ѳ. Гефдингъ, Л. Я. Гуревичъ, А. С. Изгоевъ, А. А. Кизеветтеръ, А. А. Корниловъ, С. А. Котляревскій, В. А. Маклаковъ, П. И. Новгородцевъ, Н. Нордовъ, А. М. Обуховъ, А. М. Рыкачевъ, кн. Евг. Н. Трубецкой, С. Л. Франкъ и В. К. Шмидтъ.

Въ ближайшіе мѣсяцы настоящаго года **Русская Мысль удѣлитъ особенное вниманіе вопросамъ, связаннымъ съ войной. Въ рядѣ статей будетъ данъ самый разнообразный матеріалъ для историческаго и политическаго пониманія великихъ событій нашихъ дней.**

Условія подписки:

Съ дост. и перес.	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.
въ Россіи. . . .	**15** р.	**11** р. **25** к.	**7** р. **50** к.	**3** р. **75** к.
За границу. . .	**17** „	**12** „ **25** „	**8** „ **50** „	**4** „ **25** „

На одинъ мѣсяцъ для иногородн. внутри Россіи **1** р. **52** к.

Цѣна отдѣльнаго номера въ продажѣ **1** р. **50** к.

Принимается подписка и производится розничная продажа №№ журнала въ **Петроградѣ**, въ главной конторѣ журнала: **Нюстадская, д. 6** (близъ Финляндскаго вокзала); въ Москвѣ въ отдѣленіи конторы: Сивцевъ-Вражекъ, д. 20, кв. 3, а также у всѣхъ крупныхъ книгопродавцевъ обѣихъ столицъ (у Н. П. Карбасникова, Петроградъ, Гостинный дворъ, и Москва, на Моховой) и большихъ провинціальныхъ городовъ.

Изданія годъ IX-й.

Открыта подписка на 1915 годъ

Изданія годъ IX-й.

на еженедѣльный библіографическій журналъ

КНИЖНАЯ ЛѢТОПИСЬ

ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ ПО ДѢЛАМЪ ПЕЧАТИ.

Журналъ выходитъ по слѣдующей программѣ:

ЕЖЕНЕДѢЛЬНО:

I. а) Перечень въ алфавитномъ порядкѣ книгъ, напечатанныхъ въ Россіи, какъ на Русскомъ, такъ и на другихъ языкахъ.
б) Алфавитный указатель авторовъ, переводчиковъ, редакторовъ и т. д.
в) Предметный указатель, представляющій собою сводъ всего напечатаннаго за недѣлю.
II. Частныя объявленія.
III. „Алфавитный перечень запрещенныхъ изданій“ (добавленіе къ общему каталогу запрещенныхъ изданій).

ЕЖЕМѢСЯЧНО:

„Алфавитный списокъ сочиненіямъ, разсмотрѣннымъ иностранной цензурою.

ДВА РАЗА ВЪ ГОДЪ:

а) Указатель авторовъ за 6 мѣсяцевъ.
б) Сводный предметный указатель за то же время.

ЕЖЕГОДНО:

а) Сводный (годовой) систематическій предметный указатель къ журналу.
б) Сводный алфавитный указатель запрещеннымъ изданіямъ, вышедшимъ въ свѣтъ за истекшій годъ.

Подписка на журналъ принимается въ предѣлахъ одного года; на полугодіе же—съ 1-го января или съ 1-го іюля.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Внутри Имперіи: за годъ . . . . . 6 руб.	За границу: за годъ . . . . . 10 руб.
„ „ за 1/2 года . . . . 3 руб.	„ „ за 1/2 года . . . . . 5 руб.

Отдѣльный нумеръ (безъ пересылки) . . . . . 15 коп.

Перемѣна адреса—28 коп.

Для библіотекъ и любителей печатается съ одной стороны. Подписка только годовая—цѣна 9 руб., за границу—14 руб.; въ розницу не продается.

Книгопродавцамъ обычная уступка.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

1 страница . . . 15 руб. 1/2 страницы . . . 8 руб. 1/4 страницы . . . 4 руб.

ЗАЯВЛЕНІЯ о неполученіи нумеровъ журнала должны дѣлаться вслѣдъ за полученіемъ слѣдующаго нумера; болѣе же поздніе заявленія оставляются безъ послѣдствій.

Подписка и объявленія принимаются при конторѣ редакціи (Петроградъ, Театральная ул., 3).

При конторѣ редакціи принимается также подписка и на отдѣльные оттиски изъ журнала: а) „Алфавитные перечни запрещенныхъ изданій“ (добавленіе къ общему каталогу запрещенныхъ книгъ)—50 еженедѣльныхъ выпусковъ въ годъ и б) „Алфавитные списки сочиненіямъ, разсмотрѣннымъ иностранною цензурою“ (12 ежемѣсячныхъ выпусковъ въ годъ), по цѣнѣ ОДИНЪ рубль въ годъ за каждое изданіе названныхъ оттисковъ журнала. Въ розницу означенные оттиски не продаются.

1915
3-й
ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Подъ редакціей С. П. Мельгунова и В. И. Семевскаго.

1915
3-й
ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

Журналъ иллюстрируется картинами изъ прошлаго и портретами.

Журналъ посвященъ исторіи и исторіи литературы Русской и всеобщей и имѣетъ въ виду интересы широкихъ круговъ интеллигентныхъ читателей, обращая вниманіе въ ближайшее время на темы, способствующія историческому пониманію текущей войны.

Между прочимъ будутъ напечатаны статьи по исторіи **СЛАВЯНСТВА** (Галиція, Угорская Русь, Польша, Сербія и др.), по исторіи культурныхъ и политическихъ отношеній Россіи, Англіи, Франціи, Германіи, Австріи и Турціи за послѣдніе 50 лѣтъ и рядъ біографій (**Вильгельмъ II, Косціушко, Гамбетта, Эдуардъ VII, Мицкевичъ, Бисмаркъ**).

Въ 1915 будетъ печататься

Историческій романъ изъ прошлаго Бельгіи.

Въ литературномъ отдѣлѣ будетъ помѣщена переписка ген. А. П. Ермолова, А. Н. Гончарова, Софьи Ковалевской, кн. Д. М. Волконскаго, гр. А. А. Аракчеева, Г. И. Успенскаго, Н. И. Костомарова, декабристовъ: Розена, Якушкина, Пущина, фонъ-Визина; дѣятелей освоб. крестьянъ и земцевъ 70 гг., сенатора Шульца и др.

Кромѣ того предположены статьи и воспоминанія *Д. Н. Анучина, К. К. Арсеньева, В. Я. Богучарскаго, И. П. Бѣлокопскаго, Е. Н. Водовозовой, Ч. Вѣтринскаго, Н. В. Давыдова, С. А. Ефремова, И. Н. Игнатова, А. А. Кизеветтера, П. С. Когана, Л. С. Козловскаго, П. А. Кропоткина, Е. Д. Кусковой, Н. К. Морозова, Л. Ѳ. Пантелѣева, М. Н. Покровскаго, Г. В. Плеханова, С. Н. Прокоповича, А. С. Пругавина, Н. И. Романова, И. Е. Рѣпина, В. И. Семевскаго, Е. В. Тарле, В. Г. Тана, В. Н. Фигнеръ, В. М. Фриче, Р. М. Хинъ* и др.

Обозрѣніе текущихъ иностранныхъ журналовъ ведется: *А. М. Васютинскимъ, В. Н. Перцевымъ, В. Керженцевымъ* (Лондонъ), *И. М. Хераскомымъ* (Парижъ), *Г. И. Шрейдеромъ* (Римъ).

Въ отдѣлѣ критики и библіографіи въ 1914 году приняло участіе болѣе 80 авторовъ.

Подписчики на 1915 годъ имѣютъ право пріобрѣсти въ конторѣ Журнала на льготныхъ условіяхъ историческія книги изданія

ЗАДРУГА.

Подробный проспектъ высылается безплатно.

Условія подписки: съ доставкой и пересылкой въ Россіи на годъ 10 руб.; на 6 мѣс.—5 руб.; для народн. учителей разсрочка.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: Москва, М. Никитская, д. 29. Книгоиздательство ЗАДРУГА.

4 р. въ годъ за 24 кн.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ.

Двухнедѣльный журналъ НОВАГО ТИПА.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1914—15 годъ (6-й г. изд.).

Журналъ выходитъ **два раза** въ мѣсяцъ книжками въ 5—6 печат. л. **большого формата.** За годъ выйдетъ 24 кн. (болѣе 2000 страницъ). ✠ **«Бюллетени»** идутъ навстрѣчу потребностямъ той массы интел. читателей, которая лишена возможности близко и широко знакомиться съ текущей печатью какъ періодич., такъ и непеpiод., какъ русской, такъ и иностранной. ✠ Главная задача журн.—всесторонне отражать **картину идейной духовной жизни современности.** ✠ **«Бюллетени»**—это коллективная литер. памятка наиболѣе выдающихся явленій и фактовъ, равно какъ вопросовъ и задачъ современности. Поэтому они могутъ служить **настольною книгою** для каждаго, серьезно интересующагося внутренней жизнью человѣческаго коллектива. ✠ За истекшій годъ въ «Бюл.» напеч. 226 ст. по самымъ разнообр. вопр. Кромѣ того даны: 1) сводъ отзывовъ о 500 книгахъ; 2) перечень около 3000 нов. кн., 3) содерж. болѣе 75 журн. за годъ и 4) библіографія по ряду отдѣльныхъ вопросовъ. ✠ *Библіографія въ „Бюлл." ведется такъ полно, какъ ни въ одномъ изъ существ. журн. Въ такомъ видѣ она необходима для самаго широкаго круга читателей.*

Трагическимъ событіямъ современной ВОЙНЫ «Бюл.» удѣляютъ особенное вниманіе, стремясь отразить на своихъ стр. все, что уясняетъ глубину и серьезность переживаемаго момента.

Отзывы печати: **Утро Россіи.:»** Жур. заслуживаетъ особаго вниманія». ✠ **Рус. Вѣд.:** «Бюлл. знакомятъ болѣе или менѣе обстоятельно съ выдающимися явл. соврем. жизни»... ✠ **Рус. Шк.:** «Бюлл.» дѣлаютъ свое дѣло умѣло и живо. Они любопытны даже и для легкаго чтенія. Какъ справочникъ же «Бюлл.» оказываютъ огромную услугу»... ✠ **Огни:** «Трудно представить себѣ человѣка, съ извѣстными культур. запр., который не нашелъ бы для себя чего-либо интереснаго въ журн.»... ✠ **Рус. Сл.:** «Въ журн. запечатлѣна вся литер. жизнь года»... ✠ **Совр. Сл.:** «Задача журн. имѣетъ, несомнѣнно, культурно-популяризаторское значеніе»... ✠ **Голосъ:** «Въ журн. сосредоточено все новое, что позволяетъ постоянно быть въ курсѣ настроеній и исканій какъ отечественной, такъ и міровой мысли».

Илл. Обозр. Гол. .: «Бюлл.» безпристрастно и вполнѣ объективно даютъ картину дух., нравственной, внут. русской жизни за цѣлый годъ». ✠ **Нов. Ж. для Вс.:** «Бюлл.» незамѣнимы, особенно въ провинціи». ✠ **Ряз. Вѣст.:** «Бюлл.» умѣло и умно рисуютъ на своихъ страницахъ картину русской жизни»... ✠ **Сѣв. У.:** «Журн. въ дѣльныхъ, обстоят. ст. даетъ квинтъ-эссенцію всего заслуживающаго вниманія въ литературѣ... Служитъ гармоническимъ объединителемъ всего прочитаннаго и обдуманнаго»... ✠ **Рус. Молва:** «Все то важное, что терялось въ гущѣ журн. и пестромъ содерж. газетъ, извлечено заботливой рукой и въ хорошемъ, культурномъ видѣ преподнесено читателю. Много цѣннаго и важнаго найдутъ для себя въ этомъ матеріалѣ самые широкіе круги читателей»... ✠ **Кіев. Мысль:** «Бюлл.» могутъ просматривать съ интересомъ даже люди, имѣющіе возможность слѣдить за литературой по «первоисточникамъ», а для провин. читателя, руководителей библіотекъ и т. д. журн. представляетъ интересъ сугубый». ✠ **Ран. Утро:** «самые широкіе круги читающей публики не могутъ не заинтересоваться «Бюлл». ✠ **Вѣст. Восп.:** ...«Изданіе, заслуживающее вниманія широкихъ круговъ читателей... Мы... относимся съ сочувствіемъ къ этому полезному и интересному изд.». ✠ **Жатва:** «Хорошую культурную работу выполняютъ «Бюл.»... ✠ **Нижег. Лист.:** «...Изданіе, очень интересное по своему характеру... избавляетъ отъ перечитыванія всѣхъ журналовъ»... ✠ **Курск. Газ.:** ...«Вотъ журн., которому по праву будетъ принадлежать будущее и самое изд. котораго—отраднѣйшее литер. явл. современности»... ✠ **Изв. Одес. Библіогр. О-ва:** «Для библіографовъ въ этомъ изданіи представл. большой интересъ отд. «отзывы о книгахъ»...

Сибирь: «Типъ «Бюлл.»... очень удачный... Подборъ ст. дѣлается умѣло и, дѣйствительно, даетъ отраженіе «идейной, дух. жизни современности»...

Проспектъ журн. высылается безплатно. Подписная цѣна: на годъ **4 р., 6 м.—2 р. 50 к., 3 м.—1 р. 25 к.** За границу на годъ **5 р.** Для сельск. учит. при **непосредственномъ обращеніи** въ контору на годъ **3 р. 50 к. Подписка приним.** во всѣхъ книжн. магаз. и въ почт. учрежден. **Имѣются полные комплекты «Бюлл.» Цѣна компл. за 1911/12 и 1912/13 гг. по 3 р. безъ перепл. и по 4. р. въ перепл.; за 1913/14 г.—4 р. безъ перепл. и 5 р. въ перепл. Пересылка по вѣсу и разстоянію.**

Подписной годъ начинается съ 1-го сент. **Можно подпис. съ 1-го числа кажд. мѣс.**

Контора и ред.: Москва, Хлѣбный пер., д. 1. Тел. 5-02-06.

Издатели: *В. Крандіевскій и В. Носенковъ.* ✠ Редакторъ: *В. Крандіевскій.*

Открыта подписка на 1915 г. на журналъ:

Извѣстія Общества Изученія Олонецкой губерніи

Годъ изданія—ТРЕТІЙ.

Выходитъ 8 разъ въ годъ, книжками, около 3 печатныхъ листовъ каждая.

(По мѣрѣ надобности помѣщаются иллюстраціи и карты).

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Статьи и доклады по изученію края, преимущественно въ отношеніи историческомъ, географическомъ, естественно-научномъ, бытовомъ, культурномъ и экономическомъ, а также по выясненію условій его всесторонняго развитія; научные вопросы, связанные съ изученіемъ края въ указанныхъ отношеніяхъ. Текущая дѣятельность Общества изученія Олонецкой губерніи. Хроника правительственной, общественной и частной иниціативы въ дѣлѣ изученія губерніи, развитія ея производительныхъ силъ и условій жизни населенія. Отдѣльныя статьи, замѣтки и сообщенія о жизни края и его изученіи. Обзоръ текущей литературы о краѣ. Указатель литературы по всѣмъ вопросамъ, касающимся края. Справочный отдѣлъ по вопросамъ, связаннымъ съ дѣятельностью Общества. Отвѣты редакціи. Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА, съ доставкой и пересылкой:

	На годъ:	На 1/2 года:	На 1/4 года:	На 1 мѣс.:
для членовъ О-ва:	8 кн.—2 р.	4 кн.—1 р. —к.	2 кн.—50 к.	1 кн.—25 к.
для прочихъ подписчиковъ:	,, —3 р.	,, —1 р. 50 к.	,, —75 к.	,, —50 к.

Съ пересылкой за границу 4 руб. въ годъ.

Періодич. изданія и объяв. о нихъ охотно принимаются въ обмѣнъ.

Всякаго рода запросы должны снабжаться почтовыми марками или открытыми письмами для отвѣта.

Подписка и объявленія въ **Петрозаводскѣ** принимаются: въ Правленіи О-ва (въ помѣщеніи Губернскаго Правленія); въ Губ. Типографіи, въ книжномъ маг. Мазилова, въ Гостинномъ дворѣ.

Гг. иногородніе подписчики и публикаторы благоволятъ обращаться по адресу:

Петрозаводскъ, Правленіе Общества Изученія Олонецкой губ. (По редакціи).

Доставляемыя въ редакцію статьи должны быть за подписью и съ адресомъ автора. Статьи безъ обозначенія условій, считаются безплатными и могутъ быть оплачены по усмотрѣнію редакціи.

Пробные №№ высылаются за 5 семикоп. марокъ, которыя при подпискѣ засчитываются въ уплату. За перемѣну адреса просимъ высылать 4 семикоп. марки.

Отв. издатель:
Предсѣд. Правленія О-ва изученія Олонецкой губ.
А. Ѳ. Шидловскій.

Редакторы: **И. И. Благовѣщенскій.** **Горн. Инж. Б. Н. Михайловъ.**

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1915 г.

на СТАРѢЙШІЙ изъ ПЕДАГОГИЧЕСКИХЪ журналовъ

„ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ“,

издаваемый при Главномъ Управленіи военно-учебныхъ заведеній.

51-й годъ изданія.

Выходитъ ежемѣсячно книжками отъ 5 до 12 печатныхъ листовъ.

Въ неофиціальной части **1913** года были, между прочимъ, помѣщены статьи: **Я. И. Ктитаревъ**. Вопросы религіи и морали въ Русской художественной литературѣ. **Алексѣй Барсовъ**. Разборы словесныхъ произведеній съ точки зрѣнія теоріи словесности. **М. И. Писаревъ**. Изъ отчета начинающаго преподавателя исторіи. **П. Дрентельнъ**. Рядъ «комбинированныхъ» опытовъ на самодѣльныхъ приборахъ для начальнаго преподаванія и практическихъ занятій. **А. А. Зоннеиштраль**. Общій строй французской школы и преподаваніе физики во французскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. **П. Самохваловъ**. Къ постановкѣ курса анализа безконечно-малыхъ въ кадетскихъ корпусахъ и др.

Въ неофиціальной части **1914** года были, между прочимъ, помѣщены статьи: **Алексѣй Барсовъ**. Литература послѣ Гоголя; Чеховъ. **К. Евсѣевъ**. Вопросъ о литературныхъ бесѣдахъ въ Русской педагогической литературѣ. **Флеровъ Алексѣй**. Замѣтки личнаго опыта. **П. Дрентельнъ**. Ученическіе вопросы. **В. Л. Розенбергъ**. О динамическомъ измѣреніи силъ и принципѣ равенства дѣйствія и противодѣйствія. **А. М. Шеталова**. Юношескій возрастъ, его особенности и охрана. **Евгеній Лозинскій**. Воспитаніе въ борьбѣ съ вырожденіемъ. **А. Щепинскій**. Кинематографъ съ школьной точки зрѣнія. **П. Каменьщиковъ**. Астрономическія задачи изъ литературныхъ произведеній. **К. Лѣпиловъ**. Педагогическое рисованіе. **К. Житомірскій**. Классификація глагольныхъ формъ во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. **А. Полторацкій**. Международный конгрессъ по физическому воспитанію въ Даніи въ 1911 году. **М. Г. Попруженко**. Второй Всероссійскій съѣздъ преподавателей математики. **В. Волынцевичъ**. Новости иностранной педагогической литературы. **П. Бахтинъ**. Война и внѣклассное чтеніе. Статьи, замѣтки и рецензіи: **Ал. Ник. Острогорскаго, Н. Ф. Каптерева, Ан. Ник. Макарова, А. Постникова, М. Гр. Попруженко, Н. С. Дрентельна, А. С. Рождествина, Б. Л. Розенберга, Н. И. Полянскаго, М. В. Соболева, П. П. Бахтина, К. Лѣпилова, В. П. Будапова, С. Бернштейна, П. Саввина, А. Палимова, А. П. Флерова, М. Д. Приселкова, С. А. Переселенкова, Н. П. Покотило, Евг. Лозинскаго, К. Житомірскаго, Вл. Шидловскаго, Е. Е. Семашкевича, Н. К. Михайловскаго, Б. Флейшера, А. С. Азарьева, С. Трапицина** и др. Въ **приложеніи** къ журналу печатается „**Краткій отчетъ дѣятельности Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній**“ за очередной годъ, включающій работы отдѣловъ: 1) **Русскаго языка**, 2) **Математики**, 3) **Физики, механики и космографіи**, 4) **Естествовѣдѣнія**, 5) **Географіи**, 6) **Графическихъ искусствъ** и 7) **иностранныхъ языковъ** (разборъ учебныхъ программъ, пособій и книгъ, обмѣнъ мнѣній (преподавателей-практиковъ и ученыхъ-спеціалистовъ) вообще по всѣмъ вопросамъ преподаванія въ средней школѣ.)

Подписная цѣна съ доставкой 5 р. Иногородніе адресуются въ редакцію: *Петроградъ, Тучковъ пер., д. 11, кв. 11.*

Редакторъ: **И. С. Симоновъ.**

Открыта подписка на 1915 г. на журналъ

СООБЩЕНІЯ

Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ВЫПУСКАХЪ

(Двадцать шестой годъ изданія).

«Сообщенія ИМПЕРАТОРСКАГО Православнаго Палестинскаго Общества»—единственный въ Россіи журналъ, посвященный вопросамъ востоковѣдѣнія въ обширномъ смыслѣ.

Его задача—изученіе Востока Ближняго въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ и на протяженіи всей многовѣковой его исторіи, вплоть до нашего времени. Палестина, Сирія-Византія, Египетъ, Аѳонъ, Синай—вотъ страны и мѣстности, подлежащія изученію въ журналѣ, причемъ преимущественное вниманіе удѣляется Святой Землѣ, съ ея многочисленными святыми мѣстами. Церковная и гражданская исторія этихъ странъ и мѣстностей, археологія, географія, топографія, богослуженіе, современный бытъ въ самыхъ разнообразныхъ развѣтвленіяхъ, отдѣлахъ и вопросахъ—вотъ центральные пункты журнальной программы. Въ частности, въ журналѣ помѣщаются—изслѣдованія по различнымъ научнымъ вопросамъ, очерки дѣятельности восточныхъ іерарховъ, описанія путешествій современныхъ и давнихъ, обзоры сношеній Востока съ Россіей и характеристики Русскихъ дѣятелей, описаніе дѣятельности инославной пропаганды на Востокѣ, свѣдѣнія о положеніи здѣсь Русскаго дѣла, вѣсти и корреспонденціи о современной церковно-общественной жизни на Востокѣ, обзоръ иностранной литературы и переводы лучшихъ иностранныхъ сочиненій по востоковѣдѣнію, критика и библіографія Русскихъ и иностранныхъ изданій, официальные отчеты и сообщенія ИМПЕРАТОРСКАГО Православнаго Палестинскаго Общества и т. д. Статьи носятъ частью научный, частью популярный характеръ. Нѣкоторыя изъ нихъ снабжаются иллюстраціями.

Цѣль изданія—служить духовному единенію между Православнымъ Востокомъ и Россіей путемъ научнаго изученія и объективнаго изслѣдованія прошлаго и настоящаго состоянія Востока, а равно ихъ взаимныхъ отношеній.

Въ пользу жизненности и важности назначенія журнала выразительно говоритъ и одинъ фактъ вступленія его въ 26-й годъ изданія.

Въ журналѣ участвуютъ профессора нашихъ духовныхъ академій и университетовъ. Для работъ въ журналѣ приглашены и новые сотрудники изъ среды дѣятелей на православномъ Востокѣ, поставившіе своей задачей знакомить Русское общество съ современною церковно-общественною жизнью Востока на основаніи непосредственнаго ея изученія, въ связи съ предстоящими и отчасти уже совершившимися реформами.

Въ новомъ 1915 году въ журналѣ будутъ помѣщены: очерки изъ прошлой и современной исторіи Іерусалимской и Антіохійской церквей, очерки дѣятельности инославной пропаганды на Востокѣ, изслѣдованія изъ области новѣйшихъ археологическихъ разысканій и открытій въ Святой Землѣ и т. д.; будетъ, въ частности, расширенъ критико-библіографическій отдѣлъ.

Въ теченіе 1915 года «Сообщенія ИМПЕРАТОРСКАГО Православнаго Палестинскаго Общества» будутъ изданы въ **четырехъ** выпускахъ, до **десяти** печатныхъ листовъ въ каждомъ.

Подписная цѣна на «Сообщенія» въ 1915 году—**три рубля съ пересылкою.**

Подписка принимается исключительно въ Канцеляріи ИМПЕРАТОРСКАГО Православнаго Палестинскаго Общества: Петроградъ, Вознесенскій просп., д. № 36.

Рукописи, съ обозначеніемъ условій и четко переписанныя, посылаются въ редакцію: Петроградъ, Невскій пр., д. № 173, кв. 1.

Редакторъ: профессоръ *Ив. Ив. Соколовъ.*

Открыта подписка на 1915 г.

на

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВСѢХЪ

НАША СТАРИНА

Близкое и далекое прошлое Россіи, Запада и Востока въ историческихъ романахъ, повѣстяхъ, разсказахъ, очеркахъ, воспоминаніяхъ, изслѣдованіяхъ и т. п. Приложенія—**Лѣтопись великой Отечественной войны.**

Интересъ къ исторической беллетристикѣ и къ исторической литературѣ вообще съ каждымъ годомъ быстро возрастаетъ. Существующіе историческіе журналы не удовлетворяютъ въ достаточной мѣрѣ этого спроса: число ихъ весьма ограничено, одни для многихъ читателей недоступны по цѣнѣ, другіе узко-спеціальны по содержанію. Восполнить пробѣлъ въ подобномъ общедоступномъ по цѣнѣ историческомъ ежемѣсячникѣ, который давалъ бы живой, интересный и къ тому же вполнѣ литературный матеріалъ, составляетъ задачу журнала „НАША СТАРИНА“. Девизъ его—историческая правда. Партійныя цѣли совершенно исключаются. Журналъ выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца книжками большого формата на плотной бумагѣ, съ иллюстраціями. Къ участію въ журналѣ приглашены лучшія литературныя и научныя силы.

Подписная цѣна въ годъ—ПЯТЬ руб.; на полгода—2 руб. 80 коп.

Перемѣна адреса: 25 коп. (можно марками).

Подписка принимается: въ редакціи журнала, Петроградъ, Мойка, 32 (отъ 11 до 5 часовъ), въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ и другихъ, а также во всѣхъ почтово-телегр. учрежденіяхъ.

Иногороднимъ по почтѣ подписную плату слѣдуетъ направлять исключительно по адресу: Петроградъ, Каменноостровскій пр., 26, Редактору-Издателю журнала Н. Н. Сергіевскому. По этому же адресу слѣдуетъ направлять всякую корреспонденцію (въ томъ числѣ и денежную).

Личные переговоры съ редакторомъ: Мойка, 32, отъ 1—4 час., по средамъ. Телефонъ 619—59.

Редакторъ-издатель **Н. Сергіевскій.**

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на ПЕРВЫЙ русскій
иллюстрированный ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ еженедѣльникъ

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“

выходящій съ октября **1914** г.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“—первый русскій иллюстрированный еженедѣльникъ, поставившій себѣ цѣлью—соединить **художественность** и **серьезность** съ **занимательностью** и **разнообразіемъ**.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“—литературно-публицистическій журналъ. Въ области изящной литературы онъ ищетъ прежде всего самобытности и свѣжести, въ публицистикѣ—**углубленнаго** толкованія текущихъ вопросовъ, нынѣ же—преимущественно вопросовъ, связанныхъ съ войной.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ отстаиваетъ въ своихъ политическихъ статьяхъ **прогрессивныя** начала въ **государственной** ихъ постановкѣ и стоитъ за сильную, свободную и единую Россію.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ охотно допускаетъ на своихъ столбцахъ **принципіальные споры,** поскольку они касаются философскихъ основъ политической мысли.

Каждый номеръ „ГОЛОСА ЖИЗНИ“ содержитъ **не менѣе двухъ большихъ разсказовъ** и рядъ статей и замѣтокъ.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ въ первыхъ же своихъ номерахъ напечаталъ

БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ

А. А. Ахматовой, Александра Блока, В. Брусянина, Б. Верхоустинскаго, З. Н. Гиппіусъ, Сергѣя Городецкаго, Н. Зворыкина, Георгія Иванова, В. М. Карачаровой, Карменъ, В. Кохановскаго, Д. А. Крючкова, А. А. Бѣлъ-Конь-Любомирской, В. В. Муйжеля, А. М. Ремизова, Ѳедора Сологуба, Игоря Сѣверянина, Ан. Чеботаревской, К. Эрберга и др.

И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ

Влад. Азова, проф. К. И. Арабажина, Леонида Галича, А. С. Иоева, В. Я. Ирецкаго, проф. А. В. Карташева, Антона Крайняго, проф. М. А. Курчинскаго, Д. С. Мережковскаго, И. Накатова, проф. В. Плетнева, Е. Семенова, проф. К. Н. Соколова и др.

Въ „ГОЛОСѢ ЖИЗНИ“ печатаются еженедѣльные **обзоры войны** Георгіевскаго (Г. П.), а также **письма съ войны** собств. корреспонд. В. Сергѣева.

Въ „ГОЛОСѢ ЖИЗНИ“ удѣлено много вниманія событіямъ и теченіямъ чисто культурнаго характера: въ искусствѣ, литературѣ, наукѣ.

Въ „ГОЛОСѢ ЖИЗНИ“ еженедѣльно печатается отдѣлъ **„Объ искусствахъ и литературѣ.** Вѣсти и мнѣнія“, составленный изъ сообщеній, оцѣнокъ и откликовъ.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ еженедѣльно печатаетъ статью **Евг. Маурина** о текущихъ театральныхъ событіяхъ.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ богато иллюстрированъ. Въ первыхъ же номерахъ были помѣщены рисунки **М. В. Добужинскаго, Л. В. Квятковскаго, Д. С. Митрохина, П. В. Митурича,** заставки и наброски художниковъ: **Бруни, Кунса, Милашевскаго, Эйсснера** и др., а также многочисленные фотоэтюды и фотографіи собственныхъ корреспондентовъ съ театра военныхъ дѣйствій. Въ номерѣ не менѣе 25 иллюстрацій.

Съ декабря обложка „ГОЛОСА ЖИЗНИ“ будетъ печататься по способу многоцвѣтнаго печатанія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „ГОЛОСА ЖИЗНИ“ за ГОДЪ съ пересылкой—4 р. 50 к.

По 31-ое декабря 1914 г.—1 руб. (Первые четыре номера отпечатаны вторымъ изданіемъ.)

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЫ на 1915 г., а именно: при подпискѣ—**2 р. 50 к.**, къ 1-му іюня—**2 р.**

Акціон. Общество ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. КАСПАРИ, ПЕТРОГРАДЪ, Лиговская, 114.

Отдѣленія конторы: 1) ПЕТРОГРАДЪ, Садовая, 20, и 2) МОСКВА, Петровскія линіи, у Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ.

—— ГОДЪ ИЗДАНІЯ 50-Й. ——

„Астраханскій Листокъ“

—— ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНІЕ. ——

„Астраханскій Листокъ“

будетъ выходить въ 1915 году подъ прежней редакціей и при томъ же составѣ постоянныхъ сотрудниковъ.

„Астраханскій Листокъ“

газета прогрессивнаго направленія, независимая отъ какихъ-либо партій или кружковъ.

„Астраханскій Листокъ“

систематически иллюстрируетъ газетный текстъ рисунками, портретами, чертежами и проч., для чего оборудована собственная фото-цинкографія, обставленная новѣйшими приспособленіями.

„Астраханскій Листокъ“

выходитъ въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ (отъ 6 до 10 страницъ ЕЖЕДНЕВНО) и расходится въ двойномъ количествѣ экземпляровъ, по сравненію со всѣми остальными мѣстными газетами, взятыми вмѣстѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

принимаются непосредственно конторою редакціи—(Астрахань, Мало-Демидовская, соб. д.). и конторою Л. и Э. Метцль и К° (Москва, Мясницк., д. Сытова).

Подписная цѣна съ пересылкой: 1 годъ—**7 р. 50 к.**, 1/2 года—**3 р. 75 к.**, 3 мѣс.—**2 р.**, 1 мѣс.—**1 р.**

Редакторъ-издатель: *В. И. Склабинскій.*

ТОРГОВОЕ ДѢЛО

Ежемѣсячн. журналъ для организаціи и веденія торгово-промышленныхъ предпріятій. **Въ 1915 году за 6 руб.** подписчики получатъ:

ЕЖЕМѢС. ЖУРНАЛЪ, содер. статьи по устройству и веденію торгово-промышл. предпріятій по новѣйшимъ методамъ торговли.

12 ПРИЛОЖЕНІЙ, стоющія отдѣльно около двадцати рублей: 1-3. Указатель Готовыхъ Платъ за перевозку товаровъ по жел. дор., 3 книги—3 руб. 50 коп. 4. Указатель Покупателей С.-Хоз. Продуктовъ—1 р. 50 коп. 5. Адресная книга «Вся Европа»—3 р. 75 к. 6. Практическіе Совѣты изъ Торговой Практики—1 руб. 75 коп. 7. Искусство рекламировать—75. к. 8. Искусство вояжировать—75 к. 9. Искусство продавать—75 коп. 10. Какъ найти хорошую службу или агентуру—50 коп. 11. Какъ организовать Торговлю для Иногородныхъ по почтѣ—75 к. 12. «Вся Оптовая Россія»—3 руб. 75 коп. Подробный проспектъ высылается безплатно.

Первыя 8 книжекъ и 11 приложеній уже готовы и высылаются сейчасъ же по полученіи денегъ или наложеннымъ плат. на 6 руб. 20 к. Приложенія высылаются нал. пл. и отдѣльно по указаннымъ цѣнамъ.

Редакт.-Изд. Секретарь Гофъ-Маклера Одесской Биржи **Э. С. Гальперинъ.** Адресъ: Въ к-ру журнала «**ТОРГОВОЕ ДѢЛО**» **Одесса,** Соборная 2.

Комплектъ Счетоводныхъ книгъ, изданныхъ редакціей «Торг. Дѣла» для веденія счетоводства безъ помощи бухгалтера—20 руб. Проспекты высылаются безплатно.

Открыта подписка на 1915 годъ

на издающуюся въ Ярославлѣ ежедневную безпартійную прогрессивную газету сѣвернаго края

СѢВЕРНАЯ ГАЗЕТА.

СѢВЕРНАЯ ГАЗЕТА является прогрессивнымъ безпартійнымъ независимымъ органомъ печати. Она стремится къ широкому ознакомленію своихъ читателей съ событіями заграничной и внутренней жизни.

Особое вниманіе ею удѣляется возможно полному и всестороннему освѣщенію общественныхъ и экономическихъ вопросовъ сѣвернаго края.

СѢВЕРНАЯ ГАЗЕТА даетъ въ 1915 году **безплатно** своимъ годовымъ подписчикамъ 12 ежемѣсячныхъ иллюстрированныхъ литературныхъ приложеній, состоящихъ изъ произведеній современныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей.

Подписная плата на **СѢВЕРНУЮ ГАЗЕТУ** съ доставкой и пересылкой во всѣ мѣста Россіи **на 1 годъ 4 р. 50 к., 6 мѣс. 2 р. 30 к., 3 мѣс. 1 р. 20 к.** Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., 1 іюля 1 р. 50 к. и 1 сентяб. 1 р.

Священники и сельскіе учителя пользуются при годовой подпискѣ скидкою въ 50 коп. съ экземпляра.

Годовые подписчики, внесшіе подписную плату теперь, получаютъ **СѢВЕРНУЮ ГАЗЕТУ** со дня подписки до 1 января 1915 г. **безплатно.**

Подписка принимается во всѣхъ почтовыхъ и почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ.

Контора и редакція СѢВЕРНОЙ ГАЗЕТЫ: Ярославль, Власьевская ул., 52.

Издательница **Ю. А. Торгова.** Редакторъ **В. И. Малышевъ.**

ОТКРЫТА на 1915 годъ ПОДПИСКА

(третій годъ изданія)

на двухнедѣльный иллюстрированный журналъ

„Кооперативная Жизнь“

Подписная цѣна на годъ—**пять рублей**, на $^1/_2$ года—**три рубля.**

Адресъ редакціи и конторы: МОСКВА, Моховая, 14, кв. 2.

Журналъ «Кооперативная Жизнь» выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ книжками въ 64—80 стр.

Въ журналѣ „Кооперативная Жизнь“ ведутся слѣдующіе постоянные отдѣлы:

1. **ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ**, имѣющія своей задачей отвѣчать на злободневные вопросы кооперативной жизни. Въ текущемъ году были помѣщены статьи на темы: **Съѣзды по сельскохозяйственной кооперации, Сохраненіе единства кооперации въ Россіи, Кооперація и областничество, О союзномъ строительствѣ, Торговый договоръ съ Германіей и Россійская кооперація, Годичное собраніе акціонеровъ Московскаго Народнаго Банка, Теорія и практика въ кооперативномъ дѣлѣ, Техническая безпомощность сельскохозяйственныхъ кооперативовъ въ Россіи** и др. 2. **ЖИЗНЬ КООПЕРАТИВОВЪ НА МѢСТАХЪ.** 3. **КООПЕРАТИВНЫЕ ЦЕНТРЫ.** 4. **ВЗАИМООТНОШЕНІЯ ЗЕМСТВА И КООПЕРАТИВОВЪ.** 5. **КООПЕРАТИВНАЯ ЖИЗНЬ ЗА ГРАНИЦЕЙ.** 6. **ИНСТРУКТОРСКІЙ ОТДѢЛЪ.** 7. **ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ МОСКОВСКАГО НАРОДНАГО БАНКА.** 8. **КОНСУЛЬТАЦІОННЫЙ ОТДѢЛЪ** (отвѣты на юридическіе вопросы и запросы практическаго характера). 9. **О НОВЫХЪ КНИГАХЪ.** 10. **ИЗЪ ПРАКТИКИ ДЛЯ ПРАКТИКИ.** 11. **ХРОНИКА КОМИТЕТА О СЕЛЬСКИХЪ ССУДО-СБЕРЕГ. И ПРОМ. Т-ВАХЪ.**

Большое мѣсто удѣляется корреспонденціямъ съ мѣстъ.

Періодически журналъ производитъ обслѣдованія-анкеты, имѣющія цѣлью освѣщать разныя стороны кооперативной практики. Такъ, въ текущемъ году на страницахъ журнала въ рядѣ корреспонденцій изъ разныхъ концовъ Россіи разсматривалось положеніе **товарищескихъ операцій съ хлѣбами въ 1913 году.** Помѣщались также статьи читателей по вопросу **о культурно-просвѣтительной дѣятельности кооперативовъ** и по вопросу **о союзномъ строительствѣ.** Кромѣ того всѣмъ подписчикамъ въ 1914 году были разосланы безплатныя приложенія: **Первый и второй сборникъ статей: „Библіотека Кооперативной Жизни“.** Статья **Н. Полянскаго**, прис. пов., Уголовная отвѣтственность должностныхъ лицъ кооперативныхъ товариществъ. Статья **А. И. Переса**, прис. пов., Объ организаціи волостныхъ и земскихъ попечительствъ. Съ № 21-го при журналѣ всѣмъ подписчикамъ прилагаются: „Труды Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ“.

Цѣна журнала за 1914 годъ (24 №№ и приложенія) 5 руб., безъ приложеній 3 руб. Цѣна журнала за 1913 годъ 3 р. (24 №№). Отдѣльные №№ журнала за 1913 и 1914 г. по 20 коп. Сборники „Библіотека Кооперативной Жизни“ по 1 рублю.

Редакціонный комитетъ:

М. П. Авсаркисовъ, В. И. Анисимовъ, А. А. Евдокимовъ, В. А. Кильчевскій, А. Е. Кулыжный, Г. А. Мартюшинъ, Н. П. Огановскій, А. В. Чаяновъ и кн. Д. И. Шаховской.

Проспектъ объ изданіяхъ „Кооперативной жизни“ высылается по требованію безплатно.

Пробный номеръ высылается за 2 десятикопѣечныя марки.

Съ требованіями обращаться по адресу конторы журнала „Кооперативная Жизнь“.

Издатель: *Комитетъ о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ при Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства.*

МОСКВА, Моховая, 14, кв. 2.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 г.

(22-й годъ изданія)

РУССКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ

(съ приложеніемъ БИБЛІОГРАФИЧЕСКАГО ЛИСТКА).

Сотрудниками „РМГ.“ состоятъ **Θ. Акименко, П. Бебутовъ** (Тифлисъ), **Викт. Вальтеръ, В. Васильевъ, Рост. Геника** (Харьковъ), **А. Григорьянцъ** (Баку), **Евг. Гунстъ, Р. Ивановъ** (Иркутскъ), **И. Изюмовъ, М. Кальвокореси** (Парижъ), **Л. Караффа-Корбутъ** (Варшава), проф. **Н. Кашкинъ, Д. Кулыгинъ** (Саратовъ), **Ю. Курдюмовъ**, свящ. **В. Лебедевъ** (Тамбовъ), проф. **Ф. Либерманъ, Ив. Липаевъ** (Саратовъ), **Н. Малковъ**, проф. **В. И. Петръ, Бор. Поповъ** (Пермь), **Н. Привалов, Гр. Прокофьевъ** (Москва), **В. Ребиковъ, С. Рыбаковъ, Н. Саввинъ** (Н.-Новгородъ), проф. **Л. Саккети, Б. Тюнѣевъ, Н. Фатовъ** (Москва), **Р. Энгель** (Одесса), и др. Собственные корреспонденты въ главныхъ музык. городахъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, Редакція предполагаетъ выпустить въ 1915 г. слѣдующіе **спеціальные №№**, посвященные **современнымъ русскимъ и соврем. испанскимъ композиторамъ, церковной музыкѣ и соврем. русскимъ духовнымъ композиторамъ, С. И. Танѣеву**, памяти **М. А. Балакирева** и др. №№.

Одинъ изъ № (выйдетъ къ 1-му апрѣля) съ **каррикатурами** и статьями на музыкальныя злобы дня.

Съ № 1-го начнется печатаніе историко-критическаго очерка **Ник. Финдейзена СЮЖЕТЪ ФАУСТА ВЪ МУЗЫКѢ.**

Въ видѣ **особаго приложенія** въ 1915 г. начнется печатаніе цѣнныхъ историческихъ **Матеріаловъ къ біографіи Н. А. РИМСКАГО-КОРСАКОВА** по личнымъ воспоминаніямъ **В. В. ЯСТРЕБЦЕВА.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНЯЯ съ дост. и перес. въ годъ—**5** руб. (за границу —**6** руб.) на 6 мѣсяцевъ (съ 1 янв.)—**3** руб.

На другіе сроки подписка не принимается.

Объявленія: за строку петита впереди текста **50** коп., позади текста **30** коп.

Редакція и Главная Контора: ПЕТРОГРАДЪ, 2 рота, 16 (тел. 507-64).

Редакторъ-Издатель *Ник. Финдейзенъ.*

Открыта подписка на 1915 годъ

на ежедневную, большую, прогрессивную, КРАЕВУЮ газету

„СѢВЕРО-ЗАПАДНАЯ МЫСЛЬ“

Въ газетѣ принимаютъ участіе приглашенные столичные литераторы а также мѣстные и краевые общественные дѣятели и литераторы.

Собствен. корреспон. во всѣхъ городахъ и мѣстечк. С. З. Края.

Подписная цѣна:

Въ Минскѣ: На годъ—**5** р., на 6 мѣс.—**2** р. **50** коп., на 3 мѣс.—**1** р. **50** к., на 1 мѣс.—**60** к.

Въ другихъ городахъ: На годъ—**6** р., на 6. м.—**3** р., на 3 м.—**1** р. **85** к., на 1 м.—**85** к.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: При подпискѣ—2 р., къ 1 марта 2 руб. и 1 мая для городскихъ—1 руб., для иногородныхъ—2 руб. *Учит., духов. лицамъ, военнымъ и учащимся при годовой подпискѣ скидка—15% при полугодовой 10%.*

Адресъ редакціи и конторы: Минскъ губ. Преображенская, 23.

Редакторъ С. ЗУСЕРЪ.

ОБЩЕСТВО „ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНІЕ РОССІИ".

Поставивъ себѣ задачей придти на помощь всѣмъ желающимъ работать на нивѣ экономическаго возрожденія нашей родины и желая объединить капиталъ, знаніе и трудъ въ цѣляхъ развитія самодѣятельности силъ страны, Общество съ 20 декабря сего года, приступаетъ къ изданію собственнаго журнала:

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНІЕ РОССІИ.

Журналъ будетъ заключать въ себѣ слѣдующіе отдѣлы:

1. Правительственныя распоряженія и торговое законодательство.
2. Экономическій.
3. Торгово-промышленный.
4. Фабрично-заводскій.
5. Фотографическій.
6. Химическій.
7. Фармацевтическій.
8. Сельскохозяйственный.
9. Научный.
10. Биржа и рынки.

Кромѣ того, въ журналѣ будутъ помѣщаться обзоры существующихъ и вновь возникающихъ отраслей отечественной промышленности, торговли, а также и обзоры природныхъ богатствъ Россіи. Особое вниманіе обращено на отдѣлъ справокъ и отвѣтовъ гг. членамъ Общества и подписчикамъ.

Открыта подписка на 1915 годъ на еженедѣльный журналъ

ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ,

издающійся въ Петроградѣ съ 1 іюля 1912 г.

Задачею журнала служитъ безпристрастное, правдивое, научно-обоснованное и чуждое партійной односторонности освѣщеніе вопросовъ современной церковно-общественной жизни.

Въ журналѣ принимаютъ ближайшее участіе: проф. свящ. *К. М. Аггевъ*, проф. *И. Д. Андреевъ*, *К. Н. Брянчаниновъ*, проф. *Н. А. Заозерскій*, проф. *В. З. Завитневичъ*, проф. *А. В. Карташовъ*, проф. *Н. Д. Кузнецовъ*, *А. А. Папковъ*, *В. П. Соколовъ*, чл. Г. Д. *И. В. Титовъ*, проф. *П. В. Тихомировъ*, кн. *Е. Н. Трубецкой*, проф. *В. И. Экземплярскій* и другіе.

Годовые подписчики журнала „Церковно-Общественный Вѣстникъ" получатъ въ 1915 году (въ Январѣ) въ качествѣ безплатнаго приложенія изд. въ 1914 году кн. Г. А. Василевскаго „Баптизмъ и свобода воли". Природа Церкви. Основы баптизма. Догматъ. Культъ.

ПРОПОВѢДНИЧЕСКОЕ СЛОВО,

которое издается ближайшимъ сотрудникомъ журнала „Ц.-О. В". В. П. Соколовымъ при участіи свящ. К. Агеева.

Подписная цѣна на „Церковно-Общественный Вѣстникъ" на годъ 4 р., на $^1/_2$ г.—2 р., на 3 мѣсяца—1 р. 25 коп., на мѣсяцъ—65 коп. съ доставкой и пересылкой. Цѣна №-а въ прод. 10 коп., съ перес. 15 к.

Подписная цѣна на „Проповѣд. Слово"—2 р. въ годъ, а подпис. цѣна на „Ц.-О. В." и „Проп. Слово" вмѣстѣ—5 р. въ годъ съ дост. и перес.

Вновь подписавшіеся на весь 1915 годъ въ теченіи Ноября получатъ безплатно Декабрскіе №№ журнала.

Подписка принимается въ конторѣ журнала—Петроградъ, Вас. Остр., Больш. пр. 56, кв. 62, въ кн. маг. „Новаго Времени", Вольфа и др. и въ почтовыхъ отдѣленіяхъ Имперіи.

Контора журналовъ открыта ежед. кромѣ праздн. дней, отъ 11 до 4 ч. дня.

Иногородныхъ просятъ адресовать всю корреспонденцію по адр. Птгр. В. О. Бол. пр. 56, кв. 62.

Пробный № ж. „Ц.-О. В." высылается безплатно по сообщеніи адреса.

Редакторъ-издатель **А. Н. Брянчаниновъ.**

ГОЛОСЪ МОСКВЫ

Безпартійная прогрессивная газета.

До окончанія войны выходитъ ежедневно, не исключая и дней послѣпраздничныхъ. Со 2-го декабря программа газеты расширена, составъ редакціи и сотрудниковъ обновленъ и увеличенъ. Газета объединяетъ всѣ прогрессивныя теченія русской жизни.

Освѣщая и разрабатывая всѣ животрепещущіе вопросы, интересующіе общество, «ГОЛОСЪ МОСКВЫ» ставитъ своей главной и первой задачей, чтобы ни одно выдающееся событіе въ мірѣ не прошло не отмѣченнымъ на страницахъ газеты. Во всѣхъ болѣе крупныхъ городахъ Россіи и за границей газета имѣетъ **собственныхъ корреспондентовъ** и обо всемъ интересномъ,гдѣ бы и что бы ни совершалось,сообщаетъ своимъ читателямъ раньше и подробнѣе всѣхъ. Особенное вниманіе обращается на то, чтобы въ погонѣ за сенсаціями читателямъ не сообщалось непровѣренные, вздорные слухи.

Исключительное вниманіе „ГОЛОСЪ МОСКВЫ“ удѣляетъ событіямъ, происходящимъ на театрахъ военныхъ дѣйствій.

Газетой командированы спеціальные корреспонденты въ дѣйствующую армію и во всѣ близлежащіе районы и въ завоеванныя земли.

Пробные номера газеты для ознакомленія высылаются БЕЗПЛАТНО по первому требованію.

Открыта подписка на 1915 годъ (9-й годъ изданія).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 9 р., на 6 мѣс. 4 р. 75. к. на 3 мѣс. 2 р. 50 к. и на 1 мѣс. 1 руб.

Допускается разсрочка: 1) для годовыхъ подписчиковъ—при подпискѣ 3 р., къ 1 апрѣля 3 р. и къ 1 іюля 3 р. и 2) для полугодовыхъ—при подпискѣ 3 р. и къ 1 апрѣля 1 р. 75 к.

ЛЬГОТНАЯ ПОДПИСКА ВЪ РОССІИ: для лицъ духовнаго званія, военныхъ, учителей, учительницъ, студентовъ, желѣзнодорожныхъ служащихъ, приказчиковъ и рабочихъ: въ годъ 6 р. 50 к., на 6 мѣс. 3 р. 50 к., на 3 мѣс. 1 р. 75 к. и на 1 мѣс. 75 к.

Допускается разсрочка: 1) для годовыхъ подписчиковъ—при подпискѣ 2 р. 50 к. къ 1 апрѣля 2 р. и къ 1 іюля 2 р. 2) для полугодовыхъ при подпискѣ 2 р. и къ 1 апрѣля 1 р. 50 к.

Подписка принимается: въ главной конторѣ «ГОЛОСЪ МОСКВЫ»—Москва, Филипповскій пер., 11, во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, конторахъ объявленій и во всѣхъ почтово-телеграфныхъ отдѣленіяхъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 г. (IV-й годъ изданія)

На Еженедѣльный Иллюстрированный Художественно-Литературный Журналъ

ЖИЗНЬ

выходящій въ г. Казани.

Журналъ освѣщаетъ всѣ текущія событія въ Россіи и заграницей.

Въ Литературномъ отдѣлѣ будутъ помѣщены произведенія: Ан. Амнуэль, Астраханцева, Н. Брешко-Брешковскаго, Д-ра В. Бѣляева, Д-ра В. Бузунова, Волгаря, В. Васильковой, В. Вячеславскаго, А. Галкина, С. Гортинскаго, Л. Гумилевскаго, О. Дымова, Н. Ильина, И. Ивина, Б. Илышева, Н. Куприна, К. И. Калинина, прис. пов. Ледницкаго, Н. Лѣскова, И. Лаврентьева, П. Михайловичъ, И. Морозова, Милорадъ Петровичъ (серб. писат.), Э. Ожешко (польск. пис.), Кн. Н. Отяева, Пшебышевскаго (пол. пис.), Н. Скворцова, С. Семенова-Волжскаго, Кн. С. Трубецкаго, Тюбякъ-Чирковскаго, Н. Твардовскаго, П. Тодорова (болгар. пис.), Е. Чирикова, Ю. Юшкова, А. Шевалье, (бельг. пис.), Я. Эрнстонъ (англ. пис.)

Въ Художественномъ отдѣлѣ: Б. Анисфельдъ, А. Бенуа, И. Билибина, акад. Е. Волкова, В. Васнецова, А. Гаушъ, В. Звѣрева, проф. Д. Кардовскаго, К. Костанди, Г. Лукомскаго-Е. Лансере, Н. Лансере, Д. Митрохина, С. Милорадовичъ, А. Мантель, К. Петрова. Водкина, Н. Рерихъ, А. Семеновой, Н. Самокишъ. А. Таланцева, В. Чемберсъ, С. Яремичъ,

Собственные корреспонденты на войнѣ. Соб. цинкографія исполняетъ фотогр. снимки эпизодовъ войны, присылаемые сотрудниками.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

На годъ. . . . 2 р. 50 к. На 3 мѣсяца. . . 70 к.
На 6 мѣсяцевъ. 1 р. 35 к. На 1 мѣсяцъ. . . 25 к.

Адресъ редакціи и конторы: Казань, Проломная, 27.

В. З. ЗАВИТНЕВИЧЪ. Русскіе славянофилы и ихъ значеніе въ дѣлѣ уясненія идей народности и самобытности. Кіевъ, 1915. Ц. 35 к.

Рѣчь проф. Завитневича, произнесенная на торжественномъ актѣ Кіевской Д. Ак., полна интереса и заслуживаетъ вниманія. Къ сожалѣнію она, какъ всѣ рѣчи, ограниченныя временемъ и обстоятельствами момента, слишкомъ кратка, сообщаетъ меньше фактовъ, чѣмъ нужно, и вообще освѣщаетъ значеніе славянофиловъ меньше, чѣмъ можно. Представителемъ славянофильства выставляется Н. Я. Данилевскій.

А. А. ГЛАЗУНОВЪ. Матеріалы для исторіи русской иконописи. Выпускъ I. Два изображенія св. Алексія Человѣка Божія, ангела царя Алексѣя Михайловича, въ Звенигородскомъ Саввино-Сторожевскомъ монастырѣ. М. 1914.

Брошюрка г. Глазунова, иконописца, заключаетъ въ себѣ два снимка: 1) съ фрески въ Саввиномъ монастырѣ, работы царскихъ мастеровъ половины XVII в., и 2) съ иконы въ томъ же монастырѣ, работы тѣхъ же мастеровъ, и краткое описаніе фрески и иконы. Снимки слабаго исполненія (цинкографіей).

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1907 г. Спб. 1914.

Отчетъ сильно запоздалъ; видно, что Имп. П. б-ка не спѣшитъ знакомить публику съ своими пріобрѣтеніями. Жаль. Пріобрѣтеній у нея немало и цѣнныхъ между ними большая часть. Собраніе рукописей библіофила П. Н. Тиханова, числомъ свыше 900, отъ XV до XIX в., заключаетъ въ себѣ, между пр., одно соч. Григ. Сковороды въ автографѣ, копіи съ секретныхъ записокъ архим. Фотія Имп. Александру I и бумаги М. Е. Лобанова, съ автографами Батюшкова, Жуковскаго, Козлова, Плетнева. Въ собраніи рукописей проф. И. В. Помяловскаго, гл. обр., XVIII—XIX вв., огромное количество автографовъ русскихъ и иностранныхъ дѣятелей (по преимущ. ученыхъ). Письма разныхъ лицъ къ Помяловскому, къ проф. А. А. Котляревскому, къ ген. П. О. Бобровскому, къ композ. М. А. Балакиреву, письма композит. П. И. Чайковскаго къ роднымъ и знакомымъ обѣщаютъ дать матеріалъ изслѣдователямъ въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ.

Б. СТАРОВѢРОВЪ. Нѣмецкое плѣненіе Харьковскаго Университета. Харьковъ, 1915.

Книжка говоритъ о самомъ недавнемъ прошломъ и рисуетъ намъ въ яркомъ освѣщеніи успѣхи подпольной работы, направленной противъ русскаго государства и р. народа. Евреи, Грузины, Украинцы соединили свои силы и трудились совмѣстно, при благосклонномъ бездѣйствіи попечителя, ректора и проректора. Усердно рекомендуемъ прочесть книжку.

Вѣстникъ Общества Ревнителей исторіи. Вып. I (1914.), подъ редакціей замѣстителя предсѣдателя М. К. Соколовскаго. Пгр. 1914.

Изящно изданный томъ, надѣемся не первый въ длинномъ рядѣ томовъ,—содержитъ, м. проч., статьи: Герцога Г. Н. Лейхтенбергскаго—„Изъ записокъ о Россіи графа ф.-Герца, прусскаго посланника при дворѣ Ек. II; П. П. Дурново—„Изъ дневника фл.-ад. Н. Д. Дурново“ († 1828 г.), П. И. Ковалевскаго—„Двѣнадцатый годъ на Кавказѣ“; П. Н. Исакова—„Парижскій конгрессъ и Дунайскія княжества“; П. Ѳ. Булацеля—„Забытый герой Отеч. войны ген.-м. кн. И. С. Гурьяловъ“; М. К. Соколовскаго—„Изъ военно-судебныхъ дѣлъ за 1812—14 гг.“; Т. О. Соколовскій—„Въ масонскихъ ложахъ, по неизд. дневнику масона полк. Л. А. Симанскаго“. Первый опытъ печатной дѣятельности молодого общества можно считать удавшимся.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

РУ́ССКІЙ А́РХИ́ВЪ

издаваемый Петромъ Бартеневымъ (младшимъ).

1915-й годъ.

(Годъ изданія 53-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1915 году, за **двѣнадцать выпусковъ** съ пересылкой и доставкой **девять рублей**, для чужихъ краевъ **двѣнадцать рублей.**

Подписка въ Москвѣ въ Конторѣ Русскаго Архива на Арбатѣ, въ Денежномъ пер., въ домѣ № 3 (на дворѣ), и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени.“

Контора открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 2 час. дня.

Книгопродавцамъ контора дѣлаетъ уступку 5 %.

За перемѣну адреса тридцать копѣекъ.

Жалоба на неполученіе принимается лишь въ теченіе мѣсяца со дня выхода книжки, при чемъ жалобщики благоволятъ заявлять № своей бандероли, что и при перемѣнѣ адреса. Спустя три мѣсяца со дня разсылки книжки, Контора никакихъ жалобъ не принимаетъ.

Въ конторѣ Русскаго Архива продаются 12 выпусковъ журнала за 1913 и 1914 гг., по цѣнѣ 12 р. Отдѣльные №№ за 1913 и 1914 гг., по цѣнѣ 2 р.

Объявленія въ Русскомъ Архивѣ печатаются по цѣнѣ: впереди текста, страница 100 р., $^1/_2$ стр. 50 р., $^1/_4$ стр. 25 р.; позади текста, страница 80 р., $^1/_2$ стр. 40 р., $^1/_4$ стр. 20 р. Лицамъ, печатающимъ объявленія многократно, Контора дѣлаетъ уступку.

Составитель и издатель **Петръ Бартеневъ** (младшій).